БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.П. ГРИЦКЕВИЧ, С.Б. КАУН, С.Н. ХОДИН

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ЗАОЧНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ ГУМАНИТАРНЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ ВУЗОВ

Минск, 2000

ВВЕДЕНИЕ

На исходе XX столетия все более определяется стремление к формированию единой науки о человеке. Эта тенденция сталкивается с огромным количеством подходов к предмету изучения, наличием множества понятий, по-разному определяющих аналогичные процессы и явления. Замена «устаревшей» марксистско-ленинской методологии и написание «объективной» истории зачастую осуществляется на основе прежнего исследовательского методического аппарата и лишь компрометирует такие попытки.

Необходим поиск новой эпистемологической системы, основой которой может служить источниковедческая составляющая. Она базируется на рассмотрении исторического источника как продукта культуры, в качестве общего объекта гуманитарных и социальных наук. Данная парадигма гуманитарного знания восходит к наследию выдающегося мыслителя начала XX века А.С. Лаппо-Данилевского, который стремился путем интерпретации исторического источника понять его автора – человека прошлого. Как целостная концепция она разработана и представлена в учебнике Российского государственного гуманитарного университета «Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие для гуманитарных специальностей» (далее - «Источниковедение ...» РГГУ, 1998), авторами которого являются И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская и М.Ф. Румянцева.

Не менее существенное значение имеет и направление, разрабатываемое коллективом исторического факультета МГУ: изучение скрытой информации источников на основе применения количественных методов (широко представленное в работах И.Д. Ковальченко, Л.И. Бородкина и др.).

Еще в середине 1960-х гг. Д.С. Лихачев подчеркивал, что разделение наук на добывающие материал и его обрабатывающие отходит в прошлое. Он и М.Н. Тихомиров в связи с тем предложили ввести понятие «специальные дисциплины» вместо «вспомогательные». Следующим шагом явились работы С.О. Шмидта, в которых источниковедение рассматривалось не только в качестве информационного обеспечения исторических исследований («вспомогательная» функция включена в структуру, но лишь в качестве «составной» части), но и как методики и теории добывания

исторической информации. А это уже с неизбежностью вело к необходимости объяснения природы данной информации. Логическим результатом стало закрепление такого подхода в учебнике РГГУ 1998 г. и определение метода источниковедения как основы междисциплинарного синтеза гуманитарного знания.

Данное пособие, ориентированное, прежде всего, на студентов гуманитарных факультетов учебных заведений, имеет целью обобщение всех имеющихся разработок в сфере теории и методики источниковедения и на основе доступного изложения способствовать выработке целостной концепции восприятия и изучения исторических источников. Издание содержит обширные «Приложения», указаны программа курса, литература по тем или другим вопросам и имеются тесты для самопроверки.

Авторы будут признательны за все замечания и пожелания, которые позволили бы улучшить пособие.

РАЗДЕЛ 1. ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ. КЛАССИФИКАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ. ИСТОРИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

1.1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Есть известная пословица: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». По отношению к научному знанию это определяет стремление составить собственную точку зрения на тот или другой предмет изучения. «Ad fontes» («К источникам») -- говорили древние. Действительно, исследователь может обратиться к научным разработкам своих предшественников, но при этом он лишь составит впечатление о степени разработанности проблемы. Необходимость обращения к источнику всегда рассматривалась как важный этап подготовительной работы.

По образному представлению российского историка Б.Г. Литвака процесс исследования по своим основным этапам схож со строительством дома: прежде необходимо оценить, что за материал имеется в наличии, всего ли хватает и чего недостает, какого качества материал и т.д.

Сейчас однако очевидно, что, если говорить о научном подходе, то весь процесс изучения от его подготовки до завершения так или иначе связан с источником познания (или же в традиции «историческим источником»). Это собственно есть то, что отделяет профессионала-исследователя от любителя (читателя).

Определений исторического источника существует много. Однако в большинстве из них отмечаются следующие критерии:

1. это определенная фиксированная информация (объект). Человек накапливает повседневный опыт и передает его последующим поколениям через закодированную в материальных объектах информацию;

2. источник содержит информацию о реальной жизни человеческого общества в прошлом.

3. мы получаем необходимую информацию только тогда, когда начинаем изучать исторический источник.

Таким образом, ***исторический источник*** – *это объект, который содержит информацию о реальной жизни человеческого общества и включен в процесс исторического исследования.*

До настоящего времени идет дискуссия о том, какие объекты следует относить к историческим источникам: только те, которые являются *следствием* человеческой деятельности *или* же и те, которые *определяют* эту деятельность. В первом случае под историческим источником понимаются «продукты деятельности человека», «произведения», созданные в процессе целенаправленной человеческой деятельности. Даже в таком понимании категория «исторические источники» включает огромное разнообразие объектов: от летописей до каналов, плотин и космических кораблей.

Другую точку зрения отстаивают прежде всего те исследователи, которые определяют необходимость изучения человека и как биологического существа. Они подчеркивают, что не только человек оказывает воздействие на окружающую его природу, но и природа воздействует на него. При этом степень такого обратного воздействия была особенно сильна в эпоху первобытности. Поэтому, например, авторы уже пятого издания «Истории первобытного общества» В.П. Алексеев и А.П. Першиц утверждают: «Теоретически совершенно очевидно, что человеческая история разыгрывалась на каждом из своих отрезков в определенных условиях географической среды и что биологическая динамика человеческого вида является таким же важным источником для реконструкции многих событий человеческой истории, как и другие собственно исторические источники. Поэтому дискуссия о том, есть ли естественноисторическая информация исторический источник или нет, в сущности говоря, бесплодна». (М., 1999. С. 15).

1.2. ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ДРУГИЕ ОТРАСЛИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Итог указанной выше дискуссии все же не так очевиден для других исследователей. Но развитие знаний о человеке постоянно ведет к необходимости определения единых подходов и поиску единого объекта. Еще недавно источниковедение рассматривалось как вспомогательная историческая дисциплина, а обращение историков преимущественно к письменным источникам приводило к быстрой дифференциации других дисциплин - прежде всего археологии. На этом этапе были выработаны многие специфические приемы и методы изучения исторических источников, происходило стремительное

углубление знания о каждой из сторон человеческой деятельности. Однако на исходе XX столетия стало очевидным, что познание части не означает познания целого. Именно в этом следует видеть причины популярности таких методов как компаративные (сравнительные), системного подхода и других. Естественно возник вопрос об основе гуманитарного синтеза и определении единого объекта наук о человеке.

Объект *– это то, на что направлена познавательная деятельность* исследователя. Ни одна наука не может обойти вниманием вопрос о своем объекте, который *должен соответствовать следующим условиям*:

- **доступность наблюдению**;
- **стабильность** (обеспечивает возможность многократного обращения);
- **независимость от исследователя** (процедура исследования не влияет на эти свойства).

Объектом источниковедения, истории, всех гуманитарных наук *является исторический источник.* Исторический источник представлен в материальной форме и независим от познающего субъекта, так как создан для других целей и в другое время, в своей совокупности исторические источники отражают взаимодействие с обществом, государством и другим человеком, реализующееся в глобальной истории человечества.

Предмет *– это конкретные стороны, свойства и отношения объектов, которые изучаются в определенный момент с определенной целью*. Предмет той или другой отрасли знаний составляют не все черты, которыми характеризуется исследуемый объект, а только те из них, изучение которых соответствует цели данной дисциплины, ведет к познанию интересующих ученых сторон, качеств и связей объекта. Предмет изучения определяет подход к объекту, задачи, методы науки. Любая наука - история, социология, психология и др. - обращается к историческим источникам избирательно, под углом своих конкретных познавательных целей, прежде всего подвергая анализу социальную информацию, содержащуюся в них. А источниковедение изучает сами источники, их форму и содержание. Источниковедение изучает не только информацию, заключенную в источнике, но и исследует последнюю как исторический факт (время, условия, создатели и т. д.). Предметом

источниковедения является совокупность всех исторических источников во всей полноте заключенной в них информации.

Источниковедение складывалось как особая дисциплина прежде всего в рамках методологии исторического исследования. Это нашло отражение в терминах «исторические источники», «историческое источниковедение». Однако в настоящее время очевидно, что источниковедение для историка (социолога, этнолога и пр.) не

Только вспомогательная дисциплина, что проблемы, разрабатываемые источниковедением рассматриваются не только в исторической науке, а в гораздо более широком междисциплинарном пространстве гуманитарных исследований. Источниковедение изучает свойства источников и на этой основе формирует возможные методы изучения информации, ее критической проверки и истолкования, и, поскольку источники составляют объективную основу гуманитарных наук как наук о человеке и его деятельности, то представитель гуманитарного знания должен реально представлять себе, что такое источниковедение, его метод и перспективы развития. Источниковедение, таким образом является самодостаточной областью знания, основой междисциплинарного синтеза гуманитарных наук.

Издавна сложилась особая группа дисциплин, накопивших опыт работы с определенными видами источников, -- так называемых специальных исторических дисциплин – археология, музееведение, архивоведение, археография, палеография, сфрагистика, дипломатика и др. Они позволяют исследователям интерпретировать вещественные и другие виды исторических источников, правильно читать тексты, идентифицировать их, подготавливать исторические документы к научному изданию и использованию, учитывать и сохранять источники. Поскольку ***предметом*** *изучения* ***источниковедения*** *является совокупность всех исторических источников во всей полноте заключенной в них информации,* то источниковедение отличается от тех специальных дисциплин, которые изучают отдельные черты источника (например, палеография) или отдельные виды источников (например, геральдика или нумизматика). Источниковедение вместе с тем не сумма специальных исторических дисциплин, а их определенная система.

Источниковедение имеет свой теоретический и эмпирический (прикладной) уровни, свою методику и методологию. **Методика** - *это*

совокупность определенных приемов, методов и правил их использование в работе источниковеда. **Методология** *- это учение об этих методах, об основных принципах источниковедческого исследования.*

Теоретическое источниковедение разрабатывает общие методы изучения и исследования исторических источников. Эти методы адаптируются и конкретизируются в отношении к изучению отдельных групп источников, или определенных их характеристик. Если *для теоретического источниковедения метод - это и предмет исследования, то для прикладного – это определенный инструмент изучения.*

Кроме теоретического источниковедения существует источниковедение определенных отраслей знания (лингвистическое, архивное), а также определенных типов и видов источников (летописей, печатей, актов, денежных знаков и т. д.). В зависимости от вида систематизации, мы можем изучать источники или по истории Восточной Европы XIV – XVIII веков и т. д., или источники по истории Беларуси. С таким подходом связано и понимание источниковедения в широком и узком смысле слова:

1. как методологии анализа исторического источника;
2. как научной дисциплины, которая изучает письменные источники.

1.2.1. Источниковедение и архивоведение

Рассмотрим сходство и отличие источниковедения с архивоведением и архивным делом.

Архивоведение *– комплексная дисциплина, разрабатывающая теоретические, правовые и методические вопросы архивного дела.* Архивное дело – отрасль деятельности общества, охватывающая практические вопросы хранения, организации и использования архивных документов. У архивоведения и источниковедения – *различный предмет и* не совпадающий *объект* исследования. Объектом источниковедения являются исторические источники и в их числе, архивные документы. ***Объектом*** же ***архивоведения*** являются *текстовые документы на бумажной основе, научно-технические документы, кинофотодокументы, звукозаписи, микрофильмы и другие документы на различных материальных носителях,*

подлежащие архивному хранению и хранящиеся в архивах. ***Предметом архивоведения*** *являются научная организация документов и управление ими, процессы и способы работы с документами в целях их сохранности и использования, разработка теоретических и методических основ этих процессов.*

Архивоведение изучает только те источники, которые подлежат хранению или находятся на хранении в архивах. По отношению к этим источникам применяются и источниковедческие приемы работы (комплектование архивов, систематизация и классификация документов, экспертиза их ценности), и методы работы, находящиеся за пределами источниковедения (проверка наличия и состояния документов, их учет, организация научно-справочного аппарата к документам, организация их использования).

1.2.2. Источниковедение и музееведение

Необходимо рассмотреть, где соприкасаются и чем отличаются друг от друга источниковедение и музееведение.

Музееведение *– это наука, изучающая процессы сохранения социальной информации, познания и передачи знаний и эмоций посредством музейных предметов, музейное дело, музей как общественный институт, его социальные функции и формы их реализации.*

Музееведение изучает историю, историографию, теорию и методику музееведения, музейное источниковедение и прикладное музееведение.

Теория и методика музейного дела разрабатывают основные принципы и методы комплектования, отбора, группировки и систематизации, научного изучения, хранения, экспонирования и других видов популяризации предметов, подлежащих музейному хранению, систему информации о содержании этих предметов, организации работы музейных учреждений.

Объект музееведения – музей, музейное дело как общественное явление; предмет музееведения – круг объективных закономерностей, относящихся к процессам накопления и сохранения социальной информации, познания и передачи знаний, традиций, представлений и эмоций посредством музейных предметов, к процессам возникновения, развития и общественного функционирования музея,

музейного дела.

Хотя задачи музееведения и источниковедения отличаются друг от друга, в ряде моментов они совпадают. Историческое источниковедение изучает исторические источники вне зависимости от их музейной ценности. Музееведение изучает только предметы, представляющие музейную ценность, в том числе и естественные источники (иначе источники географической среды) среды обитания человека, которая является условием человеческой деятельности, а не причиной исторического события. Источниковедение изучает только те естественные источники, в которых человек совершил изменения и которые в силу этого становятся историческими источниками. Музееведение изучает лишь те исторические и естественные источники, которые подлежат сосредоточению в музеях и обуславливают возможность не только научного познания, но и эмоционального освоения мира.

Вместе с тем музееведы в своей практике неизбежно пользуются приемами и методами исторического источниковедения: поиском невыявленных предметов музейного значения (музееведческой эвристикой), отбором из их числа соответствующих носителей информации, критикой музейного предмета, музееведческой оценкой и использованием.

Использование музейных предметов как исторических источников и средств музейной коммуникации с особой остротой ставят вопрос о выделении музееведческого источниковедения как структурного элемента музееведения и исторического источниковедения. Объектом его исследования следует считать источники смысловой и эмоциональной информации, извлекаемые из реальной деятельности, обладающие признаками музейных предметов. Предметом его исследования можно назвать закономерности, связанные с научным документированием процессов и явлений реальной действительности, выявлением и отбором из нее предметов музейного значения, их тезаврированием и использованием в научных и иных целях.

Изучая все типы источников музейных собраний, музееведческое источниковедение ставит своей задачей создание целостного представления о музейных предметах как историко-культурных ценностях.

Музейное источниковедение и источниковедение близки между

собой, пересекаются во многих своих задачах, объектах, методах исследования. Однако музейное источниковедение изучает в первую очередь вещественные и изобразительные типы источников, составляющие преимущественную часть музейных предметов. Эти дисциплины существенно разнятся и по постановке конечных задач.

И музееведение, и архивоведение – параллельные исторической науке отрасли знаний, хотя они и близки к ней и пользуются методами ряда исторических дисциплин и, в первую очередь, источниковедения. Обслуживание исторической науки – это далеко не все, что необходимо архивисту и музейному работнику.

1.2.3. Источниковедение и библиография

Историческая библиография *– вспомогательная историческая дисциплина, предметом которой является разработка методов поиска, библиографического описания, целевого отбора, научной систематизации источников и литературы и передачи полученной информации исследователю.*

Историческая библиография ставит своей задачей целенаправленную передачу читателям информации о произведениях печати. Единицей поиска для библиографа является библиографическая (печатная) позиция, то есть совокупность основных данных библиографического описания, характеризующих конкретное произведение (книгу, брошюру, листовку, плакат с текстом, статью) и отличающих его от ему подобных, вне зависимости от того, источник ли это, или исследование.

В задачу библиографии входят поиски библиографических позиций, а в задачу того раздела источниковедения, который занимается поиском и отбором источников, – источниковедческой эвристики, – поиск источников. В той степени, в которой единицы поиска библиографии и источниковедения совпадают, то есть если источник является печатным произведением, цели и задачи библиографии и источниковедения совпадают. Но историческая библиография охватывает только опубликованные исторические источники, а источниковедение изучает и неопубликованные письменные источники, и вещественные, и фонические, и изобразительные. Историческая библиография изучает не только исторические источники, но и исторические исследования.

Литература

Парфенов И.Д. Основы исторической библиографии. – М.: Высшая школа, 1990.

1.3. КЛАССИФИКАЦИЯ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Систематизация и классификация позволяют в разнообразии увидеть систему, определить группы, которые отличаются по определенным чертам и особенностям.

При этом не принимается во внимание форма источника. Довольно часто при оформлении списка использованных источников и поиска источников определяется их деление на опубликованные и неопубликованные (архивные). Однако характер источника не изменяется от того, что он определенное время хранился в архиве, а затем был опубликован.

При группировке исторических источников отличают их систематизацию и классификацию. ***Систематизация*** *осуществляется в результате вмешательства исследователя, когда сам исследователь строит такую систему, которая бы лучше соответствовала его целям и задачам*. При этом во внимание принимается только одна из многочисленных *внешних* характеристик источника. *Задача систематизации - служебная, вспомогательная*. При этом могут быть избраны следующие ***принципы систематизации:***

1. **хронологический,** который учитывает время создания источника (большие системы: античные, средневековые, новой и новейшей истории; мелкие: по истории второй мировой войны, послевоенного десятилетия и т. д.);

2. **региональный** принцип (по истории Прибалтики, восточнославянских земель, Восточной Европы);

3. **этнический** (по истории России, Украины, истории татар, цыган и т.д.);

4. **проблемный (**отмена крепостного права в Беларуси и др.)

5. **персональный** (деятельность Витовта, Петра I и т. д.).

Наибольшее распространение получила систематизация по

нескольким принципам (например, источники истории Беларуси (России, Прибалтики и др.) нового и новейшего времени).

В отличие от систематизации, ***классификация*** - *раскрытие внутренне необходимой связи между отдельными категориями исторических источников*: *типами, родами и видами.* Классификация не просто систематизирует источники в удобные для изучения группы, но и способствует ее анализу, имеет познавательный характер.

С середины XIX в. получает распространение деление всех источников на «*остатки*» и «*предания*». К «**остатками»** отнесли части явлений, которые сохранились (останки людей, материальные следы деятельности людей: домашняя утварь, оружие и т. д., письменные документы для текущих нужд); а также язык, песни, реликты древних обычаев. *Главная черта «остатков» - они не создавались специально для передачи информации о прошлом.*

К «**преданиям»** отнесли все сообщения, которые описывают исторические факты, говорят о них, но самих этих фактов не фиксируют и в современность не переносят. В «преданиях» перед нами восстают не сами факты и даже не их отдельные части, а только отражение их в сознании каких-то информаторов. *Эти сообщения об исторических фактах создавались специально для сохранения и передачи исторической информации и поэтому рассматривались как субъективные в большей мере, чем «остатки».*

При всей простоте и познавательной деятельности данная классификация представляет собой одну из первых попыток осмысления всего массива исторических источников. *Указанное деление схематично и противоречиво,* ибо те же летописи (сообщение о прошлом) являются не только преданиями, но одновременно и «остатками» деятельности конкретных людей -- летописцев.

Формационный подход в советской исторической литературе вызвал попытки делить письменные источники на группы *по содержанию* (экономические, политические, культурные) *и происхождению* (в сфере социальных, экономических отношений). Однако действительность -- это не просто сумма явлений, источник формируется не в одной какой-то сфере, но даже если это и происходит, то она, как правило, отражает не одну, а много сторон исторического прошлого.

В 1970-е гг. *Л.М. Пушкаревым* и *А.П. Пронштейном* была предложена классификация *по способу фиксирования (кодировки)*

информации. В соответствии с ней все источники делятся на следующие *типы* (тип объединяет источники, которые отличаются способом кодировки информации):

1. письменные;

2. вещественные;

3. этнографические;

4. устные (фольклорные);

5. лингвистические;

6. фонодокументы;

7. фотокинодокументы.

Отмеченная выше классификация, которая позволяет произвести деление на 7 типов учитывает, с одной стороны, наиболее существенные черты, характерные для тех или других источников (происхождение, форма, содержание), а с другой - объекты исследования конкретных отраслей гуманитарных наук

Однако этнографические, устные (фольклорные) и лингвистические источники могут быть представлены в письменной форме, или же в виде фоноисточников и кинофотодокументов. Графические (картографические) источники же вообще не попадают ни в один из названных типов. Поэтому *И.Д. Ковальченко* предложил классификацию с точки зрения не способов, а *форм фиксации* информации и выделил следующие типы:

1. вещественные;

2.изобразительные: художественно-изобразительные и графически-изобразительные;

3. письменные источники;

4. фонодокументы.

В последние годы большой интерес вызвала типологическая классификация исторических источников, предложенная *С.О. Шмидтом*. Во-первых, она охватывает все источники исторического происхождения. Во-вторых, она очень удобна для восприятия, ибо *в основе ее - внешняя, «материальная» форма источника.* В соответствии с классификацией С.О. Шмидта выделяются следующие типы и подтипы:

1. Вещественные источники во всем их многообразии (от предметов археологии до современных машин и бытовых предметов). Это, кстати, позволяет учесть, что в результате деятельности человека изменялся и растительный и животный мир (флора и фауна). К

данному типу можно отнести не только чучела животных, птиц и муляжи плодов, гербарии (выставленные в музеях), но и самих животных, птиц, растения и другие природно-географические источники исторического (искусственного) происхождения.

2. Изобразительные источники:

а) художественно-изобразительные (произведения изобразительного искусства, искусство кино и фотографии);

б) изобразительно-графические (источники, которые содержат информацию, переданную при помощи графических изображений);

в) изобразительно-натуральные (фотографии, документальные кинокадры).

3. Словесные источники :

а) разговор (и фонодокументы его фиксирующие);

б) памятники устного творчества (*фольклор);*

в) письменные памятники (включая эпиграфические) во всем многообразии их форм и видов.

4. Конвенциональные источники (от латинского conventionalis - условный). К настоящему времени имеется огромное количество их форм и видов - нотная запись, знаки математической и другой символики, информация, зафиксированная на машинных носителях и т. д. Можно предположить, что это один из наиболее недостаточно определенных типов источников.

5. Поведенческие источники. Сюда, во-первых, С.О. Шмидт относит визуально наблюдаемые обычаи и обряды (ритуалы) - коллективные и индивидуальные действия (трудовые, семейно-бытовые, праздничные, спортивные и т. д.) Обычаи и обряды изучаются этнографами. Однако термин «этнографические источники» (как справедливо отмечает С.О. Шмидт) нельзя признать удачным, ибо собственно этнографическими материалами, которые используются этнографами в своих исследованиях и даже в полевой практике являются и вещественные источники, и определенные письменные записи, и т. д.

6. Звуковые и аудиальные источники. Сюда С.О. Шмидт включает звуки в широком и узко музыкальном смысле («звуки», «звоны», «шумы»), записи голосов птиц, животных. Можно предполагать, что сюда же следует отнести и эмоции, выражаемые человеком, но не облеченные в словесную форму.

Условность классификации С.О. Шмидта, как и других, очень

заметна. Отдельные виды (например, деньги) нельзя отнести точно только к одному из определенных типов. Явление и сущность не всегда совпадают. Было бы удивительно, если бы появилась классификация, которая полностью совпадает с делением источников в действительности. В реальной жизни просто не существует «чистых» типов и любая классификация - вещь условная. Так, например, кинофотоматериалы неразрывно связаны с аннотированием (карточки предметно-тематического каталога, архивные и студийные монтажные листы); в этом случае считаются изобразительная и письменная формы, но предмет отражения один и тот же.

Классификация С.О. Шмидта позволяет, однако, как бы охватить одним взглядом все огромное многообразие источников -- в этом ее главная ценность. Она наилучшим образом отвечает учебным целям, музейной и краеведческой деятельности. Вместе с тем, практические потребности отдельных дисциплин (археологии, библиографии, документоведения) определяют появление и других классификаций, удобных для использования в работе исследователя.

1.3.1. Классификация письменных источников

Имея целью в дальнейшем преимущественное рассмотрение письменных источников, остановимся на их классификации. В XIX -- начале XX вв. в отношении к этому типу источников применяли указанное выше деление на «остатки» и «предания». Разрыв единства объективного и субъективного в источнике вызвал понятную критику со стороны советских историков. Постепенно и незаметно к письменным источникам утвердилось их деление на *два рода* (в котором при ближайшем рассмотрении можно заметить отзвуки предыдущей классификации). *Первый* из них Л.М. Пушкарев определял как актовые. Но, имея в виду дальнейшее употребление этого термина в более узком смысле, остановимся на термине «*документальные»* источники. Их главное отличие в том, что они были вызваны к жизни необходимостью зафиксировать, отразить какие-то явления, факты прошлого и являются их частью («остатками»). Они не создавались специально для передачи информации и вызывают большее доверие у исследователей. Однако, являясь лишь частью факта, они все-таки не передают его во всей полноте и требуют безусловной проверки и дополнения их

информации.

Другой род письменных источников - *повествовательные*. Они, кроме всего прочего, отличаются от документальных тем, что дают последовательное изложение событий и позволяют объяснить взаимосвязи изучаемых явлений с другими явлениями того же времени. Являясь «преданиями», они, преимущественно, создавались специально для передачи информации, подвергавшейся, безусловно, более существенному искажению.

Оба отмеченных рода письменных источников делят на *виды*, количество которых не является неизменным. *Вид - это исторически сложившийся комплекс письменных источников, для которых характерны схожесть их структуры и содержания*. В процессе их эволюции отдельные виды исчезли, их место занимали другие (например, летописи, историко-мемуарная литература и т. д.). Название видов письменных источников также являются предметом продолжительных дискуссий. По квалифицированному мнению Л.М. Пушкарева это картографические, статистические, актовые, канцелярские, личные, художественные, исторические и научные источники. В учебнике РГГУ 1998 г. закрепляется то деление, которое давно присутствует в реальных классификациях историков:

I. **Документальные** источники:

1. *Документы законодательства* (памятники права);

2. *Актовые* источники (договорного характера);

3. *Материалы делопроизводства* (в результате деятельности канцелярий и других учреждений по созданию документов);

4. *Статистические* материалы (выросшие из массива делопроизводства как реализация обратной связи в управлении). В качестве подвида сюда относим: экономико-географические, хозяйственные описания, а также материалы фискального учета, которые часто приобретают характерные черты массовых источников.

II. **Повествовательные** источники:

1. *Летописи и хроники*;

2. *Мемуарная литература* и *эпистолярные источники* (многие мемуарные произведения зарождались в эпистолярной форме, тесную связь между этими подвидами можно проследить на протяжении XX в.). В учебнике РГГУ 1998 г. им дано общее название: *источники личного происхождения.*

3. *Литературные и публицистические произведения* (в том числе

переводная и агиографическая литература) - их сближает стремление автора в той или другой степени воздействовать на читателя, значительный отход от действительности в стремлении обосновать свою точку зрения, свою мысль, эмоциональное воздействие на читателя и т. д.;

Периодическая печать рассматривается как *специфическая система*, *исторических источников*, ибо помимо видов, характерных для своих развитых форм (аналитический жанр: корреспонденции, статьи, рецензии; художественно-публицистический: очерки, фельетоны, памфлеты), периодика содержит и законодательные документы, и мемуарные произведения и т. д.

1.4. ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

Исследователь может изучать прошлое не только на основе исторических источников во всем их многообразии. Он имеет дело не с историческими фактами, а с их отражением в сознании людей определенного времени, не с фактами в полном объеме, а с их остатками. Этот процесс можно передать через следующую схему:

факт-событие – исторический источник -- факт-знание

Таким образом, *исторический источник – это непосредственное отражение действительности.* Если мы изучаем отдельный вид письменных памятников – исторические произведения, то возникает проблема отличия исторических источников и исторических пособий, ибо уже летописец предстает перед нами как первый историк. Вместе с тем, цель летописца - описание современных ему событий. Он выступает как свидетель. Описание прошлого - только основание его труда.

Целью же *исторического пособия* (возьмем к примеру произведение М. Стрыйковского) *является обобщение наработанного материала, сравнение и уточнение определенных фактов действительности*. Описание действительности в таких исторических трудах дается или очень кратко, или же вообще отсутствует. Безусловно, такого рода обобщающие произведения написаны более совершенным языком, более доступны и понятны исследователю. Но в таком случае исследователь вынужден (довольно часто без

определенного на то основания) доверять своему предшественнику и пользоваться еще в большей степени искаженной информацией.

В качестве *«пособия» (в семиотическом смысле)* могут выступать вещественные и другие типы источников. Так, например, выполненные копии мебели XVII, XVIII или других столетий, представленные в виде музейных экспонатов источниками не являются, а представляют собой пособия, на основании которых мы можем получить представление о внешнем виде данного рода источников. Но если сами источники не сохраняются до наших дней, то в качестве последних выступают исторические пособия.

Таким образом, деление произведений на исторические источники и пособия довольно условное. Часто исторические источники дошли до нас только благодаря историческим пособиям через определенный пересказ, цитирование и т. д. Поэтому после соответствующего уточнения исследователи используют историческое пособие в определенной его части в качестве источника (как пример можно привести труды В.Н. Татищева, М. Стрыйковского и т. д.).

На определенном этапе развития науки, становления ее методологии определяется новый этап – появление исследований, основанных не только на эмпирическом обобщении, а и на определенном методическом основании. Вместе с тем, исследования (исторические и др.) могут быть объектом изучения. В таком случае следует говорить об истории науки, например, историографии. Последнюю можно рассматривать и как часть источниковедения, поскольку она изучает специфические *(историографические) источники.*

1.5 ВИДЫ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

1.5.1 Документальные источники

1.5.1.а. Законодательные документы

Законодательные источники – нормативные документы, санкционированные верховной властью и имеющие высшую юридическую силу в пределах определенной территории. Они составляют основу системы права государства.

Право, как известно, возникает вместе с появлением государства. Законодательство поэтому относится к тем видам источников, которые, возникнув, сохраняются до настоящих дней. Однако в его развитии можно выделить следующие периоды:

1. Зарождение и становление законодательства охватывает период от появления первых государств и первых памятников права (наиболее знаменитый из которых – законы вавилонского Хаммурапи XVIII в до н. э.) и завершается рецепцией римского права в XIII – XIV вв. в странах Западной Европы. В Древней Греции правопорядок назывался «законом» или «законами». Древние правовые обычаи, в значительной степени основывавшиеся на религии, были в VII в. до н. э. заменены расширенными и кодифицированными правовыми нормами. В период римской империи происходит создание и фиксация обязательных правовых норм, которая оказала влияние на юридическую мысль средних веков и нового времени (римское право). История римского права начинается с Законов 12 таблиц, которые в середине V в. до н. э. письменно закрепили существовавшие правовые нормы и легли в основу всего дальнейшего развития законодательства. Развитие римского права увенчалось составлением в Византии в VI в. н. э. при императоре Юстиниане Свода гражданского права (Corpus juris civilis). На протяжении данного периода преобладающая часть повседневных отношений человека с окружающими регулировалась нормами обычного права (бел. «звычаёвага»), традицией. Она, обычно, не находила отражения в письменных памятниках, ибо не нуждалась в санкции (утверждении законодательной властью). Такого рода фиксация имела место в случаях, когда обычай приходил в противоречие с новыми отношениями, формирующимися в обществе, и нуждался в некоторой корректировке.

Становление системы источников права отражает и процесс выделения права из религии в ходе усложнения общества. Каждый новый памятник отражал неспособность предшествующих выполнить свои функции (чем объясняется в частности появление Сунны после Корана, «рукотворных» источников права после божественных). По существу новые нормы создаются путем придания иного смысла древнему обычаю или предписаниям Священных книг.

Уже с конца V в. у германских народов стали появляться своды судебных правил, известные как «правды». На Британских островах

они появляются в VII – XI вв.; на Руси в X – XII вв; в Скандинавии – XII – XIII вв. Название их обычно этноуказательно («Салическая Правда», «Русская Правда»). Правды представляли собой запись действовавших правовых норм, традиции (обычного права) – однако с теми дополнениями и изменениями, которые были вызваны как развитием феодальных отношений, так и воздействием церкви. В.О. Ключевский, например, предполагал, что «Русская правда» возникла и действовала в рамках церковной юрисдикции. Действительно, поскольку в отличие от Западной Европы на Руси отсутствовала рецепция (заимствование и освоение) римского права, то аналогичную роль здесь играли правовые нормы, зафиксированные в Библии. К сожалению, история канонического права исследована еще недостаточно. Первые памятники права, таким образом, представляли собой преимущественно сборники судебных обычаев, а закон на ранних этапах развития государства несущественно отличался от судебного решения по частному вопросу.

2. Законодательство нового времени (XVI -- начало XX вв.). Данный этап развития законодательства был вызван становлением централизованных государств, формированием капиталистических отношений. На этом этапе преодолеваются правовые особенности, характерные для разных областей (земель) государства, на основе традиций и заимствований строится единый свод законодательства.

На территории Беларуси, в ВКЛ этот процесс начался с «Судебника» Казимира IV 1468 г. и завершился Статутами 1529, 1566 и 1588 гг. Заключительным этапом становления единого Российского законодательства стало Соборное Уложение 1649 г.

На этом этапе еще в большей степени получают отражение специфические особенности законодательства отдельных государств, отчетливо заметные при сравнении Статута 1588 г. и Соборного Уложения 1649 г.

Буржуазные революции в западноевропейских государствах привели к обособлению законодательной ветви власти. Определенное разграничение трех ветвей власти (судебной, исполнительной, законодательно) можно заметить и в Статуте 1588 г. Естественно, что это позволяет более отчетливо выделить собственно законодательные документы. Ибо в условиях существования абсолютной монархии, когда вся власть принадлежит одному лицу очень сложно классифицировать нормативные акты.

Завершение этого этапа приводит к появлению *конституции* – основного закона. Поэтому отличают конституционные законы (требующие, как правило, для принятия или изменения 2/3 большинства в законодательном органе) и обычные, которые издаются в соответствии с конституцией. На протяжении этого периода вырабатывается определенная *процедура принятия* законодательных документов. Она распадается на *ряд стадий*: законодательную инициативу, обсуждение проекта, принятие закона, обнародование закона. Знание особенностей этой процедуры в различных государствах дает исследователю ценный материал для изучения. Исследование же только публикации может привести к серьезным ошибкам и заблуждениям. Следует в связи с этим отметить еще одну черту законодательства нового времени – регламентированную публикацию законодательных документов.

В Российской империи и некоторых других государствах процесс отделения законодательной ветви власти относится преимущественно к началу XX в. (хотя некоторые изменения в этом отношении заметны уже с XVIII в.)[1]. Отсюда сложность определения самого понятия «закон». М.Ф. Владимирский-Буданов и ряд других исследователей выделяют два критерия: 1) наличие подписи императора, 2) фиксированный порядок принятия. Оба они являются достаточно спорными. На практике исследователи по истории Российской империи относят к законодательным документам то, что было опубликовано в Полном собрании законов Российской империи.

3. Законодательство новейшего времени. Одним из существенных изменений явилось становление международного права. Ярким феноменом этого этапа является также становление советской системы законодательства. В условиях советской правовой системы единственным источником права признавался нормативный акт. А понятие «система источников права» заменялось на «систему законодательства». Таким образом, скрывалась подчиненность закона актам нормотворчества правящей партии и бюрократического государственного аппарата.

В условиях идеологизации всех сфер жизни осуществлялась интерпретация закона (в том числе основного закона – конституции) как программы действий по реализации идеологической доктрины.

---

[1] См. Источниковедение… РГГУ, 1998. С. 340-343.

Смена последней предполагала смену конституции. В условиях реального нарушения норм законодательства 1920-х гг., в 1930 – 1950-е гг. широкое распространение получила практика совместных постановлений партии и правительства.

При изучении законодательства западных стран необходимо учитывать, к какой системе права они относятся – континентальной или англосаксонской. Континентальная система базируется на римском праве, приспособленном к новым условиям французской революцией XVIII в. и Наполеоном I. Для англосаксонской системы характерна опора на судебные прецеденты и традиции. Судебный прецедент в данном случае означает, что решение суда высшей инстанции является обязательным для судов низших инстанций при рассмотрении аналогичных вопросов. Традиция определяет большую роль в английской конституционной системе, для которой характерно отсутствие писаной конституции. Англосаксонская система распространена в Англии и США, континентальная – в странах европейского континента.

Следует также подчеркнуть, что без учета особенностей традиционного права нельзя объяснить многие явления правовой действительности новейшего времени. Распространенность религиозного правопонимания объясняет почти повсеместное провозглашение в развивающихся мусульманских странах исламских принципов и отказ от конституции.

При изучении законодательных источников следует помнить, что каждая правовая норма и закон в целом устанавливают обязательные нормы поведения, но они не выполняются всеми гражданами государства. Для исследователя не должно существовать предубеждений (например – «сталинская» конституция 1936 г. и «передовые» положения Статута 1588 г.). Необходимо уточнение реального воздействия правовых норм на жизнь общества и их выполнения на основе других источников (в том числе повествовательных).

Анализ законодательных документов требует освещения ряда условий, места, времени и обстоятельств, в которых принимается данный закон. Следует учитывать, что пока он действует, соблюдение зафиксированных в нем норм не стало общим правилом. В то же время законы несколько запаздывают относительно причин, их породивших.

Если законодательные документы формировались как средство влияния на массы, необходимо уточнить, в какой степени государство имело необходимые механизмы для реализации их положений.

Определенную сложность представляет анализ юридической терминологии. Это требует глубокого знания правовых традиций страны (или региона), какие политические силы выступали за (и какие – против) принятия данного закона, какие аргументы приводились, принимались ли (и кем) аналогичные законы ранее, имеются ли в принятом законе противоречия и т. д. При этом необходимо, конечно, пользоваться наиболее надежными издания законодательных документов.

1.5.1.б. Акты как исторические источники

Историческими актами называют документы, в которых в форме определенных юридических норм закреплены экономические и политические договоры между государствами, государством и церковью, частными лицами и т. д. Термин «акт» произошел от латинского словосочетания actum est, («совершено»), которое употреблялось в заключительной части документов Древнего Рима (например, «совершено в Риме»), а затем по традиции и в средневековых документах. Наряду с более узким понятием акта как договорного документа, которое сформировалось только в XX веке, в XVIII – XIX вв. актами назывались все документальные источники (законодательные, делопроизводственные и др. документы), которые по своим признакам отличались от повествовательных (нарративных) источников (летописей, хроник и т. д.).

Изучением происхождения, формы, содержания и истории развития актов занимается такая специальная наука, как дипломатика, которая начала формироваться как научная дисциплина после выхода в 1681 г. труда французского ученого Ж. Мабильона «О дипломатике».

В западноевропейской дипломатике была разработана схема классификации актовых источников, в основу которой был положен критерий происхождения акта. Все акты делились на *публично-правовые*, которые выдавались от имени суверенных монархов (императоров, королей и т. д.) и римских пап, и *частно-правовые*, к которым относились все остальные виды актов.

Недостатком этой классификации было зачисление в частно-правовые акты документов «несуверенных» монархов (герцогов Бургундии, Баварии Аквитании, Нормандии и др.), которые только формально были вассалами французских и английских королей или германских императоров. Были также случаи, когда «несуверенный» монарх становился суверенным. Это, например, случилось в 1066 г. с вассалом французского короля герцогом Нормандским Вильгельмом (Завоевателем), который стал английским королем. Акты Вильгельма как герцога Нормандского по данной схеме классификации необходимо признать частно-правовыми, а как короля публично-правовыми, хотя по форме эти акты почти идентичны. Руководствуясь этим принципом, например, очень сложно определить к какому виду относятся акты великого князя литовского Витовта, у которого в разные периоды деятельности были не слишком определенные вассальные отношения с польским королем и великим князем литовским Владиславом II Ягайло.

Наряду с классификацией актов по критерию происхождения, во французской и немецкой школах формальной дипломатики широко было распространено деление актов на *удостоверительные (констуитивные*) и *осведомительные (декларативные*). *Удостоверительными* (констуитивными) считались «настоящие» акты, написанные строго в соответствии с разработанным формуляром и дающие возможность признать правовые отношения между контрагентами состоявшимися. *Осведомительные* акты – это «записи для памяти» о совершавшихся договорах. Они писались в более свободной форме. К осведомительным можно отнести «акты-пересказы», которые попали в книги Литовской Метрики.

Наиболее подробную классификацию актов земель Руси, начиная с X в., разработал в 1970-е – 1980 гг. российский исследователь С.М. Каштанов. В основу деления актов он положил *два критерия*: происхождение акта (публичный или частный) и функция воздействия на определенную сферу общественной жизни (договорный, договорно-законодательный, договорно-распорядительный, судебно-процессуальный и другие виды актов). Классификация С.М. Каштанова может быть использована в качестве исходной модели для построения схемы классификации актов по истории Беларуси. При этом следует учитывать,что на территории Беларуси проявлялись как западно-европейские и восточно-европейские («русские») традиции

составления и удостоверения актов.

Методика исследования актов. Изучение актов проходит в 4 *этапа*. На *первом* этапе анализируется внешняя (материальная) форма актов путем исследования почерка, печатей, филиграней, символических элементов, монограмм. Основной целью этого этапа является установление подлинности акта. Попутно может быть решена задача, имел ли акт канцелярское или внеканцелярское (т. е. создавался самими получателями) происхождение.

На *втором* этапе проводится анализ внутренней формы акта (*формуляра акта).*

На *третьем* этапе изучения проводится синтез информации, полученной в результате анализа внешней и внутренней формы акта. Синтез позволяет окончательно решить вопрос о подлинности акта, сопоставляя информацию о времени и месте создания акта, полученную на первых двух этапах.

На *четвертом* этапе анализируется содержание акта, т. е. точность и достоверность отражения в нем исторических фактов. При этом исследователю необходимо отличать информацию о событиях, которые происходят в момент заключения акта (подробности переговоров, описания границ конкретных владений и др.), от сложившихся в течении длительного времени канцелярских формул (традиционного призывания Бога и св. Троицы, публичного объявления о заключении акта и т. д.).

Большинство традиционных канцелярских формул входит в *формуляр акта* – структуру, порядок расположения частей в акте. Выделяют 4 типа формуляров:

1. *условный,* представляющий наиболее общую схему построения акта.

2. *абстрактный*, характерный для построения актов одного вида (например, договорного вида публично-правовых актов светских властей, в который входят международные и княжеские договоры)

3. *конкретный*, который служит схемой построения актов определенной разновидности (например, договоры между князьями и феодальными республиками – Новгородом и Псковом).

4. *индивидуальный*, являющийся схемой построения определенного акта (например, договора великого князя литовского Казимира с Новгородом в 1471 г.).

Начиная с периода средних веков, в западноевропейской

дипломатике сложилось деление условного формуляра акта на 12 частей:

1. invocatio -- «инвокация» («богословие» по определению А.С.Лаппо-Данилевского) – начальная формула с посвящением богу или святой Троице. Могла быть как в вербальной («Во имя господне станься» и др.), так и в символической форме (крест для русских актов, «хризмон» (комбинация греческих букв «х» и «р», начальных букв имени Христа) в латинских актах раннего средневековья).

2. intitulatio – «интитуляция», т. е. обозначение лица, от которого исходил акт (например, «Мы, Божьей милостью, Казимир, король польский, великий князь литовский, и пр.»).

3. insriptio – «инскрипция», определение лица или группы лиц, которым адресовался акт.

4. salutatio – «салютация», приветствие лица, от которого исходил акт, своему адресату.

5. arenga (prologus) – философское обоснование необходимости создания акта.

6. promulgatio (publicatio) – публичное объявление о вступлении акта в законную силу.

7. narratio – «наррация» представляет собой изложение обстоятельств, предшествующих заключению договора (описание приезда посольства, ведения переговоров и др.)

8. dispositio – «диспозиция» – это условия договора, его основная часть.

9. sanctio – «санкция» выступает как запрещение нарушения условий договора, предусматривает наказание за нарушение договора в виде религиозных («Страшный Суд») или вполне земных мер наказания (штраф, угроза военного похода и т. д.)

10. corroboratio – «корроборация», в которой содержатся сведения об удостоверительных знаках документа (описание печатей, монограмм, подписей).

11. datum содержал указание на время и место создания акта.

12. apprecatio – «благоположение», заключение, в котором желали «благо» (добро). В латинских актах – это традиционная формула «Bene valete», в русских актах – «Аминь».

В 60-е – 70-е гг. XIX в. представители немецкой школы формальной дипломатики Т. Зиккель, Ю. Фиккер ввели разделение условного формуляра на три части:

1. *протокол* («склееный первым» -- термин, заимствованный из науки о папирусах – папирологии) или начальный протокол, в который вошли инвокация, интитуляция, инскрипция и салютация.

2. *основная часть* или «текст», представленная аренгой, промульгацией, наррацией, диспозицией, санкцией, корроборацией.

3. *эсхатокол* («склеенный последним») или конечный протокол, состоящий из датума и апрекации.

Разделение формуляра на составные части способствовало разработке метода *формулярного анализа*, который был ориентирован на определение происхождения признаков, позволяющих установить время создания акта. Формулярный анализ также способствовал изучению процессов смены одного признака другим и изменения порядка следования частей в акте, т. е. эволюции акта в разные исторические эпохи. Свое наибольшее развитие метод формулярного анализа получил в начале XX в. в трудах основателя школы дипломатики частных актов в России А.С. Лаппо—Данилевского. Он предложил выделить типичный формуляр акта путем построения графически-статистических таблиц, показывающих изменение формуляра в зависимости от времени места создания акта.

1.5.1.в. Делопроизводственные материалы

Делопроизводственные материалы – такой вид исторических источников, которые имеют основной функцией обслуживание управляющих систем различного уровня (государственный, предприятие, учреждение).

В структуре делопроизводственной документации выделяются *две группы*: 1) непосредственно управленческие решения, а также документы, обслуживающие их принятие и реализацию; 2) группа разновидностей, обеспечивающая документооборот.

Первая группа формируется уже с зарождением государства. К ним можно, например, отнести должностные инструкции первому сановнику и высшему чиновнику государства эпохи Нового царства в Египте (XVIII – X вв. до н. э.) – чати, текст которой сохранился в некоторых гробницах, материалы официальной переписки (клинописные таблички) и т. д.

Длительное время преобладающая часть делопроизводственных документов возникала в системе государственного аппарата, поэтому

они (относительно частных документов) лучше сохранились и воспроизводят систему государственного аппарата. Естественно, что усложнение государственного аппарата приводило к усложнению делопроизводства, к появлению и увеличению количества документов, обслуживающих документопотоки. Нельзя, невозможно изучать документы делопроизводства без изучения истории учреждений, частью деятельности которых, они стали.

На начальных этапах существования государства, при неразвитости структуры и форм государственного аппарата, материалы делопроизводства очень сложно выделить из состава документов в целом. Вместе с тем, по мере становления особых учреждений по подготовке и обслуживанию документов делопроизводства – *канцелярий*, они все же не теряют связи с другими группами. Поэтому наиболее эффективным является изучение делопроизводственных документов при знакомстве со всем комплексом материалов по тому или другому вопросу.

Прежде всего, необходимо иметь в виду, что важнейшие основы делопроизводства утверждаются законодательно. Четкий порядок возникновения и функционирования документов был представлен в Статуте 1588 г. В Российской империи в начале XVIII в. новая система государственных учреждений оформлялась законодательно, для многих из них издавались регламенты, регулировавшие и деятельность учреждения в целом, и его делопроизводство.

Термин «документ» в древности использовался для обозначения различного рода сделок, вместе с тем в средневековых канцеляриях закрепилась формула «actum est» – «совершено». Все это вызывает то обстоятельство, что в современных пособиях и актовый материал и делопроизводственный определяют и под названием «документальный», и «актовый».

Характерной чертой средневековых документов являлось наличие определенных образцов – сборников формул (наиболее ранний – Анжерский начала VII в., который содержит 60 формул). Точное деление различных видов документов эпохи средневековья усложняется тем, что большинство документов сохранилось не в оригиналах, а в копиях. Пример тому – картулярии (специальные сборники копий документов церковных архивов), а также «Литовская Метрика». «Литовская Метрика» (правильнее – «Метрика Великого княжества Литовского») по сути подменила собой государственный

архив. Данный комплекс возник в результате деятельности делопроизводственного учреждения – канцелярии, но среди материалов присутствуют и законодательные, и актовые, и собственно документы делопроизводства.

Очень тесно с материалами делопроизводства связаны статистические. По сути дела они вырастали из делопроизводства. Переходными видами явились такие источники как экономико-географические, хозяйственные и другого рода описания. В современном языке присутствует даже такое выражение как «статистическая отчетность».

Таким образом, материалы делопроизводства изо всех прочих видов наиболее тесно связаны, переплетены с другими видами документов, в соответствии с чем и должно строиться их изучение.

Изучение материалов делопроизводства предусматривает также учет их формы и содержания. Так, в делопроизводстве Великого княжества Литовского употреблялась тетрадная форма, в России такого рода система утверждается с XVIII в. (до этого времени – столбцовая).

В наследство от приказного делопроизводства получили мы слово «волокита». Подклеенные в столбцы длиной в среднем 50-80 мм документы наматывали на палочки и свитки. Ленты при чтении волочились, отсюда и родилось понятие, обозначающие сегодня несвоевременное и не по существу решение вопроса.

При тетрадной форме, во-первых, экономилась бумага: писали на обеих сторонах листа, во-вторых, исчезала необходимость заново кратко излагать все дело, поскольку каждый раз разворачивать многометровый столбец с тем, чтобы найти инициативный документ, было неудобно, а работать с тетрадью было довольно просто (нумерация страниц, реестры и т. д.). Необходим также учет наличия или отсутствия печатных бланков, трафаретов и т. д.

Большое внимание исследователь должен посвятить выяснению того, как обеспечивались такие делопроизводственные операции как регистрация документов, хранение, контроль за исполнением.

Серьезные проблемы возникают при классификации документов делопроизводства. Специфика их возникновения и функционирования в различных государствах столь разнообразна, что данный вопрос вызывает очень большие споры. Но на основе преимущественного функционального назначения делопроизводственных документов

можно выделить следующие группы:

1) распорядительная;
2) отчетная;
3) протокольная (информация коллегиальных органов, собраний, заседаний);
4) переписка между учреждениями, которые не находятся в системе субординации (подчиненный – руководящий) или равными по статусу структурами;
5) документы, обслуживающие документооборот и документы по личному составу (канцелярия);
6) информационные (основная функция – оповещение о принятых решениях);
7) специальные системы делопроизводства: судебно-следственная, военная, дипломатическая.

В ряде случаев выделяют также делопроизводство политических партий и общественных организаций. Сложность классификации приводит к возникновению множества групп систематизации документов делопроизводства (в языке делопроизводства – «документы»).

По происхождению документы делят на служебные и личные.

Служебные – документы, отражающие деятельность учреждений; личные – письма, заявления, составленные отдельными лицами.

По месту возникновения выделяют внешние и внутренние (существуют журналы регистрации входящей и исходящей документации).

По срочности различают весьма срочные, срочные и несрочные. Весьма срочные и срочные требуют исполнения ранее общего срока, установленного нормативными актами для исполнения такого рода документов. Обычно срочность указывается в резолюции или на документе проставляется гриф «В. срочно» или «К».

По гласности бывают секретные, несекретные, для служебного пользования. Секретные документы имеют особую отметку о секретности. «Совершенно секретно», «Секретно» или «К».

По форме бывают индивидуальные и типовые.

По срокам хранения подразделяются на документы постоянного, долговременного и временного хранения.

По стадиям создания документы можно представлять в виде черновика, оригинала, копии и дубликата.

Черновик – документ в предварительной редакции.

Оригинал (подлинник) – это первый экземпляр документа, составленный в соответствии с требованиями, предъявляемыми к документу.

Копия – точное воспроизведение подлинника с пометкой в правом верхнем углу «Копия». Могут быть простые и заверенные.

Разновидность копии – дубликат, который выдается в случае утери оригинала документа. Он обладает той же юридической силой что и подлинник.

Регистрация документов – это запись необходимых сведений о документах с последующим представлением на них делопроизводственного индекса и даты регистрации.

Главное назначение регистрации – учет, контроль и быстрое нахождение документов.

1.5.1.г. Статистические материалы

Необходимо различать собственно статистические материалы и материалы статистического характера. К последним могут быть отнесены любые массовые данные, которые могут быть подвергнуты статистической обработке. Материалы статистического характера иллюстрируют процесс зарождения и становления документов статистики.

Статистика обычно рассматривается как система сбора сведений для обеспечения обратной связи в системах управления разного уровня и выработки управленческих решений.

В то же время статистика отличается от учетной документации. Последняя обеспечивает реализацию уже принятых решений (учет произведенного, сделанного), в то время как статистические данные собираются для выработки управленческих решений вплоть до долговременной политики в той или иной сфере.

Статистические источники характеризуются своим созданием на основе научно-обоснованной программы, количественной (описательно-цифровой) информацией, массовым характером изучаемых объектов, определением критериев и принципов сбора и группировки материала, комплексным характером сведений; чертами, присущими массовым источникам. Следует заметить, что именно наличие вышеназванной программы статистического обследования не

всегда позволяет безоговорочно применять к нему методы математической статистики. На уровне программы под влиянием идеологических и других факторов могут быть заложены такие искажения, которые отнюдь не будут являться погрешностями вычислений.

В процессе развития статистически происходит как становление собственно статистических учреждений, так и определение основных направлений: демографической статистики (статистики народонаселения), статистики сельского хозяйства и промышленности.

Статистические источники содержать массовые, преимущественно количественные, данные. Правильное их использование позволяет определить в совокупности явлений те, что кажутся случайными, характерные для них закономерности развития. Выявление отмеченных закономерностей проходит путем сравнения количественных данных, однако для этого необходимо изучение сопоставимости (однородность) статистических данных. Ибо статистические сведения содержат не только количественные, но и качественные характеристики. Изменения территории или других параметров изучаемого объекта не дают возможности сопоставить статистические данные в полном объеме.

Основные принципы использования статистических данных касаются, таким образом, трех сторон: полноты, точности и однородности изучаемых данных. Во-первых, статистические данные должны быть достаточно полными в смысле охвата ими всех важнейших элементов изучаемого явления или процесса. Для определения же точности статистических данных необходимо определить источник их происхождения: заимствованы ли они из анкеты, заполнявшейся заинтересованным в результатах лицом, или же получены он статистика, обязанного точно описывать изучаемые явления; данные собирались подготовленными специалистами, или же случайными лицами, среди которых могли быть и те, кто не имел элементарных представлений о правилах статистического учета. И, наконец, сравниваемые сведения должны быть однородными (сравниваться должны однородные явления, процессы, объекты по определенным, точно определенным параметрам).

Формирование статистических источников включает следующие *стадии:* 1) подготовительная работа, сбор сведений, 2) сведение

(обработка) первичных данных и подготовка их к печати. Историк, имея дело преимущественно с публикациями (материалами разработки), должен получить представление об обеих стадиях, даже в тех случаях, когда первичные материалы подлежали уничтожению (материалы всеобщих переписей). Необходимо также знание языка, терминологии статистики и обязательный учет документов, определивших условия сбора и обработки информации.

1.5.2. Повествовательные источники

1.5.2.а Летописи и хроники.

Летописями традиционно называют исторические сочинения, в которых события располагаются под определенными годами. У разных народов уже название такой формы историко-литературных произведений содержит представление о погодовом освещении событий: восточнославянская (русская) – «летописание» (по «летам»), польская – «рочник» (от «рок» – год); у римлян и романских народов – «анналы» (от «annus» – год). Примерно с XIV в. на восточнославянских землях при сохранении в целом погодовой сетки все большее значение стал приобретать сюжет исторического повествования. Это, иногда, принуждало летописца отступать от записи по годам, что вело к преобразованию летописи в хронику (от греч. «chronikos»– относящийся ко времени).

К настоящему времени сформировалось целое направление – *летописеведение.* Начиная с работы А.А. Шахматова, каждый летописный свод принято рассматривать как самостоятельное цельное литературное произведение, имеющее четкую структуру, замысел и идейную направленность. Однако летописи имеют сложный состав. Первые летописи до нашего времени не сохранились. То, с чем сегодня работают исследователи – это *летописные своды*: историко-литературные произведения, созданные на основании предшествующих текстов. Летописные своды дошли до нас благодаря тому, что много раз переписывались (списывались – отсюда «*списки*»). Более поздние летописные своды не только являются списками предыдущих, но и содержат дополнительные исторические известия. Сопоставление различных списков позволяет определить *протограф* – первоначальный оригинал, с которого они списывались. При этом

следует также иметь в виду, что в летописную ткань включались не только записи по годам, но и международные договоры (например, Руси с Византией в «Повести временных лет»), агиографические произведения, мифы и легенды и т. д.

Работа с летописями начинается с чтения и сравнения всех списков данной редакции. Выдающийся российский литературовед и лингвист А.А. Шахматов разработал т. н. *историко-сравнительный метод* изучения летописей, суть которого в выявлении общих мест и разночтений, а также определение характера и причин данных разночтений. Довольно часто под влиянием изменений политических или других обстоятельств текст летописи сознательно перерабатывался. Так возникали новые редакции летописных сводов. Если же в отдельный летописный свод соединялись разные редакции, то возникал новый летописный памятник.

Летописи, анналы, рочники формировались преимущественно в монастырях. Там же хранились и переписывались тексты. Поэтому большинство летописных памятников носят название тех монастырей и кафедральных соборов, в которых они создавались.

Этапы. Расцвет западноевропейской анналистики относится к VIII – X вв., когда анналы составлялись при королевском дворе. К этому же времени относится зарождение летописания на восточнославянских землях (Руси). Кульминацией летописания в Киевской Руси явилось создание «Повести временных лет» (второе десятилетие XII в.).

В XII – XIII вв. в Западной Европе начинают вытесняться *хрониками,* составление которых переходит от монахов к светским лицам. В хрониках, в отличие от анналов дается материал не только местного, но и европейского масштаба, с частыми отступлениями от хронологической последовательности. Хронисты XII – XV вв., которые обладали большим кругозором и осведомленностью, чем их предшественники-анналисты, не только регистрировали факты, но и стремились дать им собственную интерпретацию.

С середины XIV в., когда в Западной Европе хроники, как тип исторического источника, постепенно утрачивают свою актуальность, в Великом княжестве Литовском они лишь начинают формироваться (смоленская хроника). Наиболее известной в мире стала созданная здесь «Хроника Быховца», интересная как по содержанию, так и по своей форме (краткие рассказы с подзаголовками).

Своеобразие летописания в Восточной Европе заключается еще и в длительном господстве «общерусской» идеи, носителем которой выступал общерусский митрополит. Это способствовало формированию общерусского летописания, которое нашло отражение в различных княжествах, претендовавших на роль объединителя Руси (прежде всего, Московском и Великом княжестве Литовском). Поэтому изучение летописных памятников XIV – первой половины XV вв. возможно лишь при учете их места в системе общерусского летописания.

С конца XV в. общерусское летописание приобретает официальный характер (при московском великокняжеском дворе). Общерусская же часть белорусско-литовского летописания в последующих сводах исчезает, а право на русские земля определяется «правом меча» (концепцией завоевания).

1.5.2.б. Мемуары

Мемуары – это тип источников, основанных на памяти. Сведения памяти могут быть зафиксированы с помощью различных средств: от грампластинки до диктофона (фоноисточники), а также с помощью письменной записи. В последнем случае источники данного рода традиционно называют *мемуарной литературой*. В терминологии, однако, можно наблюдать разночтения. Например, широко распространено понимание мемуаров в узком смысле – исключительно как воспоминаний.

По отношению к классификации мемуарной литературы единой точки зрения не существует. Наиболее всеобъемлющим представляется подход в соответствии с формой возникновения и фиксации на следующие виды:

1. *Воспоминания* – если автор через определенный (значительный) промежуток времени после совершения определенных событий рассказывает о них или о всей своей жизни. Здесь может возникнуть целый ряд подвидов: автобиографии, жизнеописания и т. д. Самое существенное здесь, что воспоминания пишутся самим мемуаристом, т. е. для исследователя очевиден автор повествования.

Во-вторых, данный тип источника формируется через определенное (обычно значительное) время после совершения событий. Это способствует утрате некоторых деталей в памяти и,

наоборот, формированию более целостной картины происшедшего. Автор уже знает, чем завершилось событие и может по иному интерпретировать свою первоначальную позицию и роль в нем. Поэтому требуется изучение обстоятельств жизни и деятельности автора не только от рождения до описываемых событий, но и периода от совершения до создания памятника. Это абсолютно не зависит, каким способом фиксируется информация (за исключением моментов технического характера): магнитная лента или письменный текст.

2. *Литературная запись воспоминаний* – возникает тогда, когда мемуарист обращается к помощи литератора и последний придает воспоминаниям литературную форму, ничего не искажая в тексте и не внося в него никаких «украшений». Наиболее сложный момент здесь – установление степени соавторства. Если степень вмешательства столь велика, что искажается содержание воспоминаний, мы уже имеем дело с литературным произведением.

3. *Стенографическая (протокольная) запись воспоминаний*. Этот вид обычно возникает по инициативе архивов, институтов, комиссий, музеев, которые заинтересованы в сборе и сохранении мемуарных источников. Впрочем, фиксация может происходить и на основе диктофона. Последнее сейчас очень распространено. Сформировалось целое направление – oral history (устная история). Самое существенное в данном виде мемуаров – не форма их фиксации, а степень вмешательства лица, которое ведет разговор (опрос). Опрос может производиться как на основе анкеты, так и в произвольной форме. В любом случае канва воспоминаний складывается не самостоятельно, а под воздействием вопросов.

Формируясь в виде стенограммы, воспоминания приобретают форму мемуаров только после расшифровки, исправления и подписи их автором. По своему стилю они сохраняют шероховатости разговорной речи (повторяемость, непоследовательность изложения, т. н. слова «сорняки»). При фонозаписи возникают паузы, различна интонация, эмоциональность повествования.

4. *Дневники* – как вид мемуарных произведений возникают тогда, когда современник повествует о событиях, людях, чувствах и т. д. день за днем, на протяжении всей своей жизни либо определенного периода. Обычно дневники пишутся по личной инициативе автора, и авторы повествуют о пережитом с позиции того же времени. Если воспоминаниям присущ ретроспективный взгляд на события, то автор

дневника еще находится под определенным эмоциональным воздействием от события, не может подняться до осмысления его в целом, отражая только отдельные стороны действительности. Часто исследователю приходится изучать большое количество деталей, чтобы за ними уяснить суть происходившего.

Впрочем, чистых видов мемуаров почти не существует. Так, довольно часто автор воспоминаний обращается к отдельным записям прошлых лет (дневникам). Официальные лица стремятся прибегнуть к различного рода документам для подтверждения своих записей и т. д. В таком случае мемуарные произведения приобретают определенный синтетический характер ценный по содержанию, по информации, но очень сложный ряд анализа источника.

Такого рода синтетический характер довольно часто встречаем в *записках путешественников*, которые определяют как особый жанр историко-литературных произведений. Действительно, литературе путешествий всегда принадлежала существенная роль в процессе знакомства одного народа с другим. Наблюдения путешественника – это, как правило, свежий взгляд со стороны, со стороны другой культуры, других традиций и ценностей. И все же существует характерная черта, которая позволяет отнести свидетельства путешественников к мемуарным произведениям, ибо они тоже прежде всего основывались на памяти и фиксировались преимущественно в виде дневниковых записей или воспоминаний (а также их сочетания).

Естественно, при изучении мемуаров следует принимать во внимание не только видовые особенности, но и конкретные временные и локальные условия их формирования. Мемуарные произведения не возникли на пустом месте. В Западной Европе, в Речи Посполитой этот жанр формировался на основе хроникального. По истории Великого княжества Литовского выделяется такой этап развития мемуаров как историко-мемуарная литература. В Российском государстве большое влияние оказала также житийная литература.

По своему происхождению мемуары близки к таким видам повествовательных источников как *эссе* (мнение по произвольно выбранной или общественной проблеме), к эпистолярной (материалы переписки) и художественной литературе. Довольно часто все это приводит к тому, что исследователи объединяют все вышеназванные виды под общим названием – *источники личного происхождения*.

1.5.2.в. Эпистолярные источники

Понятие «эпистолярные» источники довольно часто употребляются в широком смысле, обозначая материалы переписки в целом. Однако по происхождению, цели, функциям четко определяются две группы: материалы официальной переписки и частная переписка. Первую из них относят к материалам делопроизводства, и эта традиция уже утвердилась в источниковедческой литературе.

Поэтому *термином «эпистолярные источники» все чаще обозначают* только *частную переписку*. Генезис, развитие материалов частной переписки безусловно схожи с мемуарными произведениями. Да и в новейшее время авторы довольно часто прибегали к эпистолярной форме, обнародуя свою точку зрения по тому или иному вопросу. Однако при этом наблюдалось лишь использование формы. Суть же эпистолярных материалов – в их частном характере; это разговор, при котором собеседники стремятся избежать подслушивания.

Частное письмо – это личное обращение автора к определенному человеку (или нескольким). Обычно оно пишется не для печати, не для всеобщего и даже частичного ознакомления с ним «третьих лиц».

Боясь «подслушивания» авторы писем прибегают к эзопову языку, к только им известным выражениям и сокращениям. Понятные авторам, они впоследствии серьезно усложняют задачу для исследователя.

Андрей Платонов как-то сказал: «По-моему, достаточно собрать письма людей и опубликовать их – и получится литература всемирного значения» (Однажды любившие // Литературная газета. 1983. 19 октября). Действительно, письмо, наверное, как никакой другой источник, способно остановить мгновение, показать человека со всеми его личными заботами и общественными связями в какой-то определенный момент жизни. При этом очень существенно изучение того, о чем автор высказался и о чем умолчал в своем сообщении. Это требует внимательнейшего изучения других материалов, касающихся обстоятельств, указанных в письме.

Устойчивыми элементами эпистолярного памятника является указание адресата, места написания и даты, обращение к адресату, подпись автора письма. Но в содержании личного письма автор совсем свободен – он может писать о служебных, семейных, личных делах.

Очень тесная взаимосвязь и взаимопереплетение эпистолярных материалов с мемуарами, публицистикой и другими источниками личного характера часто приводит к понятному их объединению – в отдельную группу источников (Источниковедение истории СССР. Под ред. И.Д. Ковальченко) под названием источники личного происхождения (Учебник РГГУ. 1998 г.).

Изучая частную переписку, необходимо владеть сведениями по истории почты, ее учреждений, ориентироваться в знаках (памятниках) почтового обращения – марках, почтовых штемпелях и др.

В своем развитии эпистолярные источники прошли *целый ряд этапов*. Письма, как форма сношений между людьми, были распространены уже с глубокой древности. Античное бытовое письмо начиналось с приветствия, включавшего текст сообщения адресату и в заключение – прощальная форма, дата и место написания письма. Материалом для письма служили преимущественно глина, сложенные вместе деревянные дощечки, поверхность которых покрывалось слоем воска, на нем выцарапывался текст, позднее – папирус и пергамент. На Руси первым материалом для письма служила берёста.

Не только материал способствовал слабой сохранности писем. Она зависела от эмоционального состояния авторов (разрыв часто приводил к уничтожению писем, особенно если иметь в виду материалы любовной переписки, боязнь ареста и т. д.). Отношение государства и самой личности к сохранению писем менялось со временем и было различным в разных слоях общества.

Если иметь ввиду территорию Великого княжества Литовского, то во второй половине XVII в. материалы переписки очень сложно отличить от других видов повествовательных источников. В форме писем составляются (возникают) дневники (Я. Зборовский), эпистолярная форма и служит для обоснования своей точки зрения, взглядов и в связи с тем очень сложно разграничить переписку частную и официальную (письма оршанского старосты Ф. Кмиты-Чернобыльского). Известны также послания, которые приписываются

старцу Артемию (осужденному за вольнодумство в религиозных вопросах Московским Собором 1554 г. и убежавшего в Литву). Также примером может служить переписка канцлера Великого княжества Литовскго Льва Сапеги, опубликованная А. Прохаской, где содержатся письма к Л. Сапеге (в частности 93 письма короля Жигимонта III, имеющие официальный характер, и в то же время интересные письма Ипатия Потея). Заметно стремление Л. Сапеги, как государственного деятеля, подняться выше частных интересов (своих и своего сословия). В частном письме униату И. Кунцевичу (12 марта 1622 г.) во всем предстаёт личность канцлера – и вместе с тем человека – расчетливого, осторожного, патриота своей Родины. Частное письмо И. Кунцевичу было ему предупреждением, которое тот не услышал и погиб.

В XVIII – XIX вв. количество писем существенно увеличивается. Возникают и формируются целые эпистолярные комплексы. Чаще всего это происходит в связи с деятельностью известных писателей, архитекторов, художников и других представителей творческих профессий. Однако и здесь есть свои особенности. Так, по отношению к переписке писателей Беларуси XIX в. можно сказать, что число сохранившихся писем настолько невелико, что на учете буквально каждый памятник.

Частный характер письма не всегда сохранял его от прочтения современникам. В Российской империи проводилась перлюстрация (прочтение) писем. Еще более существенный контроль существовал в Советском Союзе, где мало кто мог надеяться на сохранение тайны переписки.

В последнее время все большее распространение получает электронная почта. И если она используется преимущественно для официальных сообщений, то в системе Интернет молодежь ищет новое средство общения. Непосредственный характер этого общения естественно отдаляет его от традиций частной переписки, когда написание письма предполагало некое осмысление, эмоциональный толчок к написанию и т. д.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что изучение эпистолярных комплексов должно проводиться в сочетании с другими видами источников, при внимательнейшем анализе психологических характеристик автора, особенностей его стиля и поведения.

1.5.2.г. Литературные и публицистические произведения

Необходимо отличать литературные произведения как исторические источники и источники по истории литературы (в качестве которых могут выступать и вещественные памятники, и различные виды письменных источников). Кроме того, следует учесть употребление понятия «литература» в смысле обозначения всех памятников письменного повествовательного характера (мемуарная литература, эпистолярная литература). В дальнейшем под этим понятием будем иметь в виду художественную литературу.

Произведения литературы, где художественная форма не менее существенная, чем само содержание, как и памятники публицистики (для которых характерно преобладание полемической функции) занимают особое место среди исторических источников. Они не столько документально фиксируют события, сколько *отражают эмоции, ощущения, размышления авторов об определенных событиях и явлениях*. Литературные и публицистические произведения имеют первостепенное значение для изучения истории культуры, идеологии. Они также могут служить и служат интересным источником восстановления социально-политической картины эпохи, к которой они относятся.

До настоящего времени историки, если и обращались к литературным произведениям, то лишь, по преимуществу, периода XII – XVIII вв. Подход этот (по справедливому замечанию И.Н. Данилевского) отличался, за небольшим исключением, «наивным историзмом и потребительским отношением к источниковой информации» (Учебник РГГУ. 1998. С.280).

Между тем на смену античной литературе пришла совсем иная. В средневековье в книге искали отнюдь не эстетического удовольствия, а прежде всего мудрости. В традиции Руси уже чтение было Мудростью (Ярослав Мудрый) и ученый того времени являлся именно книжником. Литература приобрела информативный и немногословный характер (кроме отдельных жанров, предполагающих красноречие). Другая важнейшая черта литературы средневековья – ее преимущественно религиозное содержание и характер.

Если затронуть литературные произведения Руси XII – XIV вв., то наряду с памятниками светского характера (действительно

единичными), можно заметить преобладание как переводов духовной литературы (скриптурных и литургических, вероучительных, проповеднических, житийных), так и наличие огромного количества произведений оригинальных канонических произведений. Литература была призвана обеспечить передачу, трансформацию знаний, этим предопределялось наличие множества поучений и посланий. Этой же цели служила и житийная литература (явившаяся предметом магистерской диссертации В.О. Ключевского). Информационный характер произведений выявился и в литературе путешествий («Хожения»).

При всех отличиях, однако, литература средневековья основывалась на прочном фундаменте литературы античности. Та же агиографическая литература как бы продолжала традиции эллинистического романа (который оформился к середине второго столетия нашей эры в отдельный жанр), имея первоначальной целью не только поучительное и занимательное чтение (первые повести о муках христиан – «пасионы» («страсти»), «мортирии» («свидетельства»)). Только со временем элементы беллетристики, занимательности в агиографии исчезли, уступая место прагматизму и схематизму повествования; персонажи все более приобретают обобщенный характер, формируясь из «типовых» положительных качеств.

Единичность источников эпохи средневековья, их крайняя немногочисленность принуждали исследователей обращаться и к литературным произведениям. Иную ситуацию мы наблюдаем по отношению к новому и новейшему времени. Индивидуализация персонажей, психологичность и эмоциональность повествования и многоликость литературных произведений наряду с ростом количества других видов источников стали серьезным препятствием для обращения к ним историков, исследователей по социальной истории.

Вместе с тем художественная литература, как никакой другой источник, может показать образ мышления людей разных поколений, разных социальных слоев, их представлений об идеалах, о счастье, о материальных и моральных ценностях. В последнее время широкое распространение, в том числе и в восточноевропейских странах получила так называемая «история повседневности». Вместе с тем наши архивы содержат подробнейшую информацию о различных

учреждениях и – минимальную – о конкретных людях, о семье, о личном. В этом отношении именно художественная литература представляет собой ценнейший источник о том, как жили, о чем мечтали, как одевались, как любили, ухаживали за дамами и т. д. в те или другие времена. Ведь известно выражение о том, что «зная, чем питалось то или иное общество, можно определить его культуру, философию, политику и все, все остальное» (Цит. по: Кабанов В.В. Источниковедение истории Советского общества. РГГУ. 1997. С. 340).

Советская (да и во многом западноевропейская) историческая литература долгое время пыталась изучать или усредненные «народные массы» или же типизированные образы вождей. Ценность художественной литературы в том, что она помогает установить побудительные мотивы тех или иных индивидуальных действий, создает образ человека определенной эпохи, «героя нашего времени».

При этом одинаково ценны все жанры литературы: от документальной повести до фантастики. Ведь последняя также отражает степень технического развития общества и представления о будущем, различные социальные идеалы (не случайно существовал феномен «советской фантастики»).

В большей степени, нежели художественные произведения, у исследователей социальных наук настоящий интерес вызывали *публицистические произведения.* Они были и являются неразрывно связанными не только с литературными, но и другими видами повествовательных источников. Характерным являлось, уже отмеченное выше, стремление публицистов использовать эпистолярную форму. Единственным известным произведением митрополита Климента Смолятича (XII в.) является «Послание к Фоме Пресвитеру».

Еще большее развитие это направление получило в эпоху Реформации и Возрождения («Письма темных людей» и др.). Примерно в это время зарождается особый жанр – *эссе*. Эссеист излагает мнение по произвольно выбранной им или общественно значимой проблеме, но выступает не от имени какой-то социальной группы (что характерно для публицистики в целом), а от своего имени.

Публицистика – вид исторических источников, возникающий преимущественно в общественной сфере. Она призвана выражать мнение какой-либо социальной группы об общественно значимой

проблеме. В то же время публицистические произведения могут иметь как индивидуального, так и коллективного автора. Следует также отметить, что выступление автора от имени какой-либо группы может иметь не всегда открыто выраженный характер.

Если в период средневековья публицистическая литература связана по преимуществу с религиозными спорами, то в новое и новейшее время в качестве произведений публицистики выступают проекты государственных преобразований и конституций, происходит слияние публицистики и периодики (яркий пример – «Мужицкая правда» К. Калиновского), возникают новые формы, отчетливо очерчиваются литературно-художественная, научная и общественно-политическая публицистика. Выделяются официальная, правительственная и оппозиционная публицистика. Яркой страницей белорусской публицистики второй половины XIX в. является публицистика белорусских народников.

С начала XX в. публицистика становится одной из форм партийной пропаганды. Публицистическую направленность приобретают программные документы различных партий. Получают широкое развитие такие формы публицистической литературы как прокламации и листовки. Последние, впрочем, использовались там, где свободное выражение мнений было невозможным или неблагоразумным с целью дискредитации власти и выражения общественной оппозиции еще в античные времена. В XX в. они становятся массовым источником, сопровождаются рисунками, графическими изображениями, что приближало их к *плакатам*.

1.5.2.д. Периодическая печать

В Западной Европе *становление периодической печати* началось в XVI в. В России и Беларуси – с XVIII в. *Периодическая печать представляет собой не отдельный вид источников, а специфическую систему передачи и сохранения информации, где коммуникативная функция является определяющей.* Именно с зарождением печати связано понятие «средства массовой информации» (к которым сейчас относим радио, телевидение и, возможно, Интернет). Именно в массовом характере собственно и состоит значимость данных средств, придающей им силу «четвертой власти». С появлением периодики любое явление, сказанное слово или характеристика кого-либо могли

быть растиражированы на большой территории и в значительном количестве. Это существенно усложнило контроль со стороны власти над информацией и предопределило возникновение новых его форм.

Прежде всего, необходимо учесть *цензуру.* Она воздействовала не только путем административным, но и фискальным, ибо большая часть изданий распространялась по подписке и существовала сильная финансовая зависимость от розничной продажи. Со временем цензура оформляется в виде государственного института.

В Англии такой контроль возник в XVI в. при королеве Елизавете. Во Франции – в первой четверти XVII в., а в России такая цензура появилась в начале XIX в.

Сложность изучения периодической печати предопределяется не только наличием цензуры, но и многообразием форм изложения материала, выработанного на протяжении ее развития. Это не сумма, а комплекс источников самый разнообразный по жанру, происхождению и характеру информации: официальные сообщения, законодательные документы, публицистика, письма, газетные жанры (заметки, репортажи, интервью) и др. Во всем многообразии жанров собственно периодики исследователи условно выделяют три группы: *материалы аналитические, информационные, художественно-публицистические.*

Приведенная выше классификация требует также систематизации самих изданий. *По периодичности* издания подразделяют на ежедневные, еженедельные, ежемесячные, ежеквартальные. Некоторые издания (преимущественно научные) выходят раз в год. Если нас интересует динамика событий (особенно тех, что разворачивались быстро), мы привлекаем ежедневные (реже еженедельные) издания. Здесь больше материалов информационных, имеющих целью оперативно передать знания о событии, факте. Но в такой оперативности кроется причина тиражирования слухов, непроверенной, неточной информации. *Заметка* (констатация факта без оценки), *репортаж, интервью* (сиюминутное отношение к событию журналиста и собеседника) – это жанры информационной группы.

Для того чтобы определить оценку обществом тех или иных событий, их итоги более полезны *издания еженедельные, ежемесячные, ежеквартальные*. Они содержат по преимуществу

аналитические материалы, целью которых является не столько передача информации о событиях, сколько суждений по их поводу.

Издание с меньшей периодичностью подразделяют также по содержанию *на научные, художественно-публицистические, отраслевые, сатирические* и т. д. Научные издания информируют о развитии взглядов на те или другие процессы, явления в развитии общества, технические и другие проблемы. Художественно-публицистические жанры – очерк, памфлет, фельетон – дают оценку, сочетающую гражданскую и личную позицию, сочетают документализм с литературным вымыслом. Для изучения историографии вопроса издания художественно-публицистические, научно-популярные и научные всегда необходимо различать. Среди изданий такого рода преобладает такая форма периодики как *журнал.*

Очень важно при изучении периодического издания обратить внимание также на его территориальный охват, тираж, издателей. А также еще раз подчеркнет необходимость всестороннего изучения органа печати как целостного источника, как специфической системы.

1.6. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЕЩЕСТВЕННЫХ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ. ПОНЯТИЯ «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК» И «МУЗЕЙНЫЙ ПРЕДМЕТ»

Каждая эпоха оставляет за собой след в виде культуры, на основе которой и складывается общественный исторический опыт. Преобладающую часть этих произведений, памятников культуры составляют отнюдь не письменные, а вещественные источники, отображая ту естественную часть, которую мы называем материальной культурой.

Вещи, окружающие нас и наших предков - это предметы созданные человеком для удовлетворения своих многосторонних потребностей. С точки зрения социологии, ни их место в окружающем мире, ни размер не имеют значения; главное - их целесообразность, прямая связь с назначением, т. е. зависимость формы от воли и труда людей. Этот бесконечно многообразный мир (от палки-копалки до космических кораблей) противопоставляется другому миру — миру «не вещей», миру природных объектов

Вещественными источниками называются материальные объекты, созданные трудом человека и отражающие информацию о

прошлом. Понятие «вещественный источник» является более универсальным по сравнению с категориями «археологический источник», «музейный предмет» или «музейный экспонат». **Археологическими источниками** называются те предметы, которые были найдены в результате археологических раскопок. **Музейные предметы** *(экспонаты)* -- это вещественные источники, которые находятся в фондах и экспозиции музея. Поэтому вещественные источники включают в себя как археологические источники, так и музейные предметы. Категория «вещественный источник» наиболее близка принятому в западной археологии термину *«артефакт»*, под которым понимается «любой объект, сделанный или видоизмененный человеком».

Вещественные источники *классифицируются* по следующим критериям: выполняемой функции, материалу изготовления. По функциональному критерию можно выделить следующие группы: архитектурные сооружения, оружие, орудия труда, мебель, посуда, одежда, обувь, транспортные средства, украшения и др., по материалу изготовления -- каменные и деревянные архитектурные сооружения, каменное, бронзовое и железное оружие и орудия труда и т. д.

Понятие артефакта приближает к пониманию вещественного источника. Ибо последний, являясь носителем социальной информации, включает не только «вещи» в обыденном понимании (то, что имеет определенное функциональное значение), но и то, что мы относим к произведениям искусства.

Наиболее распространенные классификации предлагают выделение вещественных и изобразительных источников. Между тем разделить функциональность, присущую вещи и характерную изобразительным источникам эмоционально-эстетическую стороны представляется делом довольно сложным. Примером такого единства являются памятники архитектуры. Создаваемые на всем протяжении истории человека, они представляют не только область эстетическую. Здания и сооружения имеют четкое функциональное назначение, а также выраженную социально-политическую направленность.

История архитектуры начинается с первых шагов строительной деятельности человека, на разных стадиях развития человеческого общества, когда можно наблюдать одновременно появление двух одинаковых типов сооружений и конструктивных приемов в самых отдаленных друг от друга странах, что исторически свидетельствует

не о наличии связей, либо заимствований, а о том, что они были вызваны к жизни одинаковыми общественными потребностями при одинаковом уровне развития производительных сил при сходных жизненных условиях.

Развитие архитектуры в последующие периоды совершалось при наличии все более и более развивающегося торгового обмена и культурных связей. Это отразилось на технологии строительства и технике, видах архитектурных сооружений, определило разницу в постройках господствующих слоев и рядового населения. Безусловно, все это создает благодатную почву для исследования. Загадки старых цивилизаций и древних сооружений дают возможность выдвижения различных гипотез и теорий о происхождении человечества (например, загадка египетских пирамид).

История архитектуры является ценным источником по изучению быта и нравов народов мира, дает необходимые сведения по истории градостроительства, а, следовательно, в некоторой мере - и по истории становления централизованной власти.

Если проанализировать количественное соотношение католических и православных храмов, построенных на территории Беларуси, или же рассмотреть типовые проекты культовых зданий, то можно определить положение основных конфессий и политику правительства в отношении религии. Распределив памятники архитектуры по их функциональному назначению, можно охарактеризовать социально-экономическое развитие городов, районов, областей и государства в целом. Анализ декоративного убранства и интерьеров жилых построек дает более конкретное и наглядное представление об имущественном положении граждан.

Форма и средства архитектурного представления являются производными от его назначения, цели, места и времени происхождения. Архитектурные памятники все же отличаются от тех источников, которые основной функцией имеют эстетическую. И это приближает их к вещественным источникам, где сам материал и выразительные средства неразрывно связаны. Вещественные источники представляют собой особую категорию источников с точки зрения фиксирования информации, которая в них выражена как результат практической деятельности людей и выступает в объективно-синтактическом смысле, т. е. как следы практической деятельности, которые нужно перевести в синтактически-

субъективную форму (выразить в иной знаковой системе).

Процесс выявления объективно-синтактической информации, заключенной в вещественных источниках (т. е. информации, возникшей вне зависимости от обращающегося к ней субъекта), и перевода ее в синтактически-субъективную форму (форму нашего общения, языковую), очень сложен. Сложна и технология поиска, реконструкции и датировки этих источников, что обусловило раннее выделение археологии и этнологии как самостоятельных наук.

Место вещи в жизни человека всегда менялось, ее роль и отношение к ней зависели от форм мировосприятия наших предков. Древнее восприятие вещи как живого существа, фетишизация и обожествление ее в рудиментарных формах сохранились до наших дней.

В настоящее время, когда современная техносфера моделирует социум по собственному подобию, сохраняется и ритуальное функционирование вещей. Помимо непосредственной практической надобности (функционального назначения) вещь (предмет) имеет и иной (скрытый) смысл. Предмет функционирует в пределах целого, воплощает смысл целого, целое присутствует в предмете, как в своей части. Поэтому вещь в традиционной культуре имеет и непредметное содержание, заявляя о той общности, которой она принадлежит. Вещи, которые соотносятся между собой как части мифического целого, находятся рядом, создавая тем самым мифическое пространство. Исследователь, неподготовленный к восприятию объективно-синтаксической информации вещи сможет лишь описать внешние характеристики и (собственно его пониманию) возможное функциональное предназначение вещи.

Артефакты – продукт мировосприятия, представлений людей о том, как объекты должны выглядеть, и как их можно использовать. Каждая культура имеет свои собственные корни, которые диктуют и определяют форму артефактов. Спустя некоторое время возникает разрыв в традиции, усложняющий понимание дошедших до нас вещей. Л.С. Клейн определяет их как «древности» – объект изучения археологии (их еще называют археологическими памятниками). К *археологическим памятникам* относят ископаемые орудия труда, оружие, одежду, украшения, поселения и остатки отдельных жилищ, надмогильные и культовые постройки, древние архитектурные памятники и т. д. Следует подчеркнуть, что археологи используют

письменные и другие источники, позволяющие дополнить и воссоздать мир вещей изучаемого периода.

Изучая и интерпретируя археологические, вещественные памятники, археологи как бы переводят информацию с «языка вещей» в понятную нам знаковую форму – языковую систему, а также систему графической информации.

Зафиксированная в *изобразительных источниках* информация об исторической реальности также имеет специфические методы и формы выражения, и в этом смысле в определенной степени является как бы закодированной, а поэтому скрытой и для ее «прочтения» необходима дешифровка, своеобразное «снятие» прикрывающей ее системы изобразительных принципов и методов.

Среди массы изобразительных источников, как известно, выделяют изобразительно-графические и изобразительно-художественные. Среди *изобразительно-графических* для исследователей (особенно историков) огромное значение имеют *карты.* Карты являются уникальным историческим источником, потому что содержат географические и исторические факты, сведения о научных знаниях и мировоззрении. Средневековые карты прошли путь от простых схематических рисунков до настоящих произведений (их изучением занимается картоведение). Для изучения карт необходимо иметь понятие о картографической проекции, масштабе, картографическом изображении (обозначений рельефа, растительности, населенных пунктов, дорог) и т. д. Все это требует специальной подготовки исследователя. *Изобразительно-художественные* источники, ориентированные преимущественно на эмоциональное восприятие имеют прежде всего эстетическое, а не функциональное предназначение (хотя и здесь не все однозначно – возьмем, к примеру, иконы).

И все же восприятие нами информации не адекватно той, которая была вложена создателями произведения. Необходимо знание системы изобразительных принципов и методов, присущих стране в которой были созданы эти источники, эпохе их создания, классовым и религиозным взглядом их создателей, художественным направлениям, к которым эти творцы принадлежали.

Не случайно китаевед Дж. Роули подчеркивает, что «мы редко спрашиваем себя, почему вот эта ваза греческая, а та скульптура индийская, или почему вот эта человеческая фигура должна быть

итальянской, а этот пейзаж английским. Хотя характеристики духа самоочевидны, корни их скрыты от взора, ибо они погребены в изначальных ориентациях разных культур. Они – суть нечто недосягаемое, в котором воплощаются мечты и чаяния людей: нечто неизмеримое, которое определяет ответы на три основных измерения опыта: природа, человек, божество».

Предметы таких видов искусства как живопись, графика, скульптура дают необходимую информацию не только о реалиях прошедших веков через серии портретов, батальный жанр, восстанавливают мелкие детали крупных объектов и сюжетов, дошедших до нашего времени, но и помогают нам узнать те исторические факты, которые до сих пор были не известны.

Яркие примеры – скульптурные портреты римских императоров и героев; серия гравюр Ш.А. Дюерсо о несуществующих ныне Мадридском замке и других французских постройках монархов XVI века и т. д. и т. п.

Следует пояснить ответ и на такой вопрос: что же такое «*музейный предмет*»? Всякий ли источник является музейным предметом и всякий ли музейный предмет – исторический источник. Суммируя понимание термина различными учеными, можно попытаться определить «музейный предмет» как предмет, извлеченный из окружающей среды, депонированный в музее и обладающий свойствами длительной физической сохранности, носитель семантической и эмоциональной информации. Следовательно, понятие «музейный предмет» уже, ибо далеко не все исторические источники, могут быть включены в состав музейных фондов, а только определенные категории, которые обладают признаками «музейности», «музейной ценности». Вместе с тем в музеях могут экспонироваться вещи, передающие только внешние сходства, являющиеся по сути историческими пособиями, обобщающими характеристики представляемого круга источников.

1.7. ИСТОРИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Историческое источниковедение *как специальная дисциплина,* имеющая свои объект, предмет, цели, задачи, методы, историю, теорию, сложилось на рубеже XIX – XX веков. Тогда-то стали читаться в высших учебных заведениях и создаваться учебные и

научные труды по методологии истории, то есть системы теоретических знаний, на основе которых формируются методы исторического исследования, а в этих трудах появились разделы по источниковедению. Однако элементы, из которых сложилось современное историческое источниковедение, возникли раньше. Источниковедение имеет свою историю, которая рассматривает вопросы теории, методики и практики исследования и преподавания источниковедения в развитии и на современном этапе.

Формированию источниковедения как отдельной научной дисциплины предшествовал длительный период накопления практического опыта работы историков с источниками.

Так, историки периода ***раннего средневековья*** пользовались любым письменным текстом или любым устным высказыванием как источниками, если они доверяли авторитету того, от кого исходили эти текст или высказывание.

Доверие к лицу или учреждению, от которых исходили подобные высказывания, предопределяли отношение историков к этим высказываниям. Авторитет не подлежал критической проверке. Историк в таком случае заимствовал у авторитетного лица или учреждения не только сведения о событиях и явлениях прошлого, но и перспективу видения этих событий или явлений.

При этом раннесредневековый историк считал, что если он непосредственно не наблюдал событий прошлого, он должен принять или отказаться от передачи сведений об этих событиях в зависимости от того, признавал он или не признавал авторитет лиц, которые передавали ему их. Условием авторитетности такого лица были знание, мудрость и добродетель этого авторитета. Авторитетным могло быть мнение лица, в силу санкции учреждения, придаваемой ему церковью или властью. Например, римский папа Целестин I (422–432) официально признал христианского богослова и церковного деятеля Августина Блаженного (345–430) «учителем церкви», что придавало ему особый авторитет. Папа Гелазий I (492–496) признал авторитет и за другими отцами церкви.

Следование мнению авторитетного лица историками раннего средневековья влекло за собой признание прошлого не объектом познания, а объектом веры. Вопрос достоверности пересказа событий прошлого решался исключительно с учетом того, передавался ли он авторитетным лицом или нет. Объектом критики могло служить лицо

или учреждение, от которого исходил такой пересказ, но не сам пересказ.

Описание событий прошлого, таким образом, становилось авторитетным тогда, когда историку становилось известным, что определенное лицо (или учреждение) своим авторитетом гарантировало достоверность наблюдавшихся этим лицом или представителями учреждения событий.

В раннесредневековую эпоху историк не мог найти описание событий в публичных библиотеках или архивах, в которых подделки перемешаны с подлинниками и где никто не мог дать гарантии аутентичности описания. Раннесредневековый историк не имел свободного доступа к описаниям событий прошлого. Он находился в зависимости от того, кто располагал этими описаниями и кто делал их доступными историку.

А делал такие описания доступными тот, кто располагал ими, исходя из своих целей. Историк получал такие сведения о прошлом от того, кто выступал в качестве гаранта, поручавшегося за достоверность этих сведений своими личными качествами (знаниями, мудростью, добродетелью) или же общественными положением. Это не зависело от того, были ли получены такие сведения устно или в письменном виде.

В данном случае мы сталкиваемся с более общим явлением. Капитулярии (законы и распоряжения) франкских королей из династии Каролингов приобретали обязательную силу только после устного оглашения их монархом, а признание подлинности частноправовых актов требовало наличия свидетелей, которые должны были присутствовать при их составлении, и, следовательно, могли дать их гарантию, приводя собственные показания.

Аналогичное положение было и с доказательством того, что тот или иной суд вынес решение. При этом было необходимо присутствие свидетелей. Записанное решение суда не имело силы без их подтверждения решения. Только позже свидетельством аутентичности (подлинности) документа стала приложенная к нему печать. Что же касается характеристики письменного выражения документа, то ей не придавали значения даже в период развитого феодализма. Об этом свидетельствует тот факт, что фальсификаторы XV века, которые составляли поддельные документы, датированные тремя столетиями ранее, не пытались подражать приятному тогда минускульному

письму (т. е. упрощенному строчному написанию в отличие от маюскулов, принятых в древних греческих и римских рукописях), хотя старались привесить к подделкам печати, действительно происходившие от времен мнимого составления документов.

С точки зрения ж людей средневековья написанный текст не содержал в себе признаков аутентичности, но всегда должен быть подтвержден кем-нибудь. Именно с подобным подтвержденным описанием событий прошлого имел дело историк средневековья. Это избавляло его от обязанности самостоятельного установления подлинности такого сообщения.

Вот почему не существовало причин, позволявших считать, что устные сообщения о прошлом содержат худшую или менее точную информацию по сравнению с письменными сообщениями. Между устной и письменной формой передачи сведений о прошлом для тогдашнего историографа не было принципиальной разницы. В обоих случаях он получал данные, за которые поручились определенные лица, представлявшие не только себя, но и какие-то учреждения. Способ же, с помощью которого происходила передача сведений, имела только техническое значение, которое не принималось во внимание. Вот почему тогдашние историки (Беда Достопочтенный (672 или 673 – ок. 735), Регион Прюмский, Павел Диакон (ок. 720 – 799) и другие пользовались устной традицией без колебаний и сомнений.

Тот факт, что историк всегда получал описание прошлого от кого-то, кто передавал его с конкретной целью, определяло также характер отношений между историографом и политическим или религиозным институтом (если можно отделить их друга от друга). Поэтому историк оказывался в полной зависимости от этих институтов, если только хотел описывать то, чего сам не видел и не мог видеть.

Именно от них историограф находился в наибольшей зависимости, особенно тогда, когда описывал события отдаленного прошлого, или же тогда, когда учреждение было единственным, кто располагал необходимыми описаниями прошлого.

Описывая же события, современником которых он был, историограф обладал относительной самостоятельностью, ограниченной его собственным социальным положением и положением в институциональной системе, но все же большей, чем то

положение, в котором он находился, если он углублялся в отдаленное прошлое.

Это вытекало из следующего факта: прошлое не было для человека средневековья только тем, что миновало, но было своего рода очагом решений, сохраняющих длительную актуальность и действующих по-прежнему образцов поведения. Для сознания, которое считало каждое произведение человеческих рук однозначно определенным через его происхождение, прошлое было изменением времени гораздо более важным, чем современность, поскольку представляла ее как бы идеальное (мерило), решало то, какой должна быть современность.

Поэтому для историографа его зависимость от социального института-политического или религиозного – была особенно значимой тогда, когда он занимался описанием прошлых событий. Ситуация стала меняться только в XIII в. Сказанное выше вовсе не означает того, что содержание того пересказа событий, которым пользовались средневековые историографы, был безразличным для них Исидор Севильский (ок. 560 – 636) в своей «Этимологии» отмечал, что история отличается от риторики и от басен, а баснями историографы считали все то, что противоречит природе (см. Боэция (ок. 480 – 524), комментатора Беды и др.). Поэтому Павел Диакон в своей «Истории лангобардов» называл басней легенду о том, будто бы название этого германского народа связано с восклицанием древнегерманского верховного бога Вотана в адрес их предков винилов: «Что за длинные бороды!»

Раннесредневековые историографы прибегали к определенным критическим процедурам, однако, при этом чаще всего предполагалось, что описание события как объект критики должно быть доступным историку. Если он имел дело с высказываниями двух авторитетов, предпочтение оказывалось тому из них, кто вызывал большее доверие.

В период средневековья историческая истина понималась иначе, чем в наше время. Историограф считал познаваемым описание прошлого только через передаваемое ему сообщение, которое было для него полностью недоступным, и поэтому его интересовала достоверность автора или гаранта сообщения, а не истинность его слов.

В своем представлении историограф был зеркалом

распространенных представлений о событиях. Он действовал, будучи убежденным, в том, что если даже эти представления противоречат друг другу, тем не менее, их приводить необходимо, поскольку зеркало не виновато в том, что отражает различные изъяны облика, глядящего в него человека.

Высокая оценка повествовательных свидетельств о прошлом приводило в тот период к стиранию границы между историографией и литературой, в частности, между историографией и эпосом.

В ***XIV – XV вв., в период Возрождения*** слепое доверие к освященным традицией представлениям стало слабеть. Гуманисты продолжили античную традицию, извлекая исправный текст из-под груды искажений и прибавлений. Комплекс приемов подобного извлечения текста (текстология) вырабатывался в связи с потребностью традиционной европейской культуры (еще со времен античности) в чтении книг великих авторов. Подобные книги неоднократно перечитывали, в поисках потаенного смысла. На этой основе накапливались искусство понимания и толкования текстов классической древности и Библии, или экзегетика (герменевтика), умение отличать подлинники от подделок, судить о ценности произведения и особенностях авторского стиля. На материале филологии складывались обращение к авторству как способу понимания произведения.

В период Возрождения оформлялась идея личного авторства, авторского права на труды, признание личного вклада писателя и ученого в литературу и науку, на закрепление имени автора как варианта личного клейма мастера.

Историографы перестали соединять с древним текстом чужие примечания к нему, гипотетические вставки на места пробелов. Это содействовало четкому отделению современных толкований от древних сообщений.

Возникло деление исторических сочинений на исторические источники и исторические пособия. К первым стали относить только первичные изложения данных ответственными, знающими людьми. В этот ряд стали относить произведения древних авторов, средневековых хронистов, старые документы и т.д., а также поздние списки и вставки таких пересказов в более поздних сочинениях, если более ранние из дошедших до историографов звеньев передачи древнего сообщения были утрачены.

Все остальные пересказы предшествовавших по времени сообщений стали считаться историческими пособиями, меняющими информацию источников. В период Возрождения историческими пособиями стали считаться такие сочинения, в которых давались авторские характеристики событий, известных по источникам, оценки этих событий, освещение причин и следствий описанных в источниках явлений, выведение определенных положений.

В период Возрождения возникает и понятие об исторической критике источников, филологическом анахронизме и атрибуции текстов источников, в том числе, об определении времени, места и авторства источника. Венцом этого стало «Рассуждение о продолжительности так называемой дарственной грамоты Константина» *Лоренцо де ла Валлы* (1407 –1457). Этот церковнослужитель был гуманистом и исследовал грамоту, согласно которой римский император Константин (306 – 337) будто бы предоставил светскую власть папе Сильвестру I над западной частью империи, в том числе над Италией. На эту грамоту ссылались римские папы в своей борьбе с императорами за первенство в Священной Римской империи.

Л. де ла Валла доказал, что грамота не могла быть составлена в IV в., когда жили Константин и Сильвестр I. Основаниями для критики служили следующие положения:

- императору невыгодно было дарить половину своей империи. Об этом дарении не упоминали другие источники IV в. и позднейшего времени.

- филологическая критика грамоты привела исследователя к выводу, что ее текст составлен на поздней варварской, а не на классической латыни, которая была в ходу в IV в. Грамота была написана позже, следовательно, она была подложной. Указать дату ее создания Л. де ла Валла не мог. Эту дату – VIII в. – установили позже.

Немало времени изучению источников посвятили католические монахи, преимущественно бенедиктинского и иезуитского орденов, в XVII в., получившие известность как ***«эрудиты»***. В архивах старейшего в Европе бенедиктинского ордена хранилось немало средневековых грамот, документов о сделках, дарениях и других источников, как оригиналов, так и копий. В 1619 г. в Ордене бенедиктинцев была создана Конгрегация св. Мавра, в одну из задач которой входило изучение истории.

Эрудиты были призваны помочь католической церкви путем сбора достоверных и по возможности достоверных источников отстаивать в полемике с протестантами ценности католицизма.

Собирая и публикуя документы, эрудиты накапливали исторические факты и составляли исторические пособия, нередко многотомные, – жития святых, истории монашеских орденов, историю церкви, историю отдельных регионов, государств, областей. Осмысление и анализ собранных ими документов, как правило, не осуществлялись.

Важной заслугой эрудитов была разработка элементов исторической критики, в первую очередь, критики происхождения источников, отличия подлинников от подделок, установление времени и места создания источника. Эрудиты разработали основы таких вспомогательных исторических дисциплин, как дипломатика (определяющей подлинность, происхождение, дату, внешние признаки источника), палеография (изучающей внешний вид, материал, орудия письма, графику источника), хронология (изучающей системы летоисчисления) и других. В этот период были введены указание года при рассказе о событии (Сэрр, 1597), ссылки на источник сообщаемых сведений (Дюпле, 1621). В исторические пособия входит цитирование как средство доказательства подлинности сообщаемых сведений.

В сочинении Ж. Мобильона «О дипломатике» (1681) были охарактеризованы основы экспертизы подлинности источников. В «Критической истории Ветхого завета» Р. Симона (1678) были освещены приемы выявления древних составных частей текста. А в анонимно вышедшем «Богословско-политическом трактате» философа Б. Спинозы под сомнение была поставлена не подлинность источников, а истинность их содержания.

Философы и историки ***периода Просвещения*** *Ф. Вольтер, Дж. Б. Вико, Ж.А. Кондорсе* распознавали за утверждениями источников политические пристрастия их составителей, делая это рационалистически, исходя из здравого смысла и интуиции.

Общее представление о принципах подхода к сочинению как к источнику на основе изучения Нового завета было дано немецким богословом *Ф.Э. Шлейермахером* (1768 – 1834) в его сочинении «О герменевтике и критике, особенно в их отношении к Новому Завету». Этот ученый отделил герменевтику как «искусство понимать чужую речь», от критики, которой следует заниматься тогда, когда в

источнике «есть нечто такое, чего в нем не должно быть».

Немецкий филолог *Ф.А. Вольф* (1759 – 1824) в своих работах об авторстве «Илиады» и «Одиссеи» произвел «филологическую реконструкцию» произведений частного и государственного быта греков. Научно-критический метод в изучении прошлого был разработан другим немецким ученым *Б.Г. Нибуром* (1766 – 1831). В своей «Римской истории» Б.Г. Нибур использовал критический метод анализа исторических свидетельств, для доказательства легендарности древней истории Рима. Необходимость критического изучения источников и фактов прошлого предлагалась немецким историком Л. фон Ранке (1795 – 1886) в его сочинениях по политической истории Западной Европы XVI – XVII вв.

Ведущую роль к повышению интереса к историческим источникам сыграл рост национального самосознания ряда европейских народов в последней трети XVIII – начале XIX вв. Значительное место при этом занимали *серийное издание исторических источников в Германии (Monitenta Germaniae historica*), начиная с 1826 г., план которого был разработан на конкурсной основе Г. Г. Пертцем. Главный редактор этого издания Г. Вайц (1813 – 1886) неоднократно переиздавал составленную Ф.К. Дальманом библиографию «Источниковедение германской истории» (1-е изд.: 1830, 10-е изд.: 1980-е гг.), которая помогла становлению понятия «источниковедение» в европейской историографии.

Это понятие возникло в результате сбора, отбора, изучения и систематизации исторических источников. Работа Г. Вайца и его сотрудников представляла собой то научно-исследовательское направление, которое способствовало становлению источниковедения как науки.

И *в России* сбор и издание исторических источников были связаны с подъемом интереса к прошлому и формированием исторического сознания. В 1811 г. при Московском архиве Министерства иностранных дел была создана Комиссия печатания государственных грамот и договоров. После 1812 г. ее деятельность активизировалась при поддержке канцлера Н.П. Румянцева (1754 – 1826). А с 1834 г. издание исторических источников предпринималось Археографической комиссией при Министерстве народного просвещения, которая издала ряд многотомных серий актов. С 1837 г. по единому плану стало публиковаться «Полное собрание русских

летописей». Издание «Полного собрания законов Российской империи» возглавил государственный деятель М.М. Сперанский (1772 – 1839).

Аналогичные издания источников по истории своей страны стали выпускаться во Франции и других странах. Для развития источниковедения большое значение имела активизация в отдельных странах Европы архивного дела и подготовки архивистов. В 1821 г. в Париже была создана *Школа хартий*. Этого было вызвано централизацией архивов в этой стране в связи с Великой французской революцией, сменой административного аппарата, предоставлением архивов как достояния нации в распоряжение граждан. С середины XIX в. кадры французских архивов формировались из числа выпускников Школы хартий.

Аналогичные высшие школы были созданы в Вене (1854), Мадриде (1856), Флоренции (1857). Тип источниковедческого образования в таких учебных учреждениях коренным образом отличался от соответствующей подготовки в университетах в традиционном смысле слова. Он диктовался пониманием государственно-политического значения хранения и публикации источников, их роли в формировании образа страны, как среди ее граждан, так и в мире. Вот почему непосредственное участие в исследовательской и публикаторской работе с источниками принимали участие государственные деятели преимущественно либеральных взглядов: Г. фон Штейн (1757 – 1831) в Пруссии (он был одним из инициаторов издания источников немецкой истории), Н.П. Румянцев и М.М. Сперанский в России, историк и политический деятель Ф. Гизо (1787 – 1874) во Франции.

В XIX веке был накоплен немалый опыт методики изучения письменных источников. Это дало возможность создать основу для последующего обобщения методов источниковедения, в первую очередь по вопросам последовательности основных этапов анализа источников. Первоначально большинство историков не видели необходимости в теоретическом обобщении эмпирического опыта изучения источников. Попытки рассмотреть методы изучения источников казались им ненужным делом. Такое мнение высказал, в частности, немецкий историк и философ *И.Г. Дройзен* (1808-1884) в своей работе об основах методики изучения истории, которую он называл «Историкой».

Со второй половины XIX в. на методологию общественных и естественных наук оказывало влияние *позитивистское* философское учение, которое рассматривало научное знание только как совокупный результат конкретных специальных наук. Позитивисты считали своей задачей установление исторических фактов, с помощью критического изучения источников. При таком подходе исторические источники нуждались в систематическом осмыслении, а методы их изучения стали предметом специального исследования.

К этому времени вспомогательные исторические дисциплины преподавались в большинстве университетов Европы. Профессор Виленского университета *Иоахим Лелевель* (1786-1861) нашел удачную форму наименования этих дисциплин. Он назвал написанную в эмиграции книгу о целях, задачах и методах вспомогательных дисциплин «науками, дающими возможность познавать исторические источники» (Познань, 1863).

Специальные работ по источниковедению в этот период еще не существует. Развитие источниковедения происходит в рамках курсов по методологии истории (Э. Фримен (1823-1892), 1886; Э. Бернгейм (1850-1942), 1889; Ш. Сеньобос (1854-1942) и Ш.В. Ланглуа (1863-1929), 1898). Наиболее ярким выражением позитивистской концепции методологии истории О.М. Медушевская считает *пособие Ш.В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории».* Пособие не ставило своей задачей заменить будущему историку (в Школе высших исследований при Сорбонне, Париж) его профессиональную подготовку. Авторы «Введения» стремились побудить специалиста рассуждать о приемах исследования исторического материала, которые применялись подчас как бы машинально.

Весь комплекс вопросов критики и истолкования источника трактовался парижскими историографами в их «Введении» как подготовительный цикл, который завершается только в ходе исторического обобщения. *В условиях приоритета технократических представлений на рубеже XIX и XX веков анализ источников рассматривался как некая техника и прикладные приемы.* Техника казалась всемогущей. Гуманитарное знание стремилось доказать свою пригодность при помощи аналогий своих методов познания с техническими приемами. Учебник по методологии исторического изучения датского историка К. Эрслева называется «Историческая техника» (1929). Подобным образом в немецких исторических работах

того же времени истолковывается понятие «инструментарий историка».

В начале ***XX века*** в России, в отличие от Западной Европы, сохранился интерес не только к технике изучения источника, а и к источнику как к главной цели исследования. Ведущее место в разработке подобных взглядов сыграл *труд А.С. Лаппо-Данилевского (1863-1918) «Методология истории» (1911-1913*). Исследования А.С. Лаппо-Данилевского были важным этапом по пути оформления источниковедения как научной дисциплины.

Процесс оформления источниковедения совпал с изменениями взглядов общества на место исторических знаний в жизни человека. В первой половине XX века в могущество техники и естествознания вызвали снижение интереса к гуманитарным дисциплинам, в том числе к истории. Это также объяснялось разочарованием в прогнозирующих возможностях исторической науки и социальных наук в целом.

На недоверие к исторической науке и другим наукам о человеке оказало влияние и противоречие между технической мощью человечества, и неспособностью использовать ее для своей пользы. Оно проявилось, в частности, в мировых войнах, массовых движениях нового, нетрадиционного типа, возникновении на их основе тоталитарных режимов, геноциде в невиданных до этого масштабах.

После первой мировой войны представления о мире изменились, а идеи единства мирового исторического процесса и влияния его событий на судьбу личности стали осознаваться не только через аудитории университетов, но и из непосредственных жизненных впечатлений.

В связи с этим подвергались переосмыслению привычные представления об историческом источнике и пути выявления исторической истины с помощью профессиональных средств, которыми располагает историк. Поэтому французские историки *Л. Февр* (1878-1956) и *М. Блок* (1886-1944), основавшие методологический журнал «Анналы экономической и социальной истории», настаивали на новом подходе к источникам – с использованием методов географии, психологии, экономики, социологии. На основе этих подходов расширялись междисциплинарные контакты историков для получения данных за счет сведений других гуманитарных наук, а также естественных наук.

В то же время специалисты, пришедшие в 1920-е гг. в историческую науку (в отличие от основателей журнала и «*Школы Анналов*», которые призывали коллег отказаться только от устаревшего, обязательно сохраняя исследовательские навыки предшественников), стали отрицательно относиться к трудовому академическому профессионализму. Необходимость изучения истории, а, следовательно, и критического отношения к источникам стала подвергаться сомнению.

В условиях, возникших в этот период тоталитарных режимов, историческое знание было беспрекословно подчинено политике. Немецкий архивовед П. Гофман в 1933 г. выразил идею, воплощавшуюся в нацистской Германии в жизнь: «Они должны давать исторические подтверждения, способствующие упрочнению того нового духовного содержания, которое вложил в государство вождь национального движения Адольф Гитлер». По мнению П. Гофмана, немецкий архивист должен был сознавать «свой долг не только в том, чтобы сохранять историю, но и в том, чтоб творить ее».[1]

Аналогичный процесс происходил в Советской стране. В 1917-1922 гг. российские ученые, близкие по своим методологическим взглядам к А.С. Лаппо-Данилевскому опубликовали свои труды, которые характеризовались серьезным теоретическим уровнем и конкретным анализом проблем методологии гуманитарного исследования, в том числе и источниковедения. Однако с 1923 г. эти направления исторических изысканий были закрыты. Новая власть стала заменять в историческом знании разумное познание верой. Это придавало марксистскому истолкованию истории иррациональные черты.

Советская историография определялась Ю.Н. Афанасьевым как особый научно-политический феномен, гармонично сросшийся с политикой, идеологией и системой тоталитарного государства, ставший его органической составной частью и приспособленный к обслуживанию его идейно-политических потребностей. В свете этого можно рассматривать и развитие источниковедения в советский период, когда решения партийных органов, по свидетельству Н.Н. Маслова, рассматривались как «носители истины в последней инстанции, не подлежащие научному источниковедческому анализу».

---

[1] Hofmann P. Gegenwartsaufgabon in deutschen Archiven// Minerva–Zeitsehrift.– 1933. – Nr 9-10. S.133-138.

В вышедших в 1930-1931 гг. марксистских работах по теории источниковедения Г.П. Саара и С.Н. Быковского проявлялось вульгарное социологизирование, а источниковедческие методы упрощались. Прежний источниковедческий опыт нередко подвергался необоснованной критике.

Тотальной идеологизации исторической науки, в том числе источниковедения, способствовала публикация письма И.В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» (1931). В этом письме вождь страны назвал историков, опиравшихся в своих исследованиях на критическое осмысление источников, «архивными крысами» и «безнадежными бюрократами». При этом И.В. Сталин исходил из собственного желания подвергнуть забвению роль в революции и гражданской войне своего политического оппонента в борьбе за власть Л.Д. Троцкого, вопреки свидетельствам существовавших источников.[1] Этим было положено начало переписыванию исторических сочинений в направлении угодном власти.

Постепенно ограничивался доступ исследователей к архивным материалам (особенно источникам по истории новейшего времени, многие из которых подлежали специальному хранению). Отдельные группы источников использовались без привлечения других источников, изымавшихся из научного оборота. Это приводило к догматизации информации, содержавшейся в них. Так, например, широко изучалось и цитировалось письмо В.Г. Белинского, являвшегося ответом на сочинение Н.В. Гоголя, но само это сочинение исследованию не подвергалось.

Выработанный к тому времени методологический подход, признающий обязательной общность свойств источников вне зависимости от их происхождения и содержания, предполагал принципиальное единство методов анализа документов, оценки их достоверности и точности их истолкования.

Начиная с 1930-х гг., допускалось лишь критическое изучение отдельных сюжетов. Даже публикация источников подвергалась строгому контролю, сами источники подбирались для публикации произвольно и, в первую очередь, для доказательства определенных предписанных выше положений. Такими, например, были сборники источников: Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі (Мінск,

[1] Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма // Соч. - т.13. - С.84-102.

1936-1954. - Т.1-4).Вялікая Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі (Мінск, 1957. - Т.1-2), Барацьба за савецкую ўладу на Беларусі (Мінск, 1968-1971. - Т.1-2), Усенародны партызанскі рух на Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны (Мінск, 1967-1982. -Т.1-3) и др. Нередко в этих публикациях преобладали не впервые извлеченные из архивов источники, а перепечатка их из предшествовавших археографических изданий, весьма часто в усеченном виде. Это подчеркивало зависимость публикаторов таких источников от составителей более ранних публикаций. Это особенно относится к изданию «Беларусь у эпоху феадалізма» (Мінск, 1959-1979. - Т.1-4).

Начиная с 30-х гг., уровень источниковедческой подготовки историков в СССР, по мнению Н.Н. Маслова, резко снизился. Только в одном высшем учебном заведении была введена подготовка по методике исследования источников. В апреле 1931 г. в Москве начал свою деятельность Институт архивоведения (с 1932 г. историко-архивный институт, который в настоящее время находится в составе Российского государственного гуманитарного университета). Интересно, что и в Берлине в 1930 г. был создан Институт архивоведения и научно-исторической подготовки. В нем готовили историков-архивистов на основе политически ориентированных учебных дисциплин вплоть до прививки милитаризма. После прихода нацистов к власти эта тенденция возобладала. Программа Берлинского института изучалась основателями Московского института того же профиля.

В *Московском историко-архивном институте* готовили специалистов для архивов, а те подчинялись органам ОГПУ-НКВД-МВД. Управленческая деятельность централизованного государства нуждалась в хорошо поставленной административной архивной службе. Последней же требовались специалисты, подготовленные в соответствующем идеологическом духе для обслуживания хранилищ исторических источников как носителей социальной информации.

В то же время именно в Московском историко-архивном институте источниковедение разрабатывалось в качестве особого теоретико-познавательного направления. Читавший в этом учебном заведении курс источниковедения (1936-1940) *М.Н. Тихомиров*, создал вместе с *С.А. Никитиным* фундаментальный курс источниковедения отечественной истории (1940). Эти исследователи создали четкое представление об общей картине истории СССР и ввели в научный

оборот новые комплексы источников. Именно в заглавиях пособий М.Н. Тихомирова и С.А. Никитина впервые в российской историографии было закреплено наименование «Источниковедение», причём это понятие было выделено из состава методологии истории. Однако, как полагает А.Т. Николаева, в пособиях М.Н. Тихомирова и С.А. Никитина уделялось недостаточно внимания теории и методике источниковедения.

С приходом на работу в Историко-архивный институт ученика А.С. Лаппо-Данилевского *А.И. Андреева* в 1943 г. больше внимания стало уделяться разработке вопросов теории и методики источниковедения.

Поиски опоры на традиционные ценности и инстинктивное стремление людей, переживших ужасы второй мировой войны, погрузиться в мир гармонии в музеях и на выставках побуждали их обращаться к культуре различных регионов и поколений, недоступной непосредственному наблюдению. Это нашло свое отражение также в росте коллекционирования материальных предметов, закреплявших опыт иных культур, в том числе и культур прошлого, развитию туризма, все более частому обращению к архивным документам не только специалистов гуманитарных наук, но и других людей.

С конца 50-х гг. во всем мире обозначился перелом в отношении к историографии и методам исследования прошлого. Западные историки охарактеризовали этот перелом, как возрождение эрудиции, имея в виду заметный качественный сдвиг в отношении общества к исследовательской работе специалистов в области историографии.

Долгое время человечество связывало общественные симпатии и интерес, материальные и интеллектуальные средства с успехами технических и естественных наук, открытия которых обещали блестящие перспективы. Только в середине XX века стало проясняться, что никакая область человеческой деятельности или познания, кроме области гуманитарных и, в том числе, исторических исследований, не может дать ответов на вопросы, постоянно предстающие перед человеком.

В начале 60-х гг. внимание историков привлекло французское издание *«История и ее методы» (1961),* изданное под редакцией палеографа и археографа Ш. Самарана (1879-1980). В этом издании была выдвинута новая концепция методов исторической науки, исторических дисциплин и критики источников. Историческая наука

была представлена здесь в системе ее профессиональных методов, используемых не только в отношении письменных, но и в отношении вещественных источников и кинофонофотодокументов.

В издании был обобщен опыт историков, которые стали более широко, чем раньше, пользоваться научно-техническими средствами, историческая наука стала расширять свои познавательные возможности при помощи смежных наук. Расширился и круг привлекаемых источников. Стали более разнообразными конкретные методики. Развивались связи исторической науки с исследованиями социологов, психологов, этнографов.

В это же время и в советской исторической науке, несмотря на ее политизированность, возобновилось изучение теоретико-методических вопросов источниковедения. Стали выходить в свет монографические исследования в этой области знаний (работы *А.П. Пронштейна, Л.Н. Пушкарева, О.М. Медушевской, И.Д. Ковальченко* и др.). С 1970-х гг. созывались всесоюзные конференции по источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам, на которых обсуждались актуальные вопросы теории и методики изучения источников.

Были опубликованы учебные пособия по источниковедению истории древнего мира, средних веков, новой и новейшей истории, истории СССР. Чаще всего теоретико-методические источниковедческие разделы в этих изданиях были весьма краткими. Этого недостатка и лишено учебное пособие коллектива преподавателей Российского университета *«Источниковедение» (М.,РГГУ, 1998).* В этом издании из 700 страниц текста 150 посвящены вопросам теории, методики и истории источниковедения. Заслуживают внимания и исследования по истории источниковедения в России *А.Т. Николаевой, О.М. Медушевской, А.П. Пронштейна.*

Источниковедение в Беларуси не получило такого развития, как во Франции или в России. Белорусское источниковедение представлено обзорами отдельных видов источников по истории Беларуси в книгах В.И. Пичеты (1922), А.П. Игнатенко (1965), З.Ю. Копысского (1978), а также обзором археографических изданий источников в исследовании Н.Н. Улащика (1973).

Теоретико-методические источниковедческие исследования в Беларуси пока что предпринимались недостаточно по сравнению с другими странами.

Опыт изучения развития исторического источниковедения свидетельствует о возникновении его новых разделов, в том числе источниковедения историографии истории, истории философии, истории искусства, истории военного дела, истории медицины, истории музейного дела и т. д., а, следовательно, о его дифференциации. Одновременно происходят и интеграционные процессы, поскольку источниковедение входит в ряд междисциплинарных комплексов гуманитарного и естественнонаучного знания. Предстоит дальнейшее развитие обоих процессов, так как разрабатываются и будут разрабатываться вопросы источниковедения и других отраслей истории науки, техники и культуры.

Следует учитывать, что сегодня источниковедение включает в сферу своих исследований в первую очередь научную форму исторического знания - историографию. В наше же время все большее значение приобретают вненаучные формы исторического знания. В связи с повышением влияния средств массовой информации на общество можно ожидать развития исследований источников истории этих форм исторического знания, в частности, - исторической идеологии, исторического сознания, исторических мифов, исторической традиции, исторического менталитета.

Вполне вероятно, что будет развиваться и источниковедение не только истории исторической науки, но и истории исторической публицистики, исторической научно-популярной литературы, исторической учебной литературы, исторической художественной литературы, устной истории.

Литература:

Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Советская историография. – М.РГГУ, 1996.

Биск И.Я. История исторической мысли в новое время. (Западная Европа: XVIII в. – 90-е годы XIX в.). – Иваново Ив. ГУ, 1983.

Биск И.Я. Курс лекций по источниковедению истории нового и новейшего времени. -Тамбов, 1971.

Бокщанин А.Г. Источниковедение древнего Рима. - М., 1981.

Быковский С.Н. Методика исторического исследования. - Л., 1931. - 204 с.

Григорьева И.В. Источниковедение новой и новейшей истории

стран Европы и Америки. - М., 1984.

Грыцкевіч В.П. Гістарычная культура і гістарычная свядомасць // Чалавек. Грамадства. Свет. - 1997. - Вып. 8. - С. 43-55;

Грыцкевіч В.П. Гістарычная культура і яе месца ў нацыянальна-културнай ідэнтыфікацыі на Беларусі // Наш радавод. - Гродна, 1996. - Кн.7. - С.136-138;

Грыцкевіч В.П. Міфы і гісторыя // Спадчына. - 1996. - № 2. - С. 55-88;

Грыцкевіч В.П. Разважанні аб гістарычным мысленні і гістарычнай адукацыі // Магілеўская даўніна. - 1996. - №4. - С.57-58;

Грыцкевіч В.П. Як месіяністычны міф нараджаўся на Беларусі // Спадчына. - 1996. - №4 -С.52-58;

Грыцкевіч В.П. Міф пра унію // Віцебскі сшытак. - 1996. -№2. - С.3-8.

Грыцкевіч. В.П .Сферы і формы гістарычнай культуры // Беларусіka.Albaruthenica. - Мінск: 1997. - Т.6. - Ч.2.- С.7-9;

Грыцкевіч В.П. Месца гістарычнай культуры ў нацыянальна-культурнай ідэнтыфікацыі // Грамадская супольнасць і праблемы нацыянальна-культурнай ідэнтыфікацыі ў Беларусі. - Брэст, 1996. - С.40-44.

Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории. - М., 1998.

Игнатенко А.П. Введение в историю БССР. Периодизация, источники, историография. - Минск : БГУ, 1965. - С.8-26.

Иллерицкая Н.В. Становление советской историографической традиции: наука не обретшая лица // Советская историография. – М.: РГГУ, 1996.

Источниковедение древней Греции (Эпоха эллинизма). - М., 1982.

Источниковедение истории Древнего Востока. Под редакцией В.И.Кузищина. – М.,1984.

Источниковедение истории СССР XIX - начала XX в. Под ред. И.А.Федосова. - М., 1970;

Источниковедение истории СССР. Под ред. И.Д.Ковальченко. - М., 1981;

Клейн Л.С. Археологические источники. – Л.: ЛГУ, 1978.

Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. -М., 1987.

Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков. - Л., 1955.

Маслов Н.Н. Источники по истории КПСС и перестройка историко-партийной науки // Перестройка в исторической науке. – Киев: КГУ, 1990.

Медушевская О.М. Источниковедение: теория, история и метод. – М.: РГГУ, 1996.

Медушевская О.М. Источниковедение в России XX в.: научная мысль и социальная реальность.// Советская историография. – М.: РГГУ, 1996.

Медушевская О.М. История источниковедения в XIX – XX вв. – М.: МГИАИ, 1988. - 71 с.

Медушевская О.М. Современное зарубежное источниковедение. -М.,1983..

Никитин С.А. Источниковедение истории СССР. XIX в. – М., 1940.– Т.2.

Николаева А.Т. Основные этапы развития отечественного источниковедения XYIII-XX веков. – М.: МГИА, 1975.

Николаева А.Т. Основные этапы развития отечественного источниковедения. - М.:МГИАИ, 1976. - 67 с.

Пичета В.И. Введение в русскую историографию. (Источники и историография). - М.: Госиздат, 1922. - С.76-86.

Пронштейн А.П. Источниковедение в России. Эпоха феодализма. - Ростов-на-Дону, Изд. Ростовского университета, 1989. - 414 с.;

Пронштейн А.П. Источниковедение в России. Эпоха капитализма. - Ростов-на-Дону, Издательство Ростовского университета, 1991. - 664 с.

Пронштейн А.П. Методика исторического исследования. Ростов-на-Дону, 1971.(2-е издание вышло под названием: «Методика источниковедческого исследования». Ростов-на-Дону, 1976).

Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. - М., 1975.

Саар Г.П. Источники и методы исторического исследования. - Баку, 1930.-174 с.

Смолин Г.Я. Источниковедение древней истории Китая. - Л.,1987.

Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XYIII в. – М.: 1940.– Т.1. (2-е изд. – М., 1962).

Улащик Н.Н. Очерки по археографии и источниковедению

истории Белоруссии феодального периода. - М.: Наука, 1973. - 303 с.
Черноморский М.Н. Источниковедение истории СССР. Советский период. - М., 1976.
Хорхордина Т.И. Архивы в «Зазеркалье» // Советская историография. - М., 1996.
Dalmann F. Quellenkunde der deutschen Geschichte. – Leipzig, 1830.
Histoire et ses methodes. Volume publie sons la directions de Ch.Samaran. - P.: La Pleiade, 1961.
Lelewel J. Nauki dajace poznawac zrodla historyczne.-Poznan, 1863.

РАЗДЕЛ 2. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАБОТЫ С ИСТОЧНИКОМ

2.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Каждая из наук, что имеют объектом изучения исторические источники, разрабатывает свои, специфические методы. Вместе с тем есть и *общие методы* изучения исторических источников, определяющие основные этапы работы с источником и элементы рациональной организации труда исследователя.

Известно, прежде чем работать с историческими источниками, необходимо их найти. Как археолог знает где копать? Как этнограф знает, где искать следы той или другой легенды? Безусловно, есть элемент случайности в открытии. Можно случайно найти документ в архиве, можно случайно найти клад... Но в преобладающем большинстве случаев, поиск ведется систематически и целенаправленно. Необходима постановка и постоянное уточнение

познавательной задачи, детальное определение предмета поиска. Исследователь должен отлично знать условия и изучать место поиска (фонды архива либо местность для археолога – лесистая, слабо лесистая и т.д.). Исследователь должен знать важности применения технических средств (аэрофотосъемка, запись на диктофон, сканирование текста, сканирование земной поверхности с самолета или спутника, использование информационных систем). При том огромном расстоянии, которое разделяет полевую археологию от работы исследователя в архиве, во всяком случае есть одна вещь, которая их объединяет: прежде чем раскапывать, необходимо найти где копать, прежде чем изучать письменный источник, необходимо его отыскать. Помогает в поиске источника *источниковедческая эвристика* (от греч. – отыскиваю, открываю), которая вырабатывает специальные методы выявления. О методике поиска письменных источников речь пойдет ниже.

Еще на этапе поисковой деятельности исследователь уточняет поставленную цель и задачи, а также тему своей работы. При этом действует принцип: исследователь вынуждает ограничивать себя, но не количеством привлеченных источников.

Далее следует *критика исторического источника*. Исследователь должен установить, что он имеет дело с подлинным источником, который действительно был создан в том месте, в то время, в тех условиях и обстоятельствах, которые там указаны.

Это имеет значение опять же независимо от типа источника: икона или портрет, скульптура или произведение декоративно-прикладного искусства, законодательный документ или летопись.

Подлинность источников, однако, не предопределяет того, что информация, заключенная в них соответствует достаточно точно тому, что реально имело место в действительности. Ведь цель создания подлинного документа могла быть и такой: ввести потомков или современников в заблуждение (например, донос или же карта с ложными направлениями ударов и т. д.). Необходимо, таким образом, установить *степень достоверности сведений источников*.

Чтобы оценить достоверность, необходимо, однако предварительно понять то, о чем хочет сказать автор. Ибо мы воспринимаем информацию источника в контексте современной действительности, что вызывает необходимость *интерпретации источника*. Суть и своеобразие методологии источниковедения (в

отличие от философской герменевтики) состоит в признании чужого, а не только своего сознания.

Завершает работу исследователя *синтез исторической информации*. На этом этапе исследователь не только синтезирует информацию, полученную в результате предварительных этапов критики источника, но и сравнивает информацию данного источника о факте его создания и других фактах со сведениями других источников. Устанавливается репрезентативность (ценность) каждого источника относительно некогда существовавшего свода.

Следует знать, что, *в широком смысле эвристическая деятельность представляет не только и не столько поисковую*. В ее задачи входит и *познание закономерностей творческого мышления*. Эвристическую деятельность необходимо рассматривать как такую разновидность человеческого мышления, которая создаёт новую систему действий или открывает неизвестные ранее закономерности окружающих человека объектов.

Общая схема эвристической деятельности выглядит следующим образом: после обязательного предварительного периода ознакомления с проблемой наступает период отдыха или, вероятно, бессознательной работы прежде, чем появляется новая идея. Дальнейшая сознательная деятельность оформляет возникшую идею, подтверждает ее истинность. Открытие чаще возникает внезапно, когда отсутствует внимание к проблеме. Еще в 1926 г. американский психолог Г. Уоллес выделил четыре стадии творческого мышления: подготовка; созревание, вдохновение и проверка истинности. В реальной повседневной жизни эти четыре стадии постоянно меняются местами. Безусловно, сказываются и индивидуальные особенности. Однако, данные эвристики, как науки о творческом мышлении, указывают на то, что в практике исследователя может присутствовать неоднократное обращение к источнику и выделение названных далее этапов условно и отражает лишь основные направления работы с источником. Остановимся на них подробнее.

2.2. ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ ЭВРИСТИКА

Практика работы исследователя истории включает в себя поиск источников. *Целью поиска источников является обеспечение исследования информацией, которая необходима для получения*

совокупности исторических фактов. Иногда приходится приложить большие усилия, пересмотреть немало источников и исследований, побывать во многих библиотеках, архивах и музеях, чтобы уточнить какую-нибудь дату или расшифровать сомнительный инициал.

Поиск можно разделить на выявление и отбор источников. Выявление источников - это выяснение с наиболее возможной полнотой того, где и какие существуют источники, которые относятся к теме поиска, а также учет этих источников. *Отбором* называется определение того, какие источники следует изучать, чтобы получить оптимальный объем источниковой информации.

Выявление и отбор необходимых в исследовательской практике источников составляют раздел источниковедения - ***источниковедческую эвристику*** (от греческого «эуриско» - нахожу).

В источниковедческой эвристике различают эвристику *библиографическую* и *архивную*. ***Библиографическую*** *эвристик*у можно охарактеризовать как теорию и методику библиографических разысканий, как совокупность теоретических и практических знаний, относящихся к приемам обнаружения какого-либо тиражированного книжного материала или отдельных его элементов. ***Архивную*** *эвристику* можно определить как теорию и методику поисков неопубликованных материалов по данной теме.

В свете этих характеристик можно рассматривать источниковедческую эвристику как раздел источниковедения, посвященный теории и методике сбора и обнаружения опубликованных и неопубликованных источников с учетом закономерностей их возникновения, существования и хранения.

Каждый поиск информации должен быть надлежащим образом подготовлен. *Понятие подготовленности к поиску источников* включает в себя следующие элементы:

- Четкое представление об общей системе научной информации и о тех возможностях, которое дает исследователю использование информационных возможностей источников;
- Знание всех возможных мест сосредоточения источниковой информации;
- Умение выбирать наиболее рациональную схему поиска соответственно его задачам и условиям;
- Наличие навыков в использовании библиографических и архивных материалов.

При выявлении источников, на основании изучения которых исследователю предстоит осветить тему, знать наперед, какие источники ему понадобятся, невозможно. Вследствие этого нельзя предварительно определить тот круг источников, который нужно изучить. Вот почему приходится учитывать все факты, которые имеют отношение к интересующему исследователя вопросу. Только на их основе можно установить какие-либо закономерности. Поэтому необходимо привлекать все без исключения источники по избранной теме, которые доступны исследователю при современном состоянии библиотечной, архивной и музейной практики. Чем изучаемые источники будут многочисленнее, и чем более они будут независимыми друг от друга, тем меньше будет риск ошибки исследователя.

Конечно, определенные источники могут очутиться вне поля зрения исследователя. О существовании одних из них можно не знать. Другие могли находиться в недоступных исследователю хранилищах. Третьи могли быть обнаружены после завершения им своей работы.

В этом случае всегда можно будет высказать предположение, что именно в таких источниках могли находиться какие-нибудь детали или подробности, которые до сих пор не уточнены, но которые могли бы способствовать решению проблемы. Иногда даже выводы из работы исследователя могли бы быть в связи с этим совершенно иными.

Как только историк изучит эти не учтенные им ранее источники, он должен установить, соответствуют ли содержавшиеся в них сведения его выводам. Если это не так, исследователю придется исправить свои построения. Было бы наивным ограничиваться только одними источниками, не принимая во внимание исследования своих предшественников по изучаемой теме, под тем предлогом, что мы не хотим подвергаться чужому влиянию при истолковании привлекаемых нами источников. Очень часто мы будем зависеть от других авторов, в тех частях нашей работы, которые не составляют ее существа. Есть определенные элементы, которые без сопротивления принимаются всеми. Поэтому было бы бессмысленно, – если, конечно, нет для этого обоснованных поводов, – начинать все исследовать сначала. Особенно это относится к описаниям биографий исторических персонажей, их творчества и т. д.

Если же нам удается пересмотреть сложившиеся по данной теме

точки зрения, взгляды, это можно делать только тогда, если есть уверенность в том, что нами использованы все доступные источники. Само собой разумеется, что мы должны указывать в тексте своего исследования те моменты, в которых мы зависим от других, отделяя это таким образом от того, что является результатом нашей исследовательской работы.

В ходе поиска источников приходится определять его хронологические пределы. При этом устанавливаются основные учреждения, организации, предприятия, лица, в изданиях и архивах которых приходится вести поиск необходимых источников.

2.2.1. Библиографическая эвристика

Множественность печатных изданий создает для их поиска и использования более благоприятные условия, чем для сбора и использования архивных источников.

Чтобы не «открывать» уже известные источники, исследователям, необходимо их искать, начиная с выявления всех опубликованных материалов по теме исследования. Это делается, несмотря на то, что большинство письменных источников дошло до нас в виде рукописей. Оно хранится в архивах, рукописных собраниях библиотек, фондах музеев, у частных лиц. Только небольшая часть таких источников издана.

Труд исследователя облегчает использование опубликованных источников, которые находятся в архивах, недоступных исследователю, в первую очередь, иногородних, зарубежных, частных, в фондах архивов и музеев, закрытых для читателя по каким-либо мотивам, или недоступных в силу того, что они были уничтожены, так и не будучи своевременно опубликованными. Многие из таких источников историк мог бы упустить из виду в связи с неполнотой или отсутствием изданных каталогов библиотек и музеев. Изданный источник остается жить, тогда, как неизданные рукописи часто бесследно гибнут. «Рукописи горят», вопреки противоположному утверждению известного булгаковского персонажа.

Благодаря публикациям источников исследователь обнаруживает их с большей легкостью, чем в архивах и тем самым экономит свое время. Публикаторы источников облегчили его работу. Они выявили, отобрали и передали текст источника по современным правилам

издания, а также дополнили публикуемый текст своим предисловием, пояснениями и указателями, чтобы последующие исследователи пользовались ими.

Издания источников многообразны. Для ориентации в них нужно иметь в виду, что существуют первичные и вторичные издания источников. Первичные издания содержат сами источники, вторичные - информацию о них.

К первичным изданиям источников относятся:

- *непериодические публикации источников*, например, издания: «Белорусский архив древних грамот (1507-1768 гг.)» (1824), «Писцовая книга Пинского и Клецкого княжества, составленная старостою Станиславом Хвальчевским в 1552-1555 гг.» (1884), «Полоцкая ревизия 1552 года» (1905), «Полоцкие грамоты» и др.;
- *периодические публикации источников*, например: Радзівіл, А.С. Дыярыюш аб падзеях у Польшчы (Спадчына. - 1996);
- *продолжающиеся издания публикаций источников*, например: «Акты, издаваемые Виленскою комиссией для разбора древних актов» (1865-1915), «Беларускі архіў» (1927-1930) и др.

Во вторичных изданиях содержатся результаты аналитико-синтетической и логической переработки первичных изданий. Среди них различают:

- *информационные издания* (сигнальная информация, например, извещение о предстоящем переиздании комплекта газеты «Наша ніва»), реферативные журналы с краткими рефератами публикаций источников, экспресс-информация с расширенными рефератами публикаций источников, обзоры: рефративные и аналитические, в которых дается представление о состоянии и развитии определенной проблемы);
- *справочная литература*, (например, энциклопедии – общие и отраслевые, другие справочные издания, словари – энциклопедические, тематические, этимологические, толковые, терминологические, двуязычные, многоязычные и др.);
- *библиографические пособия (*непериодические, периодические, продолжающиеся).

Библиографическим пособием называют упорядоченное множество библиографических описаний, объединенных по какому-нибудь принципу. Различают следующие библиографические пособия: библиографический список (приложение к книге или статье списка

библиографических описаний), библиографический указатель (пособие с вспомогательными указателями, предисловием, оглавлением, нередко в виде отдельного издания), библиографический обзор (повествование об источниках по определенной теме) и др.

По своему назначению *библиографические пособия* могут носить учетно-регистрационный характер (например, «Кніга Беларусі. 1517-1917. Вводны каталог» (Мінск, 1986). В таких изданиях учтена выпущенная печатная продукция. Пособия могут быть научно-вспомогательными, рассчитанными на научных работников (например: Крэканэ М.Г., Сакольчык А.А. Бібліяграфія па гісторыі Беларусі. Феадалізм і капіталізм. Мінск, 1969), и рекомендательными, пропагандирующими знание среди менее подготовленных кругов населения (например: Ціток У.А., Ігнаценка А.П., Шапчыц Я.І. Гісторыя БССР. Тэматычны паказальнік савецкай літаратуры (1945-1958 гг.). Мінск, 1959.)

Рекомендательные указатели включают в себя книги и статьи, с учетом степени подготовленности читателя. Поэтому обычно рекомендуются такие пособия студентам, затем они постепенно переходят к научно-вспомогательным библиографическим пособиям.

Исследователю приходится иметь дело с *персональной библиографией*, в цели которой входит освещение творчества одного лица и литературы о нем. Например, Белорусский университет культуры выпустил в серии «Дзеячы навукі і культуры Беларусі» библиографические указатели, посвященные гуманитариям: Николаю Гринчику (Мн., 1993), историку Анатолию Грицкевичу (Мн., 1994), Юлии Чурко (Мн., 1998), Василию Лявончикову (М.,1998), Лилии Дзямешка (Мн.1998).

Исследователю приходится иметь дело с *краеведческой* библиографией, которая освещает литературу о конкретной местности, области, городе (например, Пракулевіч У. Бібліяграфія Мазыршчыны // Наш край, 1928, № 8-9), (Пенкина З.М.). Полесье. Библиографические материалы по истории, географии, статистике, этнографии и экономическому состоянию Полесья. СПб., 1883). Существует и *страноведческая* библиография – об отдельной стране.

При изучении опубликованных источников необходимо учитывать, что при издании источников (чем занимается раздел специальной исторической дисциплины археографии – издательская археография) возможны искажения и сокращения издаваемых текстов.

Нередко доверие к напечатанному тексту источника может быть опасно.

Историк Н.Н. Улащик провел анализ изданий старых белорусских документов в дореволюционных изданиях. Он отметил, что в этих изданиях систематически нарушались правила передачи некоторых букв подлинников. Так, буква «ять» в оригинальных текстах произвольно заменялась недостаточно подготовленными публикаторами на букву «е», отчего уяснить, как это было в оригинале, невозможно. Кроме замены букв, были преднамеренные или случайные искажения при передаче выражений и слов, например, в одном месте было напечатано вместо «с данью ведомой» (то есть «известной») «с данью медовой».

Нужно учитывать, что иногда одни и те же документы издавались в различных изданиях, как например, грамота Витовта на Скойстерских «ловах» 1387 г. или дарственная грамота на основание при Заблудовском братстве шпиталя (богадельни с функциями больницы для хронических больных) в 1660-е гг.

При использовании публикаций источников следует учитывать, что они чаще всего готовились к печати представителями официальной историографии. Для нее характерна ограниченность тематики, подчиненность ее политическим задачам заказчика и тенденциозность в подборе материала. Эту тенденциозность наглядно продемонстрировал Н.Н. Улащик на примере дореволюционных изданий источников по истории Беларуси и Литвы после подавления там национально-освободительного восстания 1863 года. В этих изданиях Виленской археографической комиссии и Витебского центрального архива, в первую очередь, публиковались источники, утверждающие наличие в этих странах православных церквей и монастырей, что должно было доказать по замыслу инициаторов изданий «искони русский» (в смысле «российский») характер этих территорий.

В этих изданиях («Акты, издаваемые Виленской комиссией», «Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси» (1867-1904), «Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске» (1871-1906) и содержащих ценные источники, помещались источники о «своеволии, насилиях, грабежах, разбоях по дорогам и разного рода

истязаниях, произведенных буйною шляхтою». Задачей публикаторов после подавления восстания, активную роль, в котором играла мелкая белорусская и литовская шляхта, было доказать то, что шляхта вся, без исключения, представляла собой извечно анархический, разбойный элемент. При этом сознательно упускалось из виду, что сведения о созидательной работе этого сословия в области экономики и культуры изначально попасть не могли в актовые книги судов, в которых рассматривались исключительно уголовные дела.

Документы одного из томов этих изданий должны были, по мнению его составителя Ю.Ф. Крачковского, указать, «что все сделанное великой императрицей (Екатериной II) для Западного края (как назывались тогда официально Беларусь и Литва) составляет одну из блестящих страниц истории ее славного царствования».

Подобная тенденциозность характерна и для советских публикаций источников, и, даже в большей степени, чем для дореволюционных изданий. Известен факт публикации не существовавших листовок и документов Венгерской коммунистический партии, находившейся в подполье при режиме регента М. Хорти, с целью преувеличить ее значение в общественном движении страны.

В советский период выходили в свет не всегда совершенные в издательском отношении сборники источников по истории Беларуси. В этих сборниках часто перепечатывались источники из тенденциозно подобранных сборников документов Виленской археографической комиссии и Витебского архива с целью доказательства постоянно действующего в историческом процессе фактора классовой борьбы. Делалась попытка доказать, что каждый бытовой или правовой конфликт между людьми, принадлежавшими к различным сословиям, носил характер классовой борьбы, даже там, где этого не было. С конца 1940-х гг. после издания в восьмом номере журнала «Большевік Беларусі» в 1948 г. «Тэзісаў аб асноўных пытаннях гісторыі Беларусі» коллектива авторов под руководством К.И. Шабуни в таких публикациях повторялись дореволюционные схемы анализа национально-религиозных отношений в Беларуси, согласно которым православная церковь в стране на протяжении всего феодального периода рассматривалась как национальная церковь, хотя согласно источникам, взятым в их совокупности, это действительности не соответствовало.

Наиболее характерны эти тенденции для следующих изданий источников: Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах. Мн., 1936. Т.1. Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі. Мн., 1940. Т.2, 1953. Т.3, Белоруссия в эпоху феодализма: Сборник документов и материалов. Мн., 1959. Сост. З.Ю.Копысский; Т.1; Мн., 1960. Т.2. Сост. А.И. Азаров; Мн., 1961. Т.3. Сост. В.В. Чепко; Мн., 1979. Т.4. Сост. З.Ю.Копысский.

В этих изданиях широко применялась публикация отдельных отрывков из источников вне их контекста. Это нередко меняло смысл источника в угоду составителю сборника. Уровень публикации источников не всегда соответствовал требованиям археографической ее подготовки.

В Беларуси издавались сборники источников преимущественно по экономической истории страны (Инвентари магнатских владений Белоруссии XVII - XVIII вв. Владение Сморгонь. Мн., 1977; Владение Тимковичи. Мн., 1982, сост. П.Г. Козловский), о социально-политической борьбе народных масс (Революционное движение в Белоруссии. 1907–1917 гг. Документы и материалы. Мн., 1987, Социально-политическая борьба народных масс Белоруссии. Сб. документов и материалов. Мн., 1988. Т.1, Сост. З.Ю.Копысский; и др.) о русско-белорусских связях, в которых замалчивались известные исследователям источники по массовой миграции русских в Беларусь, но выпячивались и освещались только переселения белорусов в Россию, причем не приводились документы о насильственном их переселении туда (Русско-белорусские связи во второй половине XVII в. (1667-1686 гг.) Сборник документов. Мн., 1972. Сост. Л.С. Абецедарский; Русско-белорусские связи. Сборник документов (1570-1667 гг.). Мн., 1963. Сост. А.П. Игнатенко).

Источники же по более раннему периоду истории Беларуси, в которых труднее найти доказательства классовой борьбы и переселениям из Беларуси в Московское государство, в Беларуси не издавались. Их издавали в Москве: Н.Н. Улащик (Полное собрание русских летописей. Т 32. Хроники: Литовская и жмойтская и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. М., 1975. и Т. 35. Летописи белорусско-литовские. М., 1980) и А.Л. Хорошкевич (Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. М., 1977 - 1980. Т. 1-5, Т. 6 «Указатели».

Аналогичное отношение складывалось в Беларуси к освещению

восстания 1863 г. в публикациях источников. Публикации источников по этой теме вышли в свет не в Минске, а в Москве к столетию восстания (Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861-1862 гг. Сборник документов. М. ,1964; Восстание в Литве и Белоруссии. 1863-1864 гг. М., 1965). И только в 1988 г. был выпущен сборник «К. Калиновский. Из печатного и рукописного наследия» (Мн., 1988. Сост. В. Шалькевич).

Все сказанное предполагает критический подход исследователя при использовании источников, издаваемых с определенными целями. Тем не менее, не следует забывать сказанных выдающимся белорусским историком и издателем источников Н.Н. Улащиком слов: «Изданный самым примитивным способом источник остается жить, тогда, как неизданные рукописи часто погибают без следа».

2.2.2.а. Историческая библиография

При поиске опубликованных источников исследователю помогает опыт *исторической библиографии* - вспомогательной исторической дисциплины и, одновременно отрасли библиографии, предметом которой является разработка приемов и методов поиска, библиографического описания, целевого отбора, научной систематизации источников и литературы и передачи полученной информации исследователю.

Поиск источников осложняет недостаточная разработанность и выделенность *библиографии исторических источников* внутри исторический только специальная библиография источников может обеспечить выполнение одной из наиболее важных функций исторической библиографии – источниковедческой. Функция эта проявляется в том, что библиография источников дает возможность изучить их в общей совокупности и исследовать историю публикаций текстов источников с применением при этом источниковедческих методов. Библиографические пособия, отражающие как источники, так и исследования, то есть общеисторические библиографии, посвященные отдельным сторонам исторического процесса, равно как и историко-краеведческие библиографии, выполнить указанную функцию не могут.

Библиография исторических источников представляет собой более совершенный, чем другие библиографии, вид исторической

библиографии.

2.2.2.б. Методы библиографического поиска

В ходе библиографического поиска используются *сплошной и выборочный* методы. При сплошном методе просматриваются все издания, в которых могут быть найдены сведения об интересующих нас источниках. Этот способ слишком трудоемок. Он требует огромных затрат времени. Тем более, что бессистемный сплошной поиск изданий гарантии полноты результатов не дает.

Более целесообразен выборочный метод. При нем учитывается определенная подчиненность библиографических пособий по степени их полноты и сложности. Все они связаны друг с другом определенным образом, поскольку существует определенная система соотношений библиографических указателей и каталогов. Поэтому вернее будет говорить не о выборе библиографических пособий, а о последовательности, в которой должен идти поиск информации, в которых она заключена.

Цели и условия поиска источников в библиографических пособиях различны. Единой схемы этого поиска нет. В одних случаях требуется получить полный перечень изданных источников по теме. В других – лишь наиболее поздние или основные публикации источников. Для одних работ необходимо изучить сами источники. Для других достаточно иметь их перечень, содержащийся в информационных изданиях (сигнальная информация, реферативные журналы, экспресс-информация, печатные карточки, реферативные или аналитические обзоры источников), справочной литературы (энциклопедии, другие справочные издания, словари), каталогах и картотеках, библиографических изданиях.

Подход к поиску источников может зависеть и от того, в какой последовательности ее предполагается изучать. Можно делать это в прямой хронологической последовательности, а можно в обратной хронологической последовательности, когда вначале знакомятся с новейшими изданиями публикаций источников, и только потом переходят к более старым по времени публикациям. В каждом случае будут совершенно различным и сам перечень библиографических материалов, и последовательность обращения к ним.

При ориентации в библиотечных каталогах и картотеках и

библиографических указателях может быть составлена схема поиска опубликованных источников. Здесь предлагается один из возможных вариантов подобного поиска.

2.2.2.в. Просмотр книжной и пристатейной библиографии

Первоначально просматриваются книги и статьи – вначале из сборников и журналов, имеющихся в личной библиотеке исследователя. Затем переходят к поиску в других библиотеках: библиотеке своего учреждения, городской, национальной. В этих изданиях в тексте, сносках и списках использованных источников и исследований имеются сведения об авторах, названиях месте и годе издания интересующих исследователя источников и других печатных изданий.

Для подобного поиска используются рецензии, вступительные статьи, историографические, источниковедческие, археографические введения, статьи и комментарии к опубликованным источникам, указатели литературы в подобных комментариях.

При чтении указанных текстов, из них выписываются названия необходимых источников и исследований, в которых такие источники могут описываться или только упоминаться.

Прикнижный список источников представляет собой перечень использованных автором книги источников, а *пристатейный список* – такой же список, использованный автором статьи.

Образцом прикнижного списка может служить «Библиографический список основных трудов сотрудников Института истории Академии Наук Беларуси (1929-1991 гг.)» в книге «Институт истории Академии Наук Беларуси. Краткий очерк» (составители Г.В. Корзенко, М.П. Костюк, М.К. Кошелев и др. Минск, 1992). Хотя в списке не указаны место издания, издательство и количество страниц перечисленных там изданий, однако из перечня изданий наглядно виден характер научной продукции Института за 62 года его существования. Перечисленные в списке исследования могут служить источниками для историков исторической науки Беларуси, поскольку характеризуют направление деятельности Института.

Прикнижные и пристатейные списки источников обладают и недостатками, и преимуществами. Содержащиеся в каждой книге сведения об источниках могут устареть за те три-четыре года, которые

пошли на ее подготовку и издание. Статья в научном журнале и сборнике статей более оперативно отражает состояние источников по теме. Однако тематика журнала (сборника статей) бывает гораздо шире, чем конкретные интересы исследователя, ведущего библиографический поиск. Материалы по теме поиска всегда рассредоточены по большому количеству журналов и сборников статей.

Наряду с этим прикнижные и пристатейные списки дают более оперативные сведения, чем фундаментальные указатели. Даже в текущих библиографических указателях, информирующих о новых изданиях по специальности, сведения о вышедших изданиях опаздывают на два-три года. В ретроспективных указателях они отражают издания по определенной теме, изданные за какой-то конкретный период. Граница завершения учета изданий с каждым годом отодвигается, и в таком указателе приводятся сведения о вчерашнем дне состояния изучения той или иной проблемы. Из новой же статьи в журнале, сборнике или из новой книги можно сразу же получить необходимую информацию.

Эти списки обычно составляет специалист, который изучал источники. Субъективность его выбора дополняется и исправляется списками в других статьях и книгах.

2.2.2.г. Поиск в каталогах и картотеках

Получив исходные данные о необходимых источниках по теме, исследователь обращается в *каталоги* и *картотеки* библиотеки. В выявленных печатных изданиях снова и снова обследуется прикнижная и пристатейная библиография. Определяется основной перечень источников по теме, имеющийся в доступной библиотеке. В каждой библиотеке имеется справочно-библиографический отдел, а в нем каталоги и картотеки.

Каталог – это перечень источников и исследований, находящихся в фонде данной библиотеки. Существуют каталоги карточного типа и машинописные и рукописные каталоги (книжного типа).

Картотека – это нанесенный на отдельные карточки перечень изданий, выявленных по определенной тематике.

Картотек и каталогов, как правило, бывает несколько. Вместе они

составляют систему, в которой отдельные каталоги и картотеки взаимно дополняют друг друга.

На карточки картотек и карточных каталогов соответственно правилам *библиографического описания* помещены сведения об авторе, названии, месте издательстве, годе издания публикации источника и количество страниц публикации. Библиографическое описание содержит краткую информацию о печатном издании или его составной части, расположенную в строго установленном порядке. При описании монографического издания указываются: фамилия и инициалы автора (или двух-трех авторов), заглавие согласно титульному листу, а не обложке, на которой сведения бывают сокращенными. Если есть подзаголовочные данные, уточняющие заголовок, они тоже приводятся.

Если издание коллективное, а авторов больше трех, указывается, под чьей редакцией оно вышло. После этого приводятся так называемые выходные данные: место издания полностью (только для столицы или для другого крупного города приводятся сокращенные данные).

После указания места издания приводится название издательства (можно без кавычек), год издания, количество страниц в книге, а если есть название издательской серии и номер издания, то и эти сведения.

Если в сведениях об издании нет упоминания о месте издания, указывается: «Б. м.» (без места), если нет названия издательства – «Б. и.» (без издательства), если нет указания года, делается отметка «Б. г.» (без года).

При описании статьи из журнала приводятся следующие сведения: фамилия и инициалы автора (авторов), название статьи, название журнала (без кавычек), год, том и номер журнала, страницы, на которых статья помещена.

При описании статьи из сборника указываются фамилия и инициалы автора (авторов), название статьи, название сборника, место издания, название издательства, год, номер выпуска, страницы, на которых помещена статья.

На *библиографической карточке* с описанием книги или статьи в левом верхнем углу указывается шифр, под которым книга, сборник или журнал хранятся в библиотеке. Шифр дает возможность отыскать в фонде данное печатное издание.

В системе каталогов видное место занимает *алфавитный*

каталог. В нем содержится перечень книг, имеющихся в библиотеке, в алфавитном порядке на национальном языке данной страны и на других языках, если их графика различная. Если графики этих языков совпадает, существует единый алфавитный каталог, если же не совпадает, то алфавитных каталогов два: и гражданской, и латинской графикой.

В алфавитном каталоге можно выяснить, есть ли в данной библиотеке конкретные произведения, известные исследователю по фамилии и инициалам автора, а для книг без указания автора или составленных коллективно, по их заглавию.

Карточки алфавитного каталога размещены по первому слову библиографического описания книги: фамилии автора или названию книги, не имеющей автора. Если у книги два или три автора, ее можно обнаружить под фамилией каждого из них. Если же это сборник статей нескольких авторов, которых больше трех, то книгу следует искать в алфавитном каталоге по первому слову ее названия.

«Труды», «Записки» и другие коллективные продолжающиеся издания («Бюллетени», «Известия» и др.) научных учреждений, обществ, учебных заведений собраны в алфавитном каталога под названиями данных учреждений и нередко соединяются с алфавитным журнальным каталогом, в котором журналы размещены под своими названиями.

Если первые слова книг, не имеющих автора, совпадают, карточки расставляют по второму слову, при совпадении вторых слов – по третьему и т. д. Карточки авторов-однофамильцев расставляются по алфавиту их инициалов, а авторов, имеющих одинаковые имена, по отчеству.

Карточки каталога разделяются карточками с выступающими над общим уровнем частями – *разделителями.* На разделителях алфавитного каталога указываются буквы алфавита, фамилии наиболее известных авторов, названия учреждений, от имени которых выходят издания. В отдельных каталогах (например, в Генеральном авторском каталоге Российской Национальной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина в Петербурге) на разделителях перед именами многих авторов указаны их специальность, даты жизни. В таких каталогах помещают карточки на юбилейные издания в их честь, на некрологи, на биобиблиографические указатели и т. д. под рубрикой «О нем», рецензии на работы автора.

Если исследователю неизвестны автор нужного ему издания, название сборника, номер журнала, в которых необходимый источник помещен, ему следует обратиться к *систематическому каталогу*, карточки в котором размещены в логическом порядке по отдельным отраслям знаний. В систематическом каталоге карточки распределены по соответствующим разделам согласно схеме библиографической классификации данной науки.

Последовательность расположения карточек систематического каталога соответствует *Универсальной десятичной классификации* (УДК) или Библиотечно-библиографической классификации (ББК). В основу УДК положен *десятичный принцип*. В соответствии с этим вся совокупность знаний разделена на десять отделов. Каждый из них состоит из десяти подотделов, те в свою очередь на десять подразделений и т. д. Каждое новое понятие получает свой цифровой индекс. История, география, библиографические материалы имеют цифру основного отдела «9».

В ББК науки располагаются в последовательности, объективно присущей явлениям внешнего мира. История помечена в ней буквой «Т».

Каждая отрасль знаний имеет свое условное обозначение – индекс, позволяющий ориентироваться в схеме. Отделы, подотделы и другие рубрики располагаются от общего к частному.

Внутри рубрик (названия которых, как и отделов и подотделов, пишутся на выступающих частях карточек-разделителей) карточки располагаются либо в порядке алфавита фамилий авторов или названия изданий, либо по году издания. В последнем случае впереди помещаются издания, вышедшие в более поздние сроки.

В состав справочного аппарата систематического каталога входят ссылочные, отсылочные, справочные карточки и алфавитно-предметный указатель. Пользуясь таким указателем, можно найти индекс нужного подраздела.

Ссылочные карточки указывают, в каком месте еще находится литература по близкому или смежному вопросу. Обозначаются они словами: «См. (смотри) также» и пишутся на разделителе того индекса, к которому относятся. Отсылочные карточки с пометкой «См.» указывают, в каком отделе находится литература по интересующему исследователя вопросу.

Предметный каталог группирует издания по их содержанию, но

объединяет их, в отличие от систематического каталога, едиными рубриками вне зависимости от того, с каких позиций они изложены. В предметном каталоге карточки с библиографическим описанием издания группируются по так называемым предметным рубрикам в соответствии с «Рубрикаторами», имеющимися по всем отраслям знания. Поэтому в предметном каталоге находятся в одном месте такие материалы, которые в систематическом каталоге размещены в различных ящиках.

Рубрики предметного каталога расставлены в алфавитном порядке. В одном алфавитном ряду помещаются предметы, логически между собой не связанные. И в этом каталоге видное место принадлежит ссылочно-справочному аппарату. Он также состоит из ссылочных, отсылочных и справочных карточек.

Существуют и другие – вспомогательные каталоги и картотеки. Их структура чрезвычайно разнообразна. Так, в Хабаровской краевой библиотеке имеется краеведческая картотека изданий и статей в прессе о лицах, деятельность которых была связана с Дальним Востоком. В библиотеке Военно-медицинского музея в Санкт-Петербурге имеется персональная картотека изданий и статей о деятелях медицины России и зарубежья.

В Отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук (Санкт-Петербург) имеются картотеки авторов книг и статей, написанных на русском языке (картотека С.А. Венгерова), картотеки Б.Л. Модзалевского, Л.Б. Модзалевского и В.И. Саитова с указаниями биобиблиографических и генеалогических сведений о лицах, имена которых встречались в просмотренной этими исследователями литературе, центральной и частично местной прессе Российской империи. Сюда включались даже объявления с упоминаниями этих лиц, некрологи и тому подобные тексты.

При отсутствии в библиотеке конкретного требуемого читателем издания, библиотека может выписать его на короткий срок по *межбиблиотечному абонементу* из других отечественных и зарубежных библиотек. Сегодня с этой же целью можно воспользоваться *глобальной компьютерной сетью Internet.*

2.2.2.д. Библиографические указатели

Исследователю приходится работать не только с каталогами и картотеками, но и с библиографическими указателями и другой справочной литературой.

Такие указатели и справочная литература собраны в справочно-библиографческих отделах библиотек. В этих изданиях можно нередко найти ответы на вопросы, возникающие при подборе источников, уточнить фамилии, имена, даты жизни авторов и названия произведений. Специально составленные библиографические указатели источников и исследований охватывают вопросы всемирной истории в целом, по отдельным ее периодам, истории отдельных регионов, стран, местностей, отдельных событий и проблем, отдельным отраслям науки.

Получило развитие издание указателей по специальным историческим дисциплинам, по истории исторической науки, библиографии трудов отдельных историков, указатели содержания исторических журналов, изданий исторических научных обществ и учреждений. Издаются и отдельные библиографии источников: общего характера, отдельных тем, периодов, отдельных видов источников. Однако знать о существовании указателя, который может заинтересовать исследователя, недостаточно. Необходимо суметь извлечь из него нужную информацию, разыскать требующиеся источники и исследования.

Ознакомление с указателем начинается с внимательного прочтения заглавия указателя, в котором определена тема, по которой в нем собраны источники и исследования. Определяется, насколько они соответствуют теме, избранной исследователем. Уточняются хронологические пределы периода, которому посвящен указатель.

Затем *прочитывается введение*, в котором отмечено, как подбирались в указателе библиографические единицы: по территориальному ли, по языковому ли принципу. *Устанавливается, какие изучены библиографические источники*, например, включались ли в указатель статьи из сборников, диссертации, авторефераты диссертаций, депонированные работы (то есть машинописные или набранные на компьютере работы, переданные на хранение в институты научной информации и приравненные этим самым к публикациям). Если какие-то работы не включены в данный указатель, следует искать их в других справочных изданиях.

Приходится внимательно изучать *оглавление указателя*, иначе

можно пропустить небесполезные материалы. Следует избегать ограничения работы с указателем просмотром только того раздела, который непосредственно соответствует теме. При таком просмотре могут быть не учтены ценные источники и исследования.

Следует тщательно изучить *список* принятых в указателе *сокращений.* Это позволит раскрыть полное название издания, в котором помещен источник или исследование. Вспомогательные перечни (алфавитный, географический, предметный) также помогают ориентации исследователя в библиографическом указателе.

Библиографические указатели весьма разнообразны. Есть смысл охарактеризовать основные указатели исторических источников, которые нередко включают в себя и исторические исследования.

Первые библиографические пособия исторической тематики были посвящены всеобщей историй («Историческая библиотека Пауля Болдуана» (1620), «Избранная историческая библиотека» Б.Г. Струве (1705) и истории Франции (А. Дюшена (1627), Ж.Ле Лонга (1719).

В 1910 г. П. Герре издал выборочный указатель источников и исследований по всемирной истории на западноевропейских языках, изданных с начала XIX в. К. Шевалье выпустил в свет охватывающий историю Западной Европы «Репертуар исторических источников по средним векам» (1894-1907). В нем собрано более четырехсот тысяч описаний источников, изданных до 1899 год.

Одним из первых специальных ретроспективных указателей, в котором на ряду с исследованиями, были выделены источники, было пособие К. Вайца и Ф. Дальмана «Источниковедение истории» (1830). Указатель был неоднократно переиздан и дополнен Г. Вайцем (1884). В этом небольшом пособии, рассчитанном на преподавателя истории, источники и литература тщательно отобраны. Указатель вызвал подражание в других странах.

Многотомная серия «Источников по истории Франции», охватывающая историю страны по 1815 г. была издана в 1901-1935гг. Аналогичные многотомные издания источников выходили в Великобритании, США и других странах. В числе русских указателей публикаций источников сохранили свое значение отдельные дореволюционные обзоры. В 1958 г. вышла ценная работа 0.Н. Шведовой «Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий» (Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958).

Немало полезных сведений можно извлечь из публикаций

дневников и воспоминаний современников описываемых событий. Библиография этих источников приводится в работе «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах». Научное руководство П.А. Зайончковского (М., 1976-1985. Т.1-5).

Общего указателя по истории источников Беларуси нет. Заслуживает внимания раздел в «Бібліяграфіі па гісторыі Беларусі: феадалізм і капіталізм» М.Г. Крэканэ і А.А. Сакольчыка (Мн., 1969) «Крыніцы па усяму перыяду» (с. 44-55).

Другим важным указателем является каталог «Кніга Беларусі, 1517-1917» (Мн., 1986), который включает в себя: кириллические книги XVI – XVIII вв., вышедшие на территории современной Республики Беларусь, в Вильне, Евье, Заблудове, Супрасли, пражские издания Франциска Скорины; книги и периодику XIX – начала XX вв. на белорусском языке независимо от места издания; русские книги гражданской печати, которые были изданы в Беларуси в 1777-1917 гг. Продукция белорусских типографов XVII в., которые работали в Киеве и Львове, отражена в каталоге Я. Запаски и Я. Исаевича «Памятки книжного мистецтва: Каталог стародруків, виданих на Україні 1574-1800» (Львів, 1981-1984. Кн.1-2). С 1979 г. в Москве издается «Сводный каталог и описание старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов» (вышли выпуски типографий Ш. Фиоля в Кракове, Несвижской, В. Тяпинского, Н. Тарасиева и Н. Тимофеева в Москве).

В Вильнюсе в 1976 г. вышел каталог изданий Виленской академической типографии (Cepiene K., Petrauskiene I. Vilniaus akademijos spaustuves leidiniai 1576-1805: Bibliografija. Vilnius, 1976). Там же были изданы «Каталог пергаментов» Центральной библиотеки Академии наук Литвы с 1187 по 1935 гг., составленный Р. Ясасом в 1980 г (Pergamentu katalogas. Vilnius, 1980.).

Сведения о книгах, выходивших на территории всей Речи Посполитой, в том числе и в Великом княжестве Литовском, в XV – XIX вв., учитывались в изданиях в 38 томах в 4 сериях, выпущенных династией библиографов К., С. и С. Эстрайхеров. Здесь указываются издания на польском и других языках, которые выходили в пределах Речи Посполитой. Учтены также книги, касавшиеся этих территорий и их жителей.

Источники и литературу по истории Беларуси на иностранных

языках приводит М.А. Василевская в серии изданий: «Белоруссия в печати XVI столетия» (Мн., 1985.-48 с.), «Белоруссия в печати XVII столетия» (Мн., 1986. - 84 с.), «Белоруссия в печати XVIII столетия» (Мн., 1985. 288 с.), «Белоруссия в печати XIX – начала XX ст.» (Мн., 1980. Ч.1. - 408 с.; Мн., 1983. Ч.2. - 418 с.), «Белоруссия в печати 1917-1939 гг.» (Мн., 1990. - Ч.1-2) и др. Определенную ценность имеет библиографический указатель Н. Вакара: Vakar N.P. A bibliographical guide to Belorussia. Cambridge (Mas 1956).

Ценными изданиями источников по истории Беларуси XX века являются антологии «Беларуская дзяржаўнасць», изданная В. и З. Кипелями в Нью-Йорке на английском языке в 1988 г. и «Беларуская думка XX стагоддзя. Філасофія, рэлігія, культура» на белорусском языке (Варшава, 1998, укладанне Ю. Гарбінскага). Некоторые другие издания источников по истории Беларуси перечислены в статье: Антонаў В.В. Бібліяграфія гістарычная (Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мінск, 1994. - Т.2. - С.34).

Интересным пособием по источникам истории исторической науки Белорусской ССР является указатель: Михнюк В.Н., Новицкая Л.Н. Докторские и кандидатские диссертации по историческим наукам БССР. 1944-1982 Библиографический указатель. Минск: Институт истории АН БССР, 1982 (есть второе издание 1988 г., учитывающее диссертации по 1987). В этом издании представлен перечень диссертационных исследований по истории Беларуси за сорок лет.

Указания на опубликованные источники можно найти и в учетно-регистрационных текущих библиографиях, типа «Летапіс друку Беларусі», (выходит с 1924 г.), Бюллетеня «Новыя кнігі Беларусі» (с 1960 г.), «Новая літаратура па гісторыі і гістарычных навуках Беларусі» (с 1990 г.).

2.2.2.е. Библиография библиографий

Библиографические справочники по отдельным периодам истории, проблемам, темам и вопросам многочисленны и разнообразны. Ориентироваться в них помогают *библиографии библиографий* (или библиографические пособия второй степени).

Обычно все поиски источников следует начинать именно с библиографии библиографий. К сожалению, библиографии библиографий по истории Беларуси нет. Поэтому приходится

обращаться к общим библиографиям библиографий Беларуси, а также России и Польши, в которых отражена белорусская тематика.

Полезным библиографическим изданием может служить книга «История СССР: Аннотированный указатель библиографических пособий, опубликованных на русском языке с начала XIX в. по 1982 г.» (М., 1983-1984 - Ч.1-2. - 230, 208 с.). Кроме отдельно изданных указателей, в это издание включены внутрикнижные списки литературы и историографические обзоры, содержащие значительную библиографическую информацию. Указателям изданий источников посвящен четвертый раздел книги.

Интерес могут представить следующие работы:

Масанов Ю.И., Ниткина Н.В., Титова З.Д. Указатели содержания русских журналов и продолжающихся изданий. 1755-1970 гг. М., 1975;

Андреева Н.Ф., Машкова М.В. Русская периодическая печать. (Общие и отраслевые библиографические указатели. 1703-1975). Аннотированный указатель. М., 1977.

Существуют библиографии библиографий по зарубежной истории: Почепко Г.П., Фролова И.И. История зарубежных стран (Европа, Америка, Австралия): Библиография иностранных библиографий. М., 1967; История зарубежных стран: Аннотированный указатель советских библиографических пособий, 1965-1985 гг. Л., 1989.

2.2.2.ж. Справочная литература

Историку необходимо ориентироваться в многочисленных справочных пособиях. В них можно обнаружить необходимые сведения, уточнить данные, расшифровать те или иные термины, выражения, понятия, воспользоваться библиографическими сведениями.

В поиске нужных справочных изданий может оказаться полезным указатель «Справочники истории дореволюционной России» под редакцией П.А. Зайончковского (2-е изд.: М., 1978). В этом издании перечислено более пяти тысяч русских справочников – от энциклопедий и словарей общего характера до ведомственных изданий о личном составе чиновников различных учреждений и местностей Российской империи, в том числе и Беларуси, списков

населенных пунктов по губерниям, адресных книг городов и т. д. В этом издании отражены справочники по специальным историческим дисциплинам.

2.2.2.з. Энциклопедии

Наиболее общими справочными изданиями, к которым необходимо обращаться в первую очередь, являются энциклопедии. Различают *универсальные* энциклопедии, в которых содержатся сведения по всем отраслям знания, и *специальные* или *отраслевые* энциклопедии, в которых дается более подробная информация по отдельным отраслям.

Историку приходится обращаться к энциклопедиям и энциклопедическим словарям. Обычно энциклопедии представляют собой многотомные издания, энциклопедические словари более кратки (исключение составляют «Энциклопедические словари» издательства Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон (СПб., 82 основных и 4 дополнительных полутома) и издательства Гранат, которые являются типичными энциклопедиями.

В 1969-1975 гг. свет увидела первая универсальная «Беларуская Савецкая Энцыклапедыя». Однако информация об истории Беларуси дана была там неполно и весьма тенденциозно, равно как и в тематических томах изданий «Беларуская ССР. Кароткая энцыклапедыя» (Мн., 1978. Т.1. Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад.(...), и: Мн., 1981. Т.5. Біяграфічны даведнік).

С 1996 г. стала выпускаться «Беларуская энцыклапедыя», в первых томах которой нередко повторяются ошибки и недочеты первого ее советского издания. Более удачен, хотя и, естественно более краток однотомный энциклопедический справочник «Беларусь», (Мн., 1995).

Белорусская историческая тематика частично освещена в русских энциклопедиях; в том числе в упомянутом выше «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, «Энциклопедическом словаре» товарищества Гранат (7-е изд. тт. 1-58, не был выпущен 57 том, 1901-1948), «Большой советской энциклопедии» (1-е изд. М., 1926-1947. Т.165; 2-е изд. М., 1950-1958. Т.1-51; 3-е изд. М., 1969-1978. т.1-30). Энциклопедии Брокгауза и Ефрона и Товарищества Гранат содержат больше, чем советские энциклопедии, материалов по истории до XX

века. В словаре Товарищества Гранат есть интересные текстовые прибавления в виде биографических словарей.

Сведения о русских энциклопедиях приведены в книге Кауфман И.М. Русские энциклопедии. М., 1960, Вып.1. Общие энциклопедии.

Необходимо использовать энциклопедии тех стран, выходцы из которых работали в Беларуси, или тех в которых работали выходцы из Беларуси. Среди них необходимо назвать «Британскую энциклопедию», «Американскую энциклопедию», французско-язычную «Большую энциклопедию Ларусса, немецкоязычные «Энциклопедию Брокгауза» и «Словарь Майера», «Итальянскую энциклопедию», «Универсальную энциклопедию Эспаса», «Польскую энциклопедию», еврейские энциклопедии и др.

Среди специальных или отраслевых энциклопедий историку, в первую очередь, могут пригодиться *исторические энциклопедии*. В них получают отражение сведения о политических, общественных, военных событиях, административно-территориальном делении, состоянии экономики, культуры, науки, техники, а также историко-археологические, этнографические, архитектурные, литературные данные, данные из области искусства.

Первая «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі» стала издаваться в Минске с 1993 г. На русском языке в 1961-1976 гг. вышла «Советская историческая энциклопедия» в 16-ти томах.

Существуют исторические энциклопедии и энциклопедические словари, посвященные и всеобщей истории, и отдельным ее периодам и культурны. В их числе следует назвать:

- Fauly-Wissowa's Real-Encyklopadie der classisehen Altertumswissenschaft. -Stuttgart, 1894-1943. - Bd.l-47;
- Der Kleiner Pauly's Lexikon der Antike. - Stuttgart, 1964-1975. - Bd.l-5;
- Bayer E. Worterbuch zur Geschichte. - Stuttgart, 1965;
- The Oxford Classical Dictionary. - Oxford, 1970;
- Dictionary of the Middle Ages. - N.Y., 1983;
- Dictionary of the Renaissance. - N.Y., 1967; и др.

Изданы энциклопедические словари, посвященные истории отдельных стран. В их числе:

A Dictionary of British History, - L., 1982;

Encilopedia of American History. - 6th ed.- N.Y., 1982; и другие словари (например, Николаев Г.А. Англо-русский исторический

словарь (30 000 имен, названий, терминов. - М.: Прогресс, Лексикон, 1995. - 463 с.).

Зарубежные исторические энциклопедии, а также биографические словари, хронологические таблицы, справочники по геральдике, генеалогии (такие, как «Готский альманах»), топонимике, нумизматике (такие, как: Фенглер, Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. М., 1982) и другим специальным дисциплинам представлены в пособии:

Фролова И.П. Иностранные справочники по истории зарубежных стран Европа, Америка, Австралия; Аннотированный указатель литературы. М., 1976.

В числе других отраслевых энциклопедий и других справочных изданий, содержащих необходимые историку Беларуси сведения, необходимо назвать следующие издания:

- Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. Мн., 1984-1987. Т.1-5;
- Археалогія і нумізматыка Беларусі. Энцыклапедыя. Мн., 1993;
- Этнаграфія Беларусі. Энцыклапедыя. – Мн., 1989;
- Ілюстраваная храналогія гісторыі Беларусі. Мн., 1997. Ч. 1-2;
- Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мн., 1984-1988 (включает в себя тома: «Брэсцкая вобласць». «Віцебская вобласць», «Гомельская вобласць», «Гродненская вобласць», «Магілеўская вобласць, «Мінская вобласць» (кн.1-2), «Мінск»);
- Францыск Скарына і яго час. Энцыклапедычны даведнік. Мн., 1988;
- Статут Вялікага княства Літоўскага. 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі. – Мн., 1989;
- Янка Купала. Энцыклапедычны даведнік. Мн., 1986;
- Архітэктура Беларусі. Энцыклапедычны даведнік. Мн., 1993; и др.

Следует учитывать, что во многих случаях характер одних и тех же статей в энциклопедических изданиях во многом зависит не только от их авторов, но и от редакторов этих изданий.

Поэтому при изучении каких-либо исторических событий, явлений, процессов, биографий необходимо привлекать освещающие их статьи и другие работы в различных изданиях даже одного и того же типа (в данном случае в различных энциклопедических изданиях).

Среди специальных (отраслевых) энциклопедий, которыми

следует пользоваться при изучении прошлого, следует назвать такие русскоязычные издания:

Военная энциклопедия. Издательство И.Д. Сытина. СПб., 1911-1914. Т.1-17. Издание не завершено. В этом издании содержатся сведения о генералах-выходцах из Беларуси на русской службе: Непокойчицком, братьях Комаровых, Ванновском, Рамейко-Гурко, а также о потомках выходцев из Беларуси.

Советская военная энциклопедия. М., 1976-1980. Т.1-8; 2-е издание. М., 1990. Т. 1 (издание не завершено). Здесь есть сведения о военачальниках СССР, которые были родом из Беларуси.

Приходится обращаться и к таким изданиям, как:

- Театральная энциклопедия. М., 1961-1967. Т.1-2;
- Музыкальная энциклопедия. М., 1973-1982. Т.1-6;
- Педагогическая энциклопедия. М., 1964-1968. Т.1-4;
- Философская энциклопедия. М., 1960-1970. Т.1-5;
- Художники народов СССР. Библиографический словарь. М., 1970- (издание не завершено);
- Книговедение. Энциклопедический словарь. М., 1962;
- Кино. Энциклопедический словарь. М., 1986; и др.

Сведения о русских энциклопедиях собраны в книге Кауфман И.М. Русские энциклопедии. М., 1960. Вып.1. Общие энциклопедии.

2.2.2.и. Библиографические словари

Историкам очень часто приходится работать с персональными материалами. В настоящее время в исторической науке все больше стало распространяться стремление показывать портреты участников исторического процесса, следуя от описания жизни человека к описанию событий. Посредством раскрытия внутренних судеб людей можно лучше понять события и эпоху.

Пока что «Белорусский биографический словарь» не составлен и не издан, хотя потребность в нем необычайно велика. Том 5 («Біяграфічны даведнік») издания «Беларуская ССР. Кароткая энцыклапедыя» заменить такой словарь не в силах ввиду своей краткости и неполноты, которая объясняется политическими мотивами его составителей. В некоторой степени этот биографический справочник дополняет приложение 1 «Биографические очерки национального руководства белорусского

движения за государственность» книги В. и З. Кипелей «Беларуская дзяржаўнасць» (Нью Ёрк, 1988).

В сегодняшних условиях для биографических справок о многих уроженцах и деятелях Беларуси приходится обращаться к иноязычным биографическим словарям. Среди них ведущее место занимает польско-язычный «Польский биографический словарь» (Варшава, 1935-1994) (издание доведено до буквы «S»).

В «Польском биографическом словаре» приведены биографические сведения о лицах, чья деятельность связана с Беларусью независимо от того, в каком государстве эта деятельность проходила: в Речи Посполитой, России, СССР или Польше.

Меньше, чем в «Польском биографическом словаре», но все же достаточно сведений имеется в «Русском биографическом словаре» (25 т., СПб., 1896-1918). Издание не было завершено.

Полезная биографическая информация содержится в словарях членов Академий наук, ученых определенных профилей, преподавателей и выпускников высших учебных заведений, в которых обучались выходцы из Беларуси или лица, работавшие в Беларуси или описывавшие Беларусь в своих трудах. Подробные перечни изданных русскоязычных биографических словарей приведены в пособии: Кауфман И.М. Русские биографические и библиографические словари. М.: Госкультпросветиздат, 1956. Зарубежные биографические словари перечисляются в серии «Национальные биографические словари зарубежных стран», изданной Национальной библиотекой России (бывшей Всесоюзной Библиотекой СССР имени В.И. Ленина в Москве).

Однако далеко не все издания, в которых есть библиографические сведения об уроженцах Беларуси и лицах, работавших в ней, включены в перечисленные биобиблиографические справочники. В эти издания не включены книги записей в университеты Европы.

При изучении истории Беларуси XIX века могут оказаться полезными биографические словари студентов Дерптского университета. Выпускники этого университета или работали в Беларуси, или принимали участие в освободительном движении.

Сведения об участии выходцев из Беларуси в общественном движении обнаруживаются в изданиях:

- Деятели революционного движения в России.

Библиографический словарь от предшественников декабристов до падения царизма. Сост. А.А. Шилов, М.Г. Карнаухова, Ш.М. Левин. М., 1927-1934. Т. l-3,5 (есть репринтное переиздание, сделанное в ГДР).

- Дьяков В.А. Деятели русского и польского освободительного движения в русский армии. 1856-1865 гг. Биобиблиографический словарь. М., 1967;
- Деятели СССР и Октябрьской революции // Энциклопедический словарь Изд. Гранат. М.,1927-1930. Т.41. Ч.1-3.

Сведения об уроженцах тех стран, чьи исторические судьбы были связаны с Беларусью, находятся в следующих биографических словарях:

Германии и Австрии:

Wurzbach C. von. Biographischen Lexikon des Kaiserthum Osterreich, enthaltend die Lebenskizzen der denkwurdigsten Perso- nen, welche 1750-1850 in Kaiserstaat und seinen Kronlandern gelebt- haben. Wien, 1856-1891. Th.l-60;

Allgemeine deutsche Biographie. Red. von R.von Liliecron und F.X.Wegele. Leipzig, 1875-1912;

Neue deutsche Biograpnie. Berlin, 1953-1994. Bd.l-17 (издание не завершено);

Osterreichisches biographisches Lexikon. 1815-1950, Graz-Ko1n (издание не закончено).

Как правило, в биографических словарях содержатся сведения только об умерших.

Представляют определенный интерес биографические словари Франции Dizionnaire de biographie francaise. Paris, 1933-1994 (Т.1-32) (издание не завершено) и Италии: Dizionario biografico degli Italiani. Roma, 1960-1986. Т.1-32 (издание не закончено).

Широки по своему охвату биографические словари Великобритании (и бывшей Британской империи): Dictionary of National Biography. L., 1885-1900. V.l-63.

Каждые десять лет к этому изданию издаются дополнения (Supplements V.1-9. L., 1901-1981; охватывает период 1901-1980 гг.). См. также: Dictionary of National Biography. Missing persons. L., 1993. Сокращенным вариантом «Словаря национальной биографии» является «Concise Dictionary of National Biography to 1990». L., 1992. V. l-3.

Более краткими изданиями биографических словарей являются издания типа «Who is who» («Кто есть кто») со сведениями о живых, их дополняют подобные издания об умерших «Who was who» («Кто был кто»). Издания «Кто был кто» издавались и издаются только в Великобритании («Who is who». L., 1920-1981; охватывает период 1607-1993 гг.).

Жизнеописания деятелей США представлены в «Словаре американской биографии» (Dictionary of American Biography. New York, 1928-1937. V. l-20, Index') и «Кратком словаре американской биографии» (Concise Dictonary of American Biography to 1970. N.Y., 1990).

После интенсивной миграции в Беларусь еврейского населения из Польши и Германии (с конца XIV в.) оно играло определенную роль в этнической структуре Беларуси (к 1914 г. евреи составляли около 14 процентов жителей Беларуси). В связи с этим интерес представляет «Краткая еврейская энциклопедия» (гл. редактор Г.Г. Брановер. М.: РАЕН, ЭПОС, 1994-1995). Вышло два тома этого издания: «Биографии». Т.1-2: «А – Р». Издание не завершено.

В тех случаях, когда издание национальных биографических словарей продолжается, а тома на те буквы алфавита, с которых начинается интересующая исследователя фамилия, еще не увидели света, приходятся ограничиваться просмотром общих энциклопедий этих стран и народов.

2.2.2.к. Географические словари

Для уточнения названия населенного пункта, с которым может быть связано историческое событие, жизнь и деятельность конкретного исторического лица, интерес представляют географические словари, словари географических названий, списки населенных пунктов и т. д. В России в 1861–1885 гг. выходили «Списки населенных мест Российской империи» (СПб., т. 1-42). Подобные справочники административного деления выходили и в СССР.

Особое внимание следует уделить ценному изданию по географии бывшей Речи Посполитой «Географический словарь бывшего Польского королевства и других славянских земель» (Варшава, 1880-1902) в 22-х томах (Т. 1-20, два тома дополнений).

Название издания отражает его содержания и было взято его составителями из цензурных соображений, поскольку было предпринято после подавления национально-освободительного восстания 1863-1864 гг. в Польше, Беларуси, Литве и Украине против царизма. В этом словаре даны подробные географо-исторические описания основных местностей указанных стран. Составляли статьи местные краеведы. Статьи о Беларуси составлял, как правило, выдающийся белорусский краевед Александр Ельский (1834-1916). С 1864 г. в имении Замостье (ныне Пуховичского района) он создал краеведческий музей, в котором находилось около 20 тыс. автографов и 7 тыс. книг. Для «Географического словаря» и для польско-язычной «Большой всеобщей иллюстрированной энциклопедии» он написал более десяти тыс. статей, в которых описывал местности различных уездов Беларуси. В США недавно было издано репринтное переиздание географического словаря.

Другим полезным пособием для уточнения названий населенных пунктов и других географических объектов стран Центральной и Восточной Европы – от Финляндии на севере и до Греции и Кипра на юге является «Словарь местных названий Центральной и Восточной Европы XIX и XX веков» на двадцати четырех языках Хенрыка Батовского. Он был издан в Варшаве в 1964 г. и передает названия многих географических объектов на территории Беларуси в оригинальном звучании, на русском и польском языках.

2.2.2.л. Толковые и терминологические словари

При истолковании различных слов, словосочетаний, понятий в источнике исследователю приходится обращаться к толковым словарям – собраниям слов, расположенным в определенном (чаще алфавитном) порядке, в которых объясняется значение описываемых единиц, дается различная информация о них, сообщаются сведения о предметах, обозначающих их. Делается это с помощью примеров употребления слов, словосочетаний и выражений. Исследователю истории Беларуси приходится обращаться к «Гістарычнаму слоўніку беларускай мовы» (Мн., 1982), в котором дается толкование и грамматическая характеристика белорусской письменно-литературной лексики XIV-XVIII вв. Издание продолжается. Принципы подготовки этого словаря охарактеризованы главным редактором издания А.И.

Журавским в первом томе «Словаря» (Мн., 1982. С. 3-44).

Используется и «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» (Мн., 1977-1984. Т. 1-5), который отражает лексико-семантическое состояние белорусского литературного языка XX века. При использовании источников истории Беларуси на русском и польском языках обращаются к изданиям типа:

«Словарь современного русского языка» (М., 1950-1965) и Словарям польского языка.

Русскоязычные словари с толкованием различных терминов перечислены в книге Кауфман И.М. Терминологические словари. М., 1961.

Как расшифровывать русские сокращения и как сокращать названия книг, журналов, архивов, библиотек, исторических обществ можно узнать в книге Саморукова Н.А. Справочник сокращений, принятых в исторической литературе. М., 1964.

Сокращение слов на иностранных языках расшифровывается в работе Блувштейн В.0. Словарь сокращений английского, немецкого, голландского и скандинавских языков. М., 1964.

В тех случаях, когда в текстах встречаются иностранные имена и названия, необходимо знать современные правила их транскрипции.

Они изложены в трудах Гиляревского Р.С., Старостина Б.А. Иностранные имена и названия в русском тексте. Справочник. М., 1969, Ермоловича Д.И. Англо-русский словарь персоналий. М., 1993, Рыбакина А.И. Словарь английских личных имен. М., 1973.

Разъяснение иностранных названий и слов, имеющих хождение в русском языке, можно найти в работе Бабкина А.М, Шендецова В.В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода. М., 1981-1987.Т. 1-2.

Среди справочников иного рода, чем описанные выше, следует упомянуть: «Адрес-календарь», издававшийся ежегодно с 1765 по 1916 г. под различными названиями, в том числе и под названием «Месяцеслов». По губерниям, в том числе и белорусским, издавались в 1845 – 1917 г. «Памятные книжки».

Следует использовать библиотечные каталоги, библиографические указатели и справочные пособия в определенном порядке. Нет смысла смотреть все имеющиеся библиографические указатели. Поиск зависит от того, в какой последовательности изучаются источники – в прямой или обратной хронологической

связи. Иногда при поиске источников помогают специальные издания типа «Российского морского списка» или «Российского медицинского списка», которые включали в себя соответственно сведения о моряках и медиках, проживавших в Российской империи в определенные годы.

К сожалению, ограничиваться такими изданиями нельзя. В «Российском медицинском списке», выходившем в 1809-1916 гг., даты рождения и смерти указанных в нем лиц не фиксировались. Последнее упоминание конкретного лица в «Списке» могло означать и его смерть, и его выезд за пределы Российской империи, но могло быть внесено в текст «Списка» механически, даже после его смерти или отъезда. Например, имя врача Александра Дмитриевича Бланка, деда В.И. Ульянова-Ленина по материнской линии, механически вносилось в «Российский медицинский список» вплоть до 1890 г., хотя он скончался в 1870 г.

Были названы только основные направления библиографической эвристики. Поиск источников – дело индивидуальное. Но знание основных этапов источниковедческого библиографического поиска позволяет исследователю проверить правильность позиций своих предшественников по теме и дает возможность найти изданные источники с минимальными потерями времени и затратой усилий.

2.2.3. Поиск источников в глобальной компьютерной сети Internet

В 1990-е гг. более чем в 100 странах мира получила развитие глобальная компьютерная сеть Internet, которая объединила миллионы компьютеров. На многочисленных Web-страницах (наборах электронных документов, связанных гиперссылками) сети Internet располагается информация, которая может заинтересовать историков и источниковедов. Это коллекции архивных документов, переведенных в электронную форму, изображения музейных предметов (вещественных и источников, картин, скульптур и др.), опубликованные письменные источники, находящиеся в фондах библиотек и частных собраниях. Internet позволяет исследователю, не вставая со своего рабочего места, получить доступ и скопировать на свой компьютер изображения источников, находящиеся в других странах.

Исследователь работает в Internet с помощью специального

программного обеспечения — браузеров, наиболее популярными из которых являются Internet Explorer и Netscape Commminicator. Поиск информации в Сети осуществляется путем ввода в адресную строку браузера адреса необходимого файла. В адресной информации указывает имя и путь файла, Internet-адрес Web-страницы или номер записи и поле базы данных.

Поиск источников в Internet проводится следующими способами:

1. Через *гиперссылки*, т. е. ссылки в электронном документе на другие документы. Исследователю необходимо найти один электронный документ по интересующей его теме, в котором находятся ссылки на другие электронные документы по этой теме. Затем исследователь перемещается по ссылкам между документами. Недостатком этого способа поиска является зависимость исследователя от структуры (дерева) гиперссылок.

2. С помощью специализированных средств поиска в сети — «машин поиска»:

* *тематических каталогов (индексов),* в которых поиск ведется по темам и ключевым словам. Каталог — это поисковая система с классифицированным списком аннотаций, в котором содержатся гиперссылки на другие ресурсы Internet. База данных ссылок (т.н. индекс) заполняется вручную персоналом каталога. Поиск в каталоге возможен путем последовательного уточнения тем (передвижения по дереву каталога). Результатом поиска в каталоге является аннотированный список адресов. Наиболее крупные из зарубежных тематических каталогов – системы Yahoo и Magellan, из российских — @Rus (АУ), Weblist и Созвездие Интернет.

* *поисковых систем (роботов)*, которые автоматически формируют базы данных с информацией об Web-страницах, статьях в группах новостей и списках рассылки и т. д. Поиск информации в поисковых системах проводится по ключевому слову (фразе) или по тематическим каталогам. Результаты поиска оформляются в виде списка найденных документов с указанием их заголовков, адресов, цитат из текста документа с выделением ключевых слов, даты обновления, размера и языка документа. Преимущество поисковых систем проявляется в возможности обработки результатов поиска — переходу по ссылке к первоисточнику, поиску в найденном с уточнением и добавлением новых ключевых слов, сохранению результатов в виде файла на локальном диске и др. Наиболее

популярными зарубежными поисковыми машинами считаются Altaviasta, Excite, HotBot, Infoseek, российскими — Yandex, Rambler, Aport, белорусскими — 09 и Search.

* *метапоисковых систем (роботы роботов)*. Метапоисковые системы посылают запросы исследователя нескольким поисковым серверам или поисковым системам, затем объединяют полученные результаты и представляют их в виде списка со ссылками. Наиболее популярными метапоисковыми системами являются MetaCrawler, SavvySearch, Следопыт.

* *программы ускоренного поиска*, которые действуют по принципу метапоисковых систем. Среди них можно выделить Subject Search Spider и Inforian Quest 99.

Общим недостатком поиска с помощью «машин поиска» является получение большого количества случайной информации, в которой могут «раствориться» нужные исследователю Internet-адреса. Поэтому необходимо чрезвычайно жестко задавать условия поиска (установить более широкий список ключевых слов, ограничения по дате и т. д.), проводить повторный поиск, пользоваться разными системами.

Какие же возможности для источниковеда предоставляет глобальная сеть Internet? Во-первых, это доступ к электронным изданиям исторических документов (например, к документам семьи У. Черчилля, которые подготовили в формате мультемедиа специалисты Саунтгемптонского университета в Великобритании, или 100000 документов президента США А. Линкольна).

Во-вторых, в Сети есть возможность изучать документы архивов правительственных учреждений разных стран, содержащих классифицированную и систематизированную несекретную информацию.

В-третьих, можно получить доступ к электронным версиям любых книг (в том числе, старинных, редких, плохо сохранившихся) в географически удаленных библиотеках Конгресса США, Британского Музея, Национальной библиотеке Франции и «виртуальных» библиотеках, которые существуют лишь в сети Internet (например, «библиотеке Мошкова»).

Еще одной возможностью в сети Internet является получение информации из баз данных, которые содержат сведения по истории разных стран и периодов.

Internet также позволяет изучить вещественные, изобразительные

и другие виды источников, которые находятся в зарубежных музеях (Лувре, Эрмитаже, Кунсткамере и др.), экспонируются на временных выставках, собраны в «виртуальных» музеях, существующих только в Internet.

При наличии необходимых технических средств в Internet можно работать с оцифрованными кинофото- и фонодокументами (например, переведенными в электронную форму 1,1 млн. фонодокументами (от перфорированных картонных лент и восковых роликов до долгоиграющих пластинок и магнитных лент) Национальной фонотеки Франции).

Исследователи в Internet имеют возможность работать с электронными версиями журналов по различным отраслям гуманитарного знания. Среди белорусских исторических журналов электронные версии опубликованных номеров в Сети выставляет «Беларускі гістарычны агляд».

Использование глобальной сети не только облегчает ученым поиск источников и исторической информации, но и содействует развитию международных связей и контактов между учеными. Исследователи имеют возможность участвовать в «виртуальных» *телеконференциях* в Сети, обмениваясь своими идеями. Историки могут использовать услуги *списка рассылки* – серверной программы, позволяющей рассылать свою информацию по многим электронным адресам и автоматически получать электронные письма через запросы, в которых указывается интересующий предмет (например, название исторического источника). Обмен информацией между источниковедами может проходить в рамках «*групп новостей»*, позволяющих исследователям общаться по конкретным темам. Получив подобие электронного бюллетеня, содержащего только заголовки посланий, ученый может выбрать для прочтения только интересующую его информацию.

Обмен информацией с коллегами из других регионов Беларуси и зарубежных стран в реальном времени может происходить на специализированных *чатах*, представляющих собой «виртуальную» комнату, где проходит общение нескольких ученых по одной проблеме. Еще одну возможность обмена информацией предоставляют «*доски объявлений»*, на которых может быть выставлено для обсуждения сообщение большого объема (статья, выступление на конференции и т.д.)

В развитых странах Internet стал важной составляющей творческой работы специалистов гуманитарного профиля. Белорусские историки и источниковеды только начинают осваивать глобальную компьютерную сеть. Использование Internet позволит им в перспективе решить проблемы поиска исторических источников (особенно тех из них, которые существуют только в электронной форме или находятся в удаленных архивах и библиотеках).

Литература.

Доорн П. Электронный лабиринт: возможности и «ловушки» компьютерной системы Internet для историков // Круг идей: развитие исторической информатики. М., 1995, С.122 -- 135.

Робачевский А.М. Глобальная сеть Internet // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер», № 13, март 1995, С.127 – 134.

Internet для историков // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер», № 23, 1998, С.172 – 194.

2.2.4. Архивная эвристика

Выявив опубликованные источники по определенной теме и изучив их, можно переходить к поискам источников в архивах, рукописных отделах библиотек, фондах музеев и у частных лиц.

Поиск неопубликованных источников по интересующей историка теме может быть начат тогда, когда возможности нахождения необходимой информации в печатных источниках исчерпан (или нуждается в проверке и подтверждении источниками архивов или рукописных отделов библиотек и музеев).

Неопубликованные источники по способу изучения отличаются от изданных произведений. Книге присущ единый авторский или редакторский замысел. Архивные же источники образуются под влиянием объективных факторов и предназначаются, в отличие от книги, не читателю, а адресату источника. Архивные источники сложнее изучать и воспринимать, чем произведение печати.

Искать и использовать печатные издания более удобно, чем проводить сбор и использование архивных источников. Исследователь прошлого должен уметь читать источники не только на современном

родном языке, но и на языке предыдущих столетий, что требует специальной подготовки (знания языка и палеографии изучаемых источников).

Выявление архивных источников трудоемко, так как искать источники приходится не в одном-двух, а во многих архивохранилищах. Поначалу исследователь может заранее определить лишь важнейшие архивохранилища, где могут находиться интересующие его материалы. Затем ему приходится вести поиск во многих других местах хранения.

Чтобы ввести в научный оборот неопубликованный источник, необходимо знать о его существовании. Однако единой системы информации, раскрывающей все богатства Государственного архивного фонда СССР (совокупности принадлежащих государству документов, имеющих политическое, научное, культурное, экономическое или какое-либо иное значение) в Беларуси нет.

Ориентироваться в архивах позволяют общие сводные справочники обо всех государственных архивах страны. Справочники по Государственному архивному фонду СССР – «Государственные архивы СССР. Краткий справочник» (М.,1956), и «Центральные государственные архивы СССР». (М.,1987) содержат лишь общую типологию архивных учреждений Российского государства, позже СССР, в состав которых Беларусь входила долгое время. В этих путеводителях сведений о наличии отдельных источников нет.

Большинство центральных и местных государственных архивов располагают печатными путеводителями или краткими справочниками о фондах.

Путеводитель – тип справочника, содержащий характеристики или, краткие сведения об архивных фондах в систематическом порядке по определенной схеме. Он предназначен для общего ознакомления с составом фондов архива. Есть путеводители типа перечня. Есть более краткие справочники. Есть тематические путеводители (по медицине, книжному делу и т. д.). В путеводителе даны характеристики фондов, исторические справки о фондообразователе и фонде, аннотации состава фондов, библиографические справки.

К сожалению, многие из этих справочников сильно устарели и не отражают существенных изменений в составе фондов, которые произошли за время, прошедшее со времени издания. В путеводителе

(кратком справочнике) по архиву приводятся сведения о номере и названии каждого архивного фонда, количества дел в нем и их хронологические рамки, содержатся основные сведения об учреждении – фондообразователе и краткая аннотация содержания документов этого фонда.

Перечень путеводителей большинства архивов Российского государства и СССР приведен в пособиях: Л.Е. Шепелёв. Архивные разыскания и исследования. М.,1971, Г.М. Горфейн, Л.Е. Шепелев. Архивоведение. Л.,1971, Г.М. Горфейн. Использование справочных пособий при работе над архивными документами XIX - начала XX вв. -- Советские архивы. – 1973. -- № 1. – С.89-92. Ю.М. Гроссман, В.Н. Кутик. Справочник научного работника: Архивы, документы, исследователь (Львов, 1979); Е.Н. Суслова. Поиск архивных документов (Л., 1987. – С. 73-79).

Анализ исторических исследований и публикаций источников позволяет избежать повторных открытий источников, уже введенных в научный оборот, и знакомит исследователя с выводами предшественников, которые были сделаны на основании использования этих источников.

В дальнейшем изучаются и информационные справочники, и путеводители по отдельным архивным собраниям. Это дает исследователю возможность еще до посещения архива, познакомиться с общим составом источников и правильно наметить план последующей работы в архиве.

Информационные справочники и путеводители по архивам определяют лишь приблизительный круг их фондов. Только непосредственный анализ этих фондов позволяет уяснить особенности каждого вида рукописных источников, их полноту и значение. Исследователь должен иметь представление о целях поиска и предполагаемом месте разыскиваемого источника в системе других источников. В дальнейшем ему приходится выявлять архивные фонды, в составе которых находятся интересующие его источники, а затем в пределах фонда необходимые для темы исследования источники.

2.2.4.а. Сеть и состав архивов

Фонды государственных хранилищ можно разделить на две

большие группы – *фонды государственных учреждений* и *фонды личного происхождения*. Вторые, как правило, составляют основу фондов отделов рукописей крупнейших библиотек и персональных фондов соответствующих отделов музеев. Чтобы знать о порядке отложения интересующих исследователя источников в архивохранилищах, необходимо знакомство с историей *фондообразователей* (учреждений, организаций, лиц, чьи материалы хранятся в архивах).

Большинство письменных источников возникло в ходе делопроизводственной деятельности учреждений и организаций. Поэтому исследователю с целью сокращения пути поиска источников необходимо иметь представление о системе делопроизводства в учреждениях и организациях, а также о порядке ведения документации отдельными лицами, которые определили особенности архивных источников.

Основная масса источников официального происхождения, которая образовалась в процессе деятельности государственных учреждений, общественных организаций, промышленных предприятий хранится в государственных и ведомственных архивах. В центральных государственных архивах находятся источники центральных учреждений, организаций и предприятий.

Документы личного происхождения – личные и семейные архивные фонды собираются гораздо более широким кругом учреждений, чем документы официального происхождения. Помимо государственных архивов они хранятся во многих музеях и библиотеках, в научных учреждениях и высших учебных заведениях.

Ценным пособием при архивном поиске может служить трехтомный указатель «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР» (М., 1963-1980). В этом справочнике в алфавитной последовательности перечислены многие лица, архивные фонды которых находятся в государственных архивах, библиотеках, музеях и других хранилищах страны. В справках об этих лицах перечислены их фамилии, имена, отчества, даты жизни, профессия, служебное положение. Приводятся сокращенные названия хранилищ, указаны номер соответствующего архивного фонда, его объем в единицах хранения и крайние даты содержащихся в нем документов.

Помогают исследователю аннотированные указатели рукописных фондов библиотек. Они могут носить обзорный характер, как

«Аннотированный указатель рукописных фондов ГПБ» (Гос. публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Петербурге), (Л.,1983 – 1984. – Вып. 1-4). Более подробно описаны воспоминания и дневники XVIII – начала XX вв. в фондах Всесоюзной государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина в Москве и в фондах Военно-медицинского музея в Санкт-Петербурге. Это аннотированные указатели рукописей. В первом из них описано 1270 дневников и воспоминаний, во втором 577 рукописей. Ряд этих источников отображает событие, происходившее на Беларуси. Издания составлены в алфавитном порядке и снабжены хронологическими, именными, географическими, предметно-тематическими указателями, указателями периодических изданий, ежегодников и альманахов, мемуаристов по роду их деятельности.

Таков краткий перечень центральных архивохранилищ и пособий к поиску в них.

* * *

Определив на основании печатных справочников, в каком архиве могут храниться интересующие исследователя источники, можно обратиться к занятиям в читальном зале архивохранилища. Для этого необходимо иметь официальное письмо (отношение) от учреждения, в котором исследователь работает, или учится, в соответствующее архивохранилище с указанием темы и цели его занятий.

В читальном зале, пользуясь консультациями сотрудников архива, исследователь заполняет требования на описи и дела, указывая в требовании действующие в описи номера. Материалы в архиве отыскиваются с помощью списка фондов, реестра описей, каталога, картотеки, которые, как правило, имеются только в самом архиве.

2.2.4.б. Научно-справочный аппарат архивов и его изучение

В целях лучшей организации использования материалов в государственных хранилищах, рукописных отделах музеев создается научно-справочный и учетный аппарат, в котором содержится информация о количественном и качественном составе документов фондов. В нем содержатся те сведения, которые обеспечивают возможность раскрытия содержания документов для поиска и подбора

нужной исследователю информации.

Группируют и учитывают документы в архивах по *фондам* (комплексам документов, образовавшихся ходе деятельности определенного фондообразователя – предприятия, учреждения, организации, лица), *коллекциям* (совокупностям документов, образовавшихся в процессе деятельности различных фондообразователей и объединенных по каким-то признакам) и *единицах хранения* или *делам* (физически обособленным комплексам документов, наименьшим классификационным единицам в пределах архивного фонда или коллекции). Каждый фонд, коллекция, единица хранения имеют свой, только им принадлежащий номер.

Научно-справочный аппарат состоит из *учетных документов* и *справочников* (позволяющих обеспечить сохранность и поиск документов) и информационных справочников (для многоаспектного раскрытия и быстрого обнаружения документов).

В состав учетных документов и справочников входят: описи, список и листы фондов, фондовые карточки.

Основной справочник по учету документов – *опись*. Опись закрепляет систему группировки фонда, наряду с учетом единиц хранения внутри фонда она одновременно является информационным справочником, раскрывает состав и содержание каждой единицы хранения фонда. Она помогает и облегчает поиск в фонде нужных дел.

Инвентарные описи – это учетные документы и справочники по описанию документов, они содержат перечни заголовков и других сведений о составе и содержании дел определенного комплекса с самостоятельной порядковой нумерацией.

Сводным справочником, обобщающим сведения по всем описям фонда в целом, служат *список* и *листы фондов*. Список фондов – это перечень фондов, а лист фонда составляется на каждый фонд. В нем указаны номер и наименование фонда, все его переименования и подведомственность, а также обобщенная, сжатая характеристика состава и содержания документов, крайние даты материалов по каждой описи и фонда в целом и место хранения фонда.

В архивах заводятся и информационные справочники – *каталоги* и *обзоры*, *путеводители*.

Архивный каталог – это тип архивного карточного или печатного справочника, как правило, карточный, в котором вторичная документальная информация сгруппирована по предметам, темам,

отраслям. Каталог подразделен на разделы, темы, рубрики.

В систематическом каталоге карточки распределены по отраслям знаний и деятельности, а внутри рубрик в логическом порядке. В предметно-тематическом каталоге карточки размещены внутри тем в алфавитном порядке по предметному признаку, а затем в логической последовательности. Составляются также хронологические каталоги (по датам начала составления единиц хранения).

Исследователь обращается также к архивным обзорам. *Архивные обзоры* – это справочники с систематическими сведениями о составе и содержании отдельных комплексов источников с их источниковедческим анализом.

2.2.4.в. Изучение дел, выявление и отбор документов

Исходя из описи, исследователь отбирает и выписывает для пользования наиболее важные для темы дела. Ознакомление с первым и последним документами дела дают возможность выяснить повод для его начала и его завершения. После этого можно просмотреть все дело и выписать заголовок или суть конкретного источника.

Просмотр описей начинается с наиболее важных для изучаемой темы фондов.

Во многих архивах научно обработаны не все фонды. Нередко в этих хранилищах нет сводных указателей. Объем источников в таких архивах известен недостаточно. Иногда большие совокупности документов значатся в них только по названию первого дела, а под тем же общим переплетом находятся и другие дела. Поэтому приходится просматривать многие единицы хранения, близкие по времени к тем годам, которые изучаются, хотя формально те не посвящены по своим заглавиям интересующим исследователя вопросам. Содержание многих дел не получает отражения в описях.

Обычно выявляется больше источников, чем используется. Это и понятно: до конца выявления не становится ясным, что именно можно использовать, а что отпадает в ходе исследования.

После выявления источников производится их *атрибутация*, т. е. определение видов (форм) и подлинности выявленных источников, дат их написания, авторов и адресатов. Для датировки можно использовать даты помет и резолюций на источниках, упоминания в них событий, лиц, учреждений, дней недели и праздников. Характер

написания текста, особенности языка, цвет бумаги, также помогают уточнить время составления источников.

Для наведения справок об упоминаемых в источниках лицах и местностях приходится прибегать к биографическим, географическим и энциклопедическим словарям, словарям псевдонимов, некрополям и адрес-календарям, памятным книжкам, адресным справочникам, книгам и т. д.

В некоторых случаях исследователь сталкивается с тем, что часть нужных ему источников отсутствует. Тогда приходится изучать условия, которые могли вызвать пробелы в источниках.

Неполнота и случайность дошедших источников объясняется тем, что одни учреждения и лица отнеслись более внимательно к ним, другие – менее внимательно.

С подобного рода неполнотой и случайностью сохранившегося материала приходится сталкиваться постоянно. Поэтому еще до изучения отдельных источников надо дать общую оценку сохранившегося материала и определить его возможности для решения стоящих перед исследователем дел.

Приходится учитывать возможные пробелы в источниковой базе, которые могут существенно повлиять на наше понимание исторических явлений и процессов Особенно плохо сохранились личные фонды Установить факты утраты ранее существовавших, но уничтоженных в архиве дел позволяют описи, составленные в архиве. Эти данные имеют большое значение По содержащимся сведениям в описях и других справочных документах о несохранившихся материалах можно судить об их составе и содержании Отсутствие исчников в фондах одною учреждения может быть восполнено их наличием в фондах другого -вышестоящего или подчиненного ему -учреждения

За пределами государственных хранилищ хранится немало источников, особенно личного характера, без привлечения которых исследование может быть недостаточно полным Не случайно за последнее время в отечественной и зарубежной печати активно обсуждается вопрос о ведении семейных архивов

От характера записей о содержании архивных источников зависят результаты работы исследователя Исследователь производит выписки (цитаты) частей текста, изложение содержания своими словами и

копии источников (от руки, машинописные, фотографические, ксерокопии)

До выписывания сведений из источников есть смысл ознакомиться с максимальным количеством выявленных материалов, чтобы выбрать те источники, которые имеют основное значение. Выписки должны содержать сведения о номере и наименовании фонда, кратком заголовке дела, дате, заголовке документа и номере листа, с которого сделана выписка. Оборотные стороны листа в единицах хранения не нумеруются, поэтому их обозначают в выписках добавлением слова «оборот», например л 2 об (лист 2, оборот) Все эти сведения (включая названия дела) должны приводиться в ссылках на источник в научной работе При необоснованной или ошибочной ссылке на неопубликованный источник подвергается сомнению не только научная добросовестность исследователя, приводящего эту ссылку, но и сам факт Правильно составленная ссылка позволяет закрепить приоритет исследователя в использовании источников

К сожалению, в редакциях ряда изданий получили распространение, вопреки желанию исследователей, «глухие» ссылки на архивные источники, совпадающие с их шифром Такие ссылки ничего не говорят о том, что собой представляют источники, а именно это имеет для источниковедческой оценки большое значение

В научной работе нельзя ссылаться на архивные источники по чужим данным, без упоминания первооткрывателя источников Если источник был приведен в работе предшественника, принято ссылаться не на источник, а на это исследование. В противном случае действия исследователя приравниваются к плагиату Наличие в ссылке кратких заголовков дел облегчает их нахождение в том случае, если место хранения или архивный шифр изменены

При цитировании источников нужно крайне бережно относиться к тексту, по возможности не допуская исключения из него отдельных слов и фраз Если же это допущено, пропуск отмечается многоточием, заключенным в скобки. Ошибочно опущенные или сокращенные в источнике слова включаются в текст цитаты лишь в квадратных скобках Архаичные окончания слов заменяются современными, а прописные буквы могут быть заменены строчными. Знаки препинания расставляются в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР»

Каждая единица хранения снабжается в архивах листом

использования, который исследователь должен заполнять в соответствии с требованиями архива. После окончания работы с делами исследователь передает свои выписки заведующему читальным залом, который в письменном виде разрешает выдать их на руки исследователю.

Бывает, что автор собрал материал, позволяющий ему изменить сложившиеся взгляды. Он должен это делать, лишь, будучи уверенным, что привлек все источники, доступные при данном состоянии исторической науки. И при таком подходе какое-то количество источников может оказаться вне обзора исследователя. Об одних он не знал, другие были помещены в недоступных для него хранилищах, третьи были обнаружены после завершения автором работы. Как только их изучит исследователь, он должен установить, соответствуют ли содержащиеся в них данные с его выводами, а если нет, то внести в свои построения определенные изменения.

2.3. ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ КРИТИКА

2.3.1. Природа исторического источника. Цель и основные этапы источниковедческой критики

Исторический источник, с одной стороны, представляет собой факт исторического прошлого, с другой – содержит информацию об том или ином факте. Исторический источник материален (т. е. доступен для непосредственного восприятия), но, в отличие от других материальных объектов, возникших под воздействием природных сил, является неким изделием с определенной целенаправленно созданной структурой. Он обладает свойствами, выражающими единство целеполагания, более или менее полно завершает мысль своего творца.

Источник в силу своей природы, несет в себе двойную информацию. Он является опосредованным отражением определенного объекта через сознание субъекта и одновременно характеризует субъект, отражает цели и методы восприятия объективной реальности. Так, мемуары содержат определенную информацию, как о действительности, так и об их создателе. В свою очередь, наличие в историческом источнике информации об авторе позволяет выявить степень адекватности отраженной в нем

исторической действительности.

В процессе последующей обработки источников происходит дальнейшая субъективизация имеющейся в них информации. К субъективному фиксированию первоначальной информации прибавляется субъективность ее извлечения и переработки. Примером этого могут служить редакции и списки различных (прежде всего летописных) памятников.

Отмеченные выше обстоятельства предопределили скептическое отношение ряда исследователей о возможности объективного познания прошлого (см. Скептическая школа). Поиск выхода из этой ситуации виделся в разделении всех источников на объективные («остатки» фактов) и субъективные («предания» о них). В действительности же (как уже отмечалось выше) исторический источник предстает и как результат отражения субъектом реальности и как продукт деятельности субъекта, выступая, таким образом, одновременно и «остатком» и «преданием».

Деление на «остатки» и «предания» нашло свое отражение в делении двух важных этапов критики — *внешней* и *внутренней*. Основным содержанием *внешней критики* является изучение исторического источника как носителя информации о прошлом (места, условий возникновения, автора), а целью —установление исторического источника как факта, т. е. установление *подлинности*. Подлинным считают тот источник, который создан в том месте, в то время и тем автором, которые указаны в нем.

Суть внешней критики — в изучении показаний источника об историческом факте. С помощью таких категорий как *полнота* и *точность* определяется степень достоверности содержащейся в источнике информации. Важное значение имеет выяснение *представительности* (репрезентативности) источника относительно самой исторической действительности и в сравнении с некогда существовавшим их сводом.

Органическое переплетение в источниках информации об исторической реальности и его создателях накладывает определенный отпечаток на очередность в изучении источников. Принято рассматривать их внешнюю и внутреннюю критику как последовательность источниковедческих процедур.

Впрочем, по отношению и к самим названиям этапов, их количеству и сути на протяжении развития источниковедения

высказывались (и высказываются) различные точки зрения. Так В.О. Ключевский выделял критику филологическую и фактическую, представители марксистской школы в источниковедении - аналитическую и синтетическую. А.П. Пронштейн и А.Г. Задера отмечали 1) внешнюю критику; 2) интерпретацию; 3) внутреннюю критику и 4) синтез исторических фактов. (Методика работы над историческими источниками: Уч.- метод. пособие. М., 1977.) В учебнике РГГУ 1998г. структура источниковедческого исследования выглядит более сложной:

1) исторические условия возникновения источника;
2) проблемы авторства источника;
3) обстоятельства создания источника;
4) авторский текст, произведение и его функционирование в социо-культурной общности,
5) функционирование произведения в культуре;
6) интерпретация источника;
7) анализ содержания;
8) источниковедческий синтез.

Понимая условность терминов внешняя и внутренняя критика, их взаимопереплетение, авторы данного пособия все же считают, что подобный подход отражает природу исторического источника и как показала практика в наибольшей степени удобен в практике первоначального знакомства студентов с основными целями и задачами источниковедческой критики.

2.3.2. Внешняя критика

2.3.2.а. Общая характеристика

Прежде, чем начать непосредственное (визуальное и др.) знакомство с источником следует обязательно принять во внимание и, при необходимости, зафиксировать обстоятельства выявления источника; особенно в том случае, если происходит изъятие источника из той среды, в которой он находился. Довольно часто воспроизведение данной ситуации невозможно и последующие исследователи вынуждены доверять своим коллегам. Например, археолог, проводя раскопки, разрушает ту среду, вне которой его находки представляют менее существенную ценность для науки. Именно поэтому, как отмечают археологи, документация раскопок

всегда имеет большую ценность, чем сами раскопки.

Это же можно подтвердить и на примере других источников, в том числе письменных. Многие публикации письменных источников содержат подделки и их сейчас уже сложно установить, в том числе и потому, что не были зафиксированы обстоятельства выявления документа. Подобное отношение к данному моменту работы с источником довольно часто создает плохую репутацию и исследователю, и публикуемым им документам. Так, например, Т. Нарбут (автор «Истории литовского народа». Т.1-9) опубликовал известный летописный памятник «Хронику Быховца». Однако отношение к “Хронике” у исследователей было довольно скептическим во многом и потому, что Т. Нарбут был известен своим некритическим отношением ко многим из выявленных им источников.

Таким образом, работа по установлению исторического источника, как факта, может проводиться на основе первичных и опосредованных материалов. Археолог, может проводить раскопки самостоятельно или же работать на основе составленных отчетов — документаций. Этнолог может наблюдать обряды или же работать с видеозаписью. При работе с письменными источниками, как это уже отмечалось выше, исследователь тоже довольно часто должен пользоваться результатами подготовительной работы. Чтобы не использовать сложно-определимые понятия «первичный материал», «первоисточник», употребим понятие «публикация» в его семиотическом значении. Отметим, что формы и последовательность внешней критики различны в двух случаях:

1) когда исследователь осуществляет непосредственный визуальный и другого рода осмотр, изучение источника;

2) когда исследователь работает с публикацией.

Во втором случае исследователь вынужден доверять своему предшественнику. Но доверие должно быть основано не только на авторитете исследователя и интуиции, но, прежде всего, на основании использования метода источниковедения. Источниковедческая критика в этом случае начинается не с критики непосредственно того источника, который интересует исследователя, а с изучения публикаций как факта. Это предполагает:

1) установление времени, места и авторства (обстоятельств) возникновения публикаций;

2) мотивов и методов отбора материала;

3) оценки степени профессионализма публикаторов;

4) изучение описательных материалов, сопровождающих публикацию.

Необходимо иметь в виду, что публикации бывают трех видов (в зависимости от их функционального назначения):

1) популярные или научно-популярные;

2) учебные;

3) научные.

Степень деления публикаций довольно условна, но все же научная публикация обязательно содержит элементы описания того, каким образом первоначальная информация (визуальная, аудио и др.) фиксировалась и передавалась в публикации, как производилась выборка и т. д. Так, публикации письменных источников (например, «Полное собрание русских летописей») содержат археографические описания, которые указывают особенности передачи публикуемых текстов методами современной печати.

Публикации памятников живописи (к примеру «Іканапіс Беларусі XV-XVIII ст.» /аўтар тэксту і складальнік Н.Ф. Высоцкая. Мн., 1992.) предполагает не только историческую справку и собственно репродукции, но и подробнейшее описание их характеристик: на каком и какими материалами написаны, где и когда выявлены, реставрационные работы, выставки и публикации и т.д.

Популярные же и учебные публикации имеют целью передать лишь основное содержание памятника. Например, «Слово о полку Игореве» в переводе Я. Купалы безусловно передает смысл и дух «Слова», однако анализировать вопросы подлинности на основании этой публикации невозможно.

Однако довольно часто исследователь работает не с публикацией, а непосредственно с источником. Рассмотрим примерную последовательность работы в этом случае, опираясь преимущественно на письменные источники.

2.3.2.б. Установление текста

«Текст» понимается как любая систематически организованная последовательность знаков: роман или поведение индивидуума, математический текст или музыкальный, игра или сказка и т. д.

На данном этапе мы должны: «прочитать» текст, уточнить

непонятные места, произвести восстановление утраченных и испорченных мест, установить списки и редакции текстов.

По отношению к письменным источникам на данном этапе большую помощь источниковедам оказывает палеография, текстология, лингвистика.

Начальным пунктом установления подлинности рукописного текста является прочтение текста и понимание буквального смысла источника. Чтобы прочесть и уяснить содержание источника, требуется, прежде всего, знание палеографии и грамматики той эпохи, в которую он создан. Палеография — это вспомогательная историческая дисциплина, изучающая особенности бумаги, историю письма, развитие его графических форм, почерка, стиля, внешнего оформления рукописи и вообще памятники древней письменности.

Важнейшей частью палеографии является изучение *типов письма*. Под типом письма понимается общепринятый в то время графический характер письма, индивидуальные отличия которого называют почерком. По своему характеру типы письма, существовавшие на восточнославянской территории, разделяют на устав, полуустав и скоропись (имеются также переходные формы). Древнейшее русское письмо — устав — отличалось геометрическими начертаниями букв и было распространено в XI-XIV вв. С последней четверти XIV в. на русских землях распространяется полуустав (русский полуустав), что совпало с началом оформления делопроизводственных учреждений в Московском княжестве и Великом княжестве Литовском и расхождением начерков в рукописях этих государств. Постепенно вырабатываются характерные русское (московское) и белорусско-украинское (которое наряду с «литовским» также называли «русским») письмо.

К настоящему времени существует достаточное количество пособий по палеографии, дающих представление о развитии форм письма и позволяющих приобрести навыки чтения рукописей, которыми пользуются исследователи. В последнее время появились пособия по белорусской палеографии. Например, Куль-Сяльверстава С.Я. Беларуская палеаграфія. Навучальны дапаможнік. Гродна, 1996.

Читая старинную рукопись, исследователю приходится разбивать текст на слова. Знаки препинания из-за слитного написания почти не употреблялись. Запятые, восклицательные и вопросительные знаки появились поздно (например, запятая не ранее XII в.) Две фразы

ничем не разделялись, на абзацы не делились. Собственные имена до XVII в. писались со строчной буквы, а титулы, чины и месяцы в XVIII-XIX вв.— с прописной буквы.

Палеографические наблюдения основаны на том факте, что материал письма, знаки письменности, украшения и прочие черты рукописных документов подвержены изменениям во времени и зависят от определенных исторических условий. Поэтому палеографический анализ неотделим от истории письменности и культуры в целом. Следует иметь в виду, что собственно задачи палеографии далеко выходят за рамки прочтения текста и предполагаю комплексное изучение рукописей (уточнение материалов письма, уточнение даты, места ее создания).

2.3.2.в. Лингвистическое изучение текста

Прочтение текста еще не означает, что вы правильно прочли и уяснили смысл слов и понятий, диалектных форм. На этом этапе целесообразно использовать данные и методы лингвистики — науки о языке.

Исторический процесс оказывает замедленное и в известной мере ограниченное воздействие на язык. Существует относительная самостоятельность языка. Но в тоже время именно в формах языка фиксируются все важнейшие изменения в жизни человека. «Каждое слово языка, каждая его форма, – писал известный педагог К.Д. Ушинский,– есть результат мысли и чувства человека, через которые отразились в слове природа страны и история народа. Понять эпоху можно только возвращаясь к ней и соответствующему ей языку».

При чтении текста следует учитывать, что с развитием языка меняется его морфология. Важным условием безошибочного прочтения текста источника является знание терминологии того исторического периода, когда он был создан. Отдельные слова имели много значений, другие — могли прекратить свое существование в дальнейшем. Среди устаревшей лексики выделяются слова-историзмы, исчезнувшие из языка в результате утраты самой реалии, и слова-архаизмы, вытесненные в процессе развития языка другими словами, ставшими единственными наименованиями данных предметов, явлений. К историзмам, например, относятся многочисленные наименования юридических и делопроизводственных

документов периода средневековья («вырок», «указаная», и другие грамоты, листы, привилеи, и т. д.), древние меры веса и расстояний и др. Примером другой группы слов — архаизмов служат наименования частей тела: выя, перст, а также слова личина, бренный, всуе и др. При источниковедческом анализе важно учитывать к какой группе (историзмам или архаизмам) принадлежит то или иное слово. Если слово относится к историзмам, то его значение передается только описательно, т. к. в современном языке нет ни одного синонимичного ему слова. Всякая попытка заменить историзм синонимами приводит к искажению смысла, неправильному прочтению текста. Толкование историзма требует специального исследования. Необходимо знакомство с профессиональной терминологией. Прочесть и понять содержание источника помогает также диалектология — наука о закономерностях возникновения развития и существования системы местных говоров (территориальных диалектов). В различных диалектах слова могли иметь различный смысл. Так, например, в новгородских источниках слово «стряпчий» означало «ходатай по делам», а в московских — «повар». На территории Ветковского района Гомельской области до сих пор можно слышать слово «мост» в значении «пол» (в доме).

Каждое слово и выражение следует изучать не изолированно, а в контексте. Слово соха и выражение «сошное письмо» предполагают разный смысл одного и того же слова. Поэтому необходимо правильно понимать и истолковывать фразеологические обороты (фразеология — часть языкознания, которая изучает устойчивые словесные выражения, построенные по законам грамматики). Так, фразеологическая формула «куда плуг и соха и топор и коса ходила», употреблявшаяся в московских документах обозначает границы владения. Выражения «быти под стягом» и «въезжать на свою утеху» соответственно обозначали «обязанность служить в войске феодала» и «пользоваться охотничьими угодьями».

Поэтому при чтении текста источника приходится раскрывать смысл и содержание всех слов и выражений, в том числе тех, которые кажутся с первого взгляда понятными. Диалектологические, толковые, терминологические, словари заимствованных слов и др. сопровождают работу исследователя на этом этапе.

Очень важно сопоставить все места в источнике, где встречаются схожие слова и выражения, привлекать другие тексты того же автора и

другие источники той же эпохи.

Даже при хорошем знании грамматики и особенностей лексики языка разных исторических периодов сделать удачный перевод непросто. В переводе не следует излагать содержание оригинала в общем виде. В силу лаконичности старобелорусского языка практически невозможно сделать перевод дословным пересказом оригинала. Как правило, переводчику приходится вставлять в текст перевода пояснительные слова, стремиться к тому, чтобы перевод был как можно ближе к оригиналу, а главное — точно передавал внутренний смысл каждого предложения.

Таковы основные задачи грамматического изучения текста. Они создают реальную основу для понимания его содержания. Однако смысловая емкость источника часто бывает значительно полнее, чем его прямое содержание. Она может быть раскрыта уже не на основе грамматического изучения текста, а путем истолкования его содержания.

2.3.2.г. Уточнение текста. Установление искажений текста

Различные источники с большей или меньшей степенью завершенности выражают масштаб личности своего творца. Существуют случаи, когда в силу невнимательности и других психологических качеств, автор не совсем точно передает (воплощает) свою мысль (цель). Особенно часто искажение текста происходит при его тиражировании. Многократно воспроизводимый текст чем-либо, но отличается от первоначального.

Проиллюстрируем это на примере письменных текстов. Дошедшие до нас тексты создавались людьми различной филологической подготовки и по-разному относившимися к выполнению своей работы. Если говорить о рукописных текстах, то они требуют очень кропотливой работы по прочтению (в чем студенты могут убедиться, изучая не только палеографию, но и чужие конспекты). Естественно при переписке возникали различного рода ошибки, к которым относятся: замена одних букв другими, прочтение цифры как буквы, неверная передача вышедших из употребления букв, перестановка и пропуск букв, слогов и слов, ошибки в согласовании слов и др. Особенно много искажений бывает в списках, скопированных не с оригинала, а с других копий.

По сравнению с источниками повествовательными, документы реже содержат грамматические ошибки и описки в силу определенного контроля за их качеством. Наиболее сложно (почти невозможно) установить искажения в текстах, длительное время бытовавших в устной форме.

Главное требование на данном этапе: установить, присущи ли были данные искажения оригиналу, или же привнесены при тиражировании текста. При этом всегда должны быть учтены размеры и причины искажений.

Для текстолога наличие ошибок — очень ценное качество источника, ибо они дают возможность определить преемственность текстов, наличие списков, редакций. Известный текстолог Дж. Кларк отмечал, что для исследователя наиболее полезны невежественные писцы — они, не понимая ничего в написанном, переписывали все без изменений, стараясь передать даже особенности написания отдельных букв.

2.3.2.д. Восстановление текста. Реконструкция текста

Войны, пожары, другие неблагоприятные условия иногда приводят к полной или частичной потере текста (источника). Поэтому довольно часто задачей исследователя становится восстановление текста, полная или частичная реконструкция источника (по отношению к вещественным и изобразительным источникам применяется термин «реставрация»).

Начальный этап работы — это уточнение размеров утраченного текста. Эта работа проводится на основании уцелевших фрагментов (по числу кирпичей кладки определяется толщина стены, по количеству строк и букв, сохранившихся на части страницы и т. д.) Более сложным представляется случай, когда исследователь не располагает уцелевшими фрагментами. Тогда каждая из дисциплин, которые изучают конкретные виды источников, использует свои специфические методы.

Но существует и общий подход: сопоставление памятника и его описания в других источниках, а также метод сравнения памятников родственного происхождения. Так тексты многих документов восстанавливаются с помощью формуляра (определенного, строгого порядка следования частей текста). В наибольшей степени этот способ

развит в *дипломатике* (науке об актах). Дело в том, что по идущей от римского права традиции в каждом документе существовали строго регламентированные составные части (клаузулы), последовательность их размещения и даже формулировки. (Подробное описание метода, который называют историко-формулярным — в следующем разделе пособия).

Целый ряд подходов разрабатывается в таком направлении изучения письменных памятников, как *текстология* — наука о текстах (в данном случае имеются письменные памятники, текст — все то, что можно выразить в формах языка). Задачей текстологии является не только и не столько уточнение искажений текста, сколько выделение этапов развития текста.

Сознательное изменение содержания текста по определенным причинам называют *редакцией*. Среди этих причин могут быть:

-политические, религиозные или другие взгляды, симпатии, настроение составителя или нового редактора источника;

-большая осведомленность начального составителя или позднейших редакторов относительно каких-нибудь событий, о которых редактор узнал от более осведомленных людей;

-различия в мировоззрении эпох, что обусловило непонимание позднейших редакторов тех явлений, которые были хорошо понятным первоначальному составителю источника;

-возникновение ко времени нового редактирования источника новых фактов, проливающих свет на описанные ранее события;

-материальная порча подлинника источника, которая заставила нового редактора существенным образом переработать текст источника.

При наличии нескольких списков и редакций текста источника восстанавливать его первоначальный текст необходимо не только на основе правил грамматики и логически-смыслового анализа, но и с помощью сравнительного анализа их текстов. С его помощью восстанавливается первоначальный текст и все тексты, возникшие в процессе их переписки и редактирования. Одновременно устанавливается место, время и условия возникновения источника.

Для восстановления оригинала по текстам, сохранившимся в нескольких редакциях, сличают списки изучаемого источника, сопоставляют его основной и другие тексты. При этом изучают не каждый список в отдельности, а все сохранившиеся списки и редакции

сразу. Грамматическое и текстологическое исследование источников проводится не изолированно, а в их совокупности, то есть в составе всего произведения, в связи с другими современными им произведениями и в связи с деятельностью всех учреждений, в которых они создавались.

Рекомендуется исследовать источники не только с текстологической, но и со сравнительно-исторической точки зрения, то есть в тесной связи с политической и социальной обстановкой, в которой источники бытовали. Примеры подобного сравнительно-исторического анализа, когда источники изучаются с учетом социальных и политических взглядов их авторов, а при их публикации — и с учетом взглядов составителей сборников этих источников, приведены Н.Н. Улащиком в монографии «Очерки по истории источниковедения и археографии Белоруссии периода феодализма» (М., 1973).

Восстановление утраченного места в источнике, сохранившемся в одном списке, в текстологии называется *конъектурой*. Пока не будут найдены другие списки и нельзя будет проверить точность восстановления текста, конъектура считается не доказательством, а гипотезой. Когда будет доказано, что та или иная конъектура наиболее вероятна, степень доверия к ней будет больше.

При восстановлении утраченного текста используют пометки на полях — *глоссы,* внесенные в текст пометки и дополнения и пояснения к тексту переписчиков — *интерполяции*. Механическое соединение эпизодов из различных мест называется — *контаминацией*, целиком основанный на чужом материале текст — *компиляцией*.

Восстановление утраченных мест облегчается, если на ряду с подлинником имеется одна или несколько копий, в которых восстанавливаемое место воспроизводится без помарок.

В тех случаях, когда часть рукописи залита чернилами, полуистлела, перечеркнута, переправлена, для восстановления испорченных мест необходимо обращаться к новым методам фотоанализа, применяемым в специальных лабораториях. Особенно хорошие результаты дает съемка в длинноволновых инфракрасных лучах, способных проникать через лаки, краски, чернила, кожу, бумагу. Применение фотослоев с различной сверхчувствительностью и соответствующих светофильтров позволяет также обнаружить следы

исправлений первоначального текста и восстановить стершиеся знаки.

Вычеркнутые места прочитываются благодаря тому, что по истечении многих лет чернила письма и чернила зачеркивания бледнеют не одинаково. При фотографировании письма проступает собственный текст. Вычеркнутые слова вводятся в основной текст.

2.3.2.е. Установление сложного состава источника

Исправление грамматических ошибок, описок и прочих погрешностей, а также восстановление испорченных мест позволяет прочесть сохранившийся текст.

В тех случаях, когда до нас дошел не первоначальный текст, а более поздний список или одна из редакций источника, требуется определить их отношение к оригиналу, а затем по возможности восстановить историю текста и первоначальный авторский вариант.

В тексте могут быть и более значительные изменения оригинала. В одних случаях вносятся новые изменения, взятые из различных источников, в других производится переделка старого текста, его редактирование. Однако изменения в тексте не всегда можно обнаружить. Прямым указанием на сложный состав источника может служить попавшая в середину текста или помещенная в конце запись автора или переписчика о выполненной им работе. Запись монаха Лаврентия в конце Лаврентьевского списка позволила установить: имя составителя, место и время составления. Запись игумена Сильвестра, читаемая под 1116 г. в Лаврентьеской и Николаевской летописях, послужила одним из признаков для установления факта отдельного существования «Повести временных лет». Однако в большинстве случаев прямых указаний на изменение переписчиком или редактором первоначального текста нет. Тогда следует обращать внимание на косвенные данные.

Всякая неясность в выражении мыслей, нарушение хронологической или логической последовательности, внезапное прекращение рассказа о том или ином событии, изменение почерка, стиля, появление новой системы метрологии или хронологии, возвращение к первоначальному ходу изложения после некоторого периода — все это может дать материал для обнаружения вставки или редактирования текста.

В древних источниках весьма конкретно излагаются мысли, мало

обобщений, перечисляются факты, события, явления.

Несоответствие слога и стиля источника эпохе его создания может свидетельствовать о его подделке, а различие в слоге и стиле различных частей источника может говорить о его сложном составе.

При общем ясном чтении источника на *интерполяции* (вставки) или пропуски могут указывать:

-неясности выражения мысли в отдельной части источника;

-возвращение прерванной изложением постороннего факта мысли, когда факт не связывается логически с характером контекста;

-повторение одного выражения, если оно разделено изложением какой-нибудь мысли или сообщением о факте, которые не имеют прямого отношения к предмету;

-повторение одной мысли в различных выражениях, которое является неожиданным по ходу рассказа;

-внезапное прекращение рассказа о чем-нибудь и переход к иному предмету, оставляющее впечатление недосказанности.

Изменение в стиле может выразиться: в замене одних оборотов речи, типичных для всего источника, другими, не свойственными ему оборотами речи; в переходе от лаконичных фраз к длинным и наоборот.

Исследуя стиль и слог синодального списка первой Новгородской летописи, И.П. Сенигов обнаружил, что события до 1200г. описаны в нем одним лицом, с 1200 по 1234 гг. — другим, после 1234 г. — третьим. Это подтвердилось изучением текста списка.

Стиль новгородских летописей сухой, деловой, лишенный подробностей, характерен для города, в котором главным делом была торговля. Стиль Киевской летописи более поэтичен. Но иногда в новгородских летописях стиль меняется, встречаются выражения из Священного Писания, когда летопись вело духовное лицо.

В Псковской летописи отличаются друг от друга записи 1466-1470 гг., сделанные церковным слогом, от записей 1471-1477 гг., составленным светским слогом.

2.3.2.ж. Исследование происхождения исторического источника
1) Установление времени создания источника

Источник есть феномен определенной культуры: он возникает в конкретных условиях и вне их не может быть понят и интерпретирован. Он создается в определенной исторической

реальности и, возникнув, функционирует в этой реальности в соответствии с теми условиями (политическими, культурными, техническими), которые она ему устанавливает. Данный этап исследования по этому имеет целью:

1) установить, имел ли место данный исторический источник, как факт (создан ли в то время, в том месте и тем автором (авторами), которые в источнике указаны);

2) уточнить, что представляла собой та историческая социальная реальность, в которой он возник.

Без знания исторических условий нельзя решить вопросы новизны, уникальности или, наоборот, типологичности изучаемого комплекса источников.

Важнейшим конкретизирующим элементом при изучении происхождения источника является временная координата. Факт вне времени не может быть связан с реальным прошлым. Поэтому важным элементом процесса установления исторических фактов является их датировка.

Если мы изучаем публикацию, то для нас очень важно в какое время происходил отбор материала для публикации (например, после восстания 1863 г., после 1917 г., и т. д.). Установление даты источника очень важно в тех случаях, когда только по ней можно установить дату события, отобранного в источнике. Наконец, не редко именно дата источника представляется для нас наиболее ценной. Имеются в виду случаи, когда само по себе событие, о котором идет речь, хорошо известно и без данного источника, а исследователя интересует не сам факт, а только время его свершения.

Знание даты создания источника является важным условием для дальнейшего изучения, если этой даты нет, ее необходимо установить.

При определении даты создания источника следует тщательно учитывать все возможные сведения о нем. Историк должен не только установить время его возникновения, но и выделить из источника максимум временной информации. Чем больше сведений о ней будет, тем доказательнее будет дата, установленная на их основе. Важно также знать, откуда их получил автор источника, на каком этапе они попали в текст. Следовательно, необходимо предварительное текстологическое исследование источника.

Информация о времени в источнике не однородна. Она бывает прямой и косвенной, намеренной и ненамеренной.

Прямая информация отражает реальное историческое время через призму той системы счета лет, которая использовалась автором источника.

Косвенная информация о времени — это сведения о событиях, дата совершения которых известна или может быть установлена, но не измерена во времени.

Намеренная информация — это данные, которые рассматривались авторами как временные ориентиры, а *ненамеренная информация* — это те сведения, которые, объективно отражая историческое время, в прошлом не использовались как временные вехи.

Прямую информацию историк получает в виде *абсолютных дат*. Их изучает вспомогательная историческая дисциплина историческая хронология (один из разделов хронологии). Историческая хронология ставит перед собой две задачи: теоретическую и практическую. Первая состоит в изучении систем счисления времени в историческом развитии, выработке принципов перевода дат с одной хронологической системы в другую. Вторая заключается в реализации указанных выше положений для перевода дат, событий в современную систему летоисчисления, для определения и уточнения дат исторических событий.

Одной из наиболее распространенных систем исчисления больших промежутков времени является *календарь*, основанный на круге Солнца и Луны. Отличают солнечный, лунный и лунно-солнечный календари. Происхождение самого названия связано с тем, что в Древнем Риме должник платил проценты в первый день каждого месяца, т.е. календы. Один из древнейших календарей — лунный лежит в основе мусульманского календаря, лунно-солнечный — современного европейского, а солнечный — юлианского и григорианского календарей.

Первой естественной единицей счета времени лет, которую выделили уже первобытные народы были *сутки*, связанные со сменой дня и ночи — времени работы и отдыха. Позднее, обратив внимание на прохождение Луной различных фаз от одного новолуния до другого, выделили более крупную единицу измерения времени — *лунный месяц*. С фазами луны в значительной мере было связано установление следующей единицы времени — *семидневной недели*. Наконец, необходимость следить за сменой времени года вызвало к

жизни появление *солнечного года*.

Первый из распространенных на территории Беларуси календарей — *юлианский* ведет свой отсчет с реформы Юлия Цезаря (46 г. до н. э.). Однако окончательный вид он принял при преемнике Цезаря Октавиане Августе. За продолжительность года были приняты 365 1/4 суток: отсюда три года по 365 суток, а каждый четвертый год считался високосным (366 суток). Високосными считались и все годы, которые заканчивались на два нуля. Год был поделен на 12 месяцев. Седьмой месяц в честь Юлия Цезаря переименован в июль, восьмой назван в честь Августа. Семь месяцев содержали 31 день, четыре 30, один 28 (или 29 в високосном году). На Никейском Вселенском соборе 325 г. юлианский календарь был признан обязательным для всего христианского мира. На соборе также была закреплена и система счета лет — *индикт*, который определял место года в пятнадцатилетнем цикле исчисления.

Точность юлианского календаря превышала древний египетский (в котором ошибка величиной в одни сутки накапливалась за 4 года), но была не достаточной для того, чтобы избежать ошибки. Принятая в нем продолжительность среднего солнечного года превысила истинную настолько, что за 128 лет накапливалась ошибка в один день. В результате сроки действия весеннего равноденствия перестали совпадать с календарными, а это имело принципиальное значение для пасхальных расчетов.

Результатом многих поисков и дискуссий стал декрет папы Григория XIII, который устанавливал, что за 5 октября 1582г. должно следовать 15 октября, т.е. счет передвигался на 10 дней вперед, «утерянных» по юлианскому календарю. Основным отличием между календарями заключалась в системе счета високосных (366 дней) лет. Известный итальянский математик Луиджи де Лилио, исчисления которого легли в основу реформы, предложил считать впредь високосными только те вековые годы, которые без остатка делятся на 400. В результате 1700, 1800, 1900 были високосными по юлианскому календарю, но не являлись таковыми по григорианскому и в XX веке разница увеличилась до 13 дней (останется таковой по 2100 год). Хотя григорианский календарь тоже не был точным, его погрешность давала разницу в один день за 3280 лет.

Григорианский календарь первоначально был принят в католических странах. В 1584г. календарь был введен в Речи

Посполитой королем Стефаном Баторием, но в Великом княжестве Литовском он встретил неприятие и протесты. Причины такого явления были различны — магнаты и шляхта боролись за восстановление независимости княжества от Польши (Статут 1588г.). Протестанты (в княжестве получил развитие кальвинизм) как известно, говорили, что «лучше разойтись с Солнцем, чем сойтись с папой». Еще большее сопротивление введению нового календаря оказала православная церковь. Следует отметить, что введение календаря, однако, происходило постепенно, прежде всего, в сфере официального делопроизводства.

Все отмеченное выше предопределило то, что в источниках, созданных в XVII в. и даже XVIII в. на территории современной Белоруссии можно встретить употребление датировок в соответствии и с юлианским, и с григорианским календарем. Ситуация не изменилась в конце XVIII в., когда Беларусь была включена в состав Российской империи. Общепринятым был юлианский календарь. Ополяченная верхушка шляхты не желала признавать ни российскую власть, ни официальный календарь. Указанные расхождения стали преодолеваться после декрета Председателя СНК РСФСР В.И.Ленина от 31 января 1918 г., в соответствие с которым следующий день был уже 14-м февраля (как известно, православная церковь использует юлианский календарь до настоящего времени).

Счет лет можно вести более легко и точно, последовательно обозначая годы порядковым номером, начиная от определенной эпохи и бесконечно продолжая их. Исходный момент летоисчисления называется *эрой*. Счет по эрам был известен еще в древности: от первой Олимпиады (от 776 г. до н. э.), «от основания Рима» (с 754 г. до н. э.). В Византии получило распространение исчисление лет «от сотворения мира». Однако самой распространенной стала система счета лет от Рождества Христова. Она была введена в 525 г. римским монахом Дионисием Малым, «установившим» дату мифического рождения Христа. Характерной чертой данной системы является отсутствие нулевого года. Впервые в документах счисление от Рождества Христова стало употребляться в первой половине VII века. В договорах Смоленска, Полоцка и Витебска с Ригой и Готским берегом XIII – XIV вв. она получила уже широкое распространение. Распространение различных систем летоисчисления предопределяет сложности датировки средневековых документов.

Подсчеты усложняются еще и тем, что в зависимости от обычаев местной хронологической практики наступление нового года относили к разному времени (при этом в источниках не всегда отмечалось данное обстоятельство). От римской эпохи было унаследовано начало года с 1 января. Этот стиль как упоминалось, установил Юлий Цезарь. Христианская церковь не могла примириться с этой традицией, идущей от язычества. Но поскольку она сохранялась в гражданской жизни, церковь соединила с этой датой праздник, связанный с жизнью Христа, — Обрезание Господне. Широкое распространение этот стиль получил лишь в XVI в., под влиянием Реформации. Как можно видеть из опубликованного в 1869 г. М.О. Кояловичем «Дневника Люблинского сейма 1569 г.», этот стиль был известен и популярен в Речи Посполитой. В датировках он встречается уже с XIV в.

В Российской империи переход к началу года связан с началом 1700 г. Этот процесс в некоторых местах вызвал народные волнения. Так в Англии, где данное событие произошло в 1751 г. в связи с принятием григорианского календаря, толпа преследовала лорда Честертона, бывшего инициатором нововведений, и требовала возвращения «украденных» трех месяцев — того времени, на какое сократился 1751 г. в результате замены Благовещенского стиля начала года (с 25 марта), гражданским (с 1 января).

Благовещенский стиль, по которому начало года относили к 25 марта, был чрезвычайно популярен в средневековой Европе благодаря исключительно отмечавшемуся 25 марта праздника Благовещения. От него отсчитывалось земное пребывание Христа. Этот стиль зародился, по-видимому, в Италии, которая была к нему привержена дольше других стран. В IX — X вв. благовещенский стиль распространился во Франции, но во второй половине XI в. был несколько потеснен пасхальным стилем (новый год связан со сроками Пасхи), одновременно с которым употреблялись благовещенский и рождественский (новый год с 25 декабря). Довольно рано стиль от 25 марта стал известен в Англии и в качестве «официального» охранялся там до 1751 г.

В Византии новый год начинался с 1 сентября. Восточнославянские народы, приняв христианство от Византии, заимствовали систему счета лет от Сотворения мира, но сохранили свой отсчет начала года (с 1 марта) — отсюда название мартовский год. При этом появляются будто два года — мартовский (начинался

шесть месяцев спустя византийского года) и ультрамартовский (начинался на шесть месяцев раньше сентябрьского года). Ультрамартовские датировки появляются в начале второго десятилетия XII в. (Лаврентьевская летопись). Заимствуя сведения из византийских источников, летописцы не всегда уточняли расхождения.

Встречая различия в системах счета лет, таким образом, необходимо обязательно установить, как определялось начало года. И тогда разница между стилями не всегда будет одинаковой. Например, общепринятое отличие систем от Сотворения мира и Рождества Христова 5508. С учетом начала года это может быть для разных месяцев:

1) сентябрьский год: 5508 для дат с 1 января по 31 августа, с 1 сентября по 31 декабря — 5509,

2) мартовский год: 5507 с 1 января по 28 (29) февраля и 5508 с 1 марта по 31 декабря,

3) ультрамартовский год: 5508 с 1 января по 28 (29) февраля и 5508 с 1 марта по 31 декабря.

Таким образом, установление прямой временной информации очень сложная проблема. Но даже если имеются такого рода сведения необходимо подтвердить, уточнить их с помощью косвенных данных.

Некоторые события совершались в старину в строго определенные дни. Например, пострижение в монастырь проводилось в воскресные дни, и имя монаха давалось по имени святого, память которого тогда отмечалась. Церкви освещались также по воскресеньям.

При установлении даты создания источника и другого исторического факта учитываются циклические природные явления, астрономические явления: солнечные и лунные затмения, явления кометы, полярные сияния.

Можно учитывать в подобных случаях связь отдельных процедур с различными сезонами. Известно, что определенные сельскохозяйственные работы производились с весны по осень, добыча и плавка железной руды — осенью и зимой, строительство домов с мая по ноябрь, поездки за полюдьем — зимой, тогда же совершались и походы по болотистым местностям. Наименее благоприятным для поездок было время весеннего разлива рек.

Браки обычно заключались весной (особенно на Красную горку

после Пасхи) или осенью, по окончании полевых работ. Часто их заключали в храмовые праздники.

В датировании источника, не имеющего прямых указаний на время создания, можно выделить два основных способа: по сопутствующим данным и по содержанию самого источника. Сопутствующие данные могут быть различными. Это почтовый штемпель на конверте, штамп регистрации входящего документа, пометка на документе, указание на получение такого документа в других источниках, отчет о действиях в связи с полученным приказом, на котором время отправления или получения не указано, сравнение соответствующих источников, которые исходили из вышестоящих инстанций, взаимодействующих частей и соединений и т. д.

В решении этой задачи существенное значение имеет также изучение содержания документа, в частности обнаружение косвенных указаний на время составления источника (например, по сообщениям по сложившейся обстановке, упоминаниям географических пунктов, определенных лиц, занимавших конкретное, известное исследователю служебное положение и т. д.).

Конечно, дата отправки документа по почте и тем более дата его получения адресатом не всегда буквально совпадает с датой написания, но все же, как правило, представление, и довольно точное, о ней дает.

К датированию по сопутствующим данным можно отнести установление времени создания источника по другим источникам, в которых первый упомянут и которые сами имеют дату. Так, иногда сообщения о вспышке эпидемии холеры в отдельных местностях Российской империи, составленные малограмотными должностными лицами на местах, дат не имеют. Их можно датировать при помощи датированных донесений местной полиции, получавшей сообщения, в вышестоящие инстанции (Центральный государственный исторический архив России в С.-Петербурге. Фонд 1301 Медицинского совета, созданного для пресечения эпидемической болезни холеры, 1830-1831 гг.).

Иногда исследователь имеет возможность определить дату документа и по его содержанию, и по сопутствующим данным (если ошибочно датируют документы его публикаторы).

Среди этих косвенных сведений немало дают для исследователя имена, упоминаемых в тексте исторических лиц и указание на их

титул, звание, должности.

В большинстве случаев в отношении ранних периодов истории устанавливаются хронологические пределы, в рамках которых мог быть составлен источник или произошло историческое событие.

Один из древнейших подлинных источников Древней Руси — «Грамота великого князя Мстислава Владимировича и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю на село Бунцы, полюдье и серебряное блюдо» не имеет даты. Но известно, что Мстислав занимал Киевский престол с 1125 по 1132 г., а Всеволод был тогда наместником. Следовательно, грамота создана в 1125 – 1132 гг.

В «Слове о полку Игореве» как о живых говорится о Ярославе Осмысле Галицком и Владимире Глебовиче Переяславском, умерших в 1187 г. А поход состоялся в 1185 г. Следовательно, «Слово» составлено между 1185 — 1187 гг.

Датировке в подобных случаях помогает знание титулатуры, упоминаемых в источнике лиц. В «Житии Александра Невского» упоминается имя митрополита Кирилла III с эпитетом «господин», применявшимся только к живым митрополитам. Известно, что Кирилл умер до 1281 г., следовательно, «Житие» составлено до этого времени.

Текст «Летописца Переяславля Суздальского» окончен записью под 1214г. Но в нем есть сообщение о молитве автора «Летописца» о ниспослании потомства князю Ярославу Всеволодовичу. Известно, что первый сын князя родился в 1219 г. Следовательно, «Летописец» составлен не позднее 1219 г.

До нас дошла копия XVI в. «Слова о посте к невежам». Но в нем упомянуты половцы, а не татары. Следовательно, он составлен до нашествия татар 1237 – 1238 гг. А поскольку в источнике упомянуты монастырские правила, соответствующие Иерусалимскому уставу, который стал распространяться на Руси в XIII в., «Слово» не могло быть составлено до начала XIII в.

При датировании источников по именам, упоминаемых в нем исторических лиц, приходится опираться на справочные материалы: хронологические и родословные таблицы, геральдические словари, биографические, географические, энциклопедические словари, а для нового и новейшего времени, кроме того, словари псевдонимов, некрополи, адрес-календари, памятные книжки губерний, адресные справочники и книги, телефонные справочники и т.д.

Время возникновения исторического источника может быть установлено по упоминаемому в нем событию, дата которого известна.

Белорусский дворянин И.С. Пересветов подал малую челобитную на имя Ивана IV спустя 11 лет после переезда на Русь. Царь «приказал» его боярину М.Ю. Захарьину, который умер в октябре 1539 г. Следовательно, Пересветов подал челобитную в 1549 г.

Точная дата «Новой повести о преславном Российском царстве» неизвестна. Из текста источника видно, что его составитель знал о событиях октября-декабря 1610 г.. Но он ничего не сообщил об освободительном движении городов, наоборот, упрекнул города в бездействии; ничего не сообщил о мероприятиях патриарха Гермогена против действий воинских отрядов из Великого княжества Литовского, которые должны были бы его интересовать, судя по теме сочинения. Но со слов авторов сочинений о современных «Новой повести» событиях белорусского шляхтича С. Маскевича и Катырева-Ростовского видно, что Гермоген начал решительно действовать в декабре 1610г. В январе 1611 г. на его призывы откликнулся Нижний Новгород. Автор «Новой повести» мог бы умолчать о деятельности Гермогена из боязни повредить ему, но подобных оснований для умолчания относительно движения в Нижнем Новгороде у него не было. Наоборот, ему было бы выгодно сказать о начавшемся движении городов. Вот почему С.Ф. Платонов и считал, что «Новая повесть» составлена во второй половине декабря – начале января 1611 г.

Другим приемом в таких случаях является учет цитат встречающихся в источнике, дата которого подлежит проверке или неизвестна. Обнаружив в источнике цитаты из других источников, датировка которых хорошо известна, можно определить, раньше какого времени не мог быть составлен изучаемый источник. Другими приемами можно установить время, позже которого источник не мог появиться.

Еще одним приемом может быть поиск датировки источника, который был ответом или откликом на содержание данного недатированного источника (письмом, указом и т. д.) Некоторые сведения о времени возникновения исторических источников можно извлечь из содержащихся в них данных метрологии и денежного счета.

При датировке исторических источников широко применяются данные палеографии. Наблюдения над изменениями внешних признаков рукописи, то есть материалов, на которых и которыми она писалась, почерка, переплета и т. п., помогают прочесть ее и установить время возникновения.

Материалом, на котором писали, были пергамен, а с первой половины XIV в. бумага. Пергамен после изготовления быстро шел «в дело». Правда, известна практика использования пергамена для так называемых палипсестов, возникавших в результате соскабливания верхнего слоя пергамена и написания на нем нового текста.

Имеется ряд способов определения время изготовления бумаги. На рубеже XVIII – XIX вв. в употреблении была толстая синеватая бумага. Наиболее точным из этих способов является определение по *водяному знаку* или *филиграни*, то есть знаку или рисунку, который можно увидеть при просвечивании бумаги. Эти знаки соответствую той проволочной сетке, на которую выливали тряпичную массу, чтобы получить бумагу. Водяные знаки применялись для обозначения фабрики, сорта бумаги и ее стоимости. Для водяных знаков бумаги выбирались различные сюжеты: изображения зверей, птиц, предметов, гербы, имена и фамилии бумажных фабрикантов, их инициалы и т. д. Большинство водяных знаков изменялось со временем. Исследователи научились определять время возникновения и бытования каждого водяного знака.

При помощи водяных знаков устанавливается дата, раньше которой рукопись не могла возникнуть. Не исключено, что рукопись писалась на бумаге, которая лежала без употребления не один десяток лет. Однако исследователи установили, что бумага использовалась обычно через два – пять лет после ее изготовления и редко залеживалась дольше шести, самое большее – десяти лет. Следовательно, филиграни позволяют надежно устанавливать время создания рукописи в пределах двух – шести лет.

Определить время и место изготовления бумаги, имевшей распространение на Беларуси помогают справочники А.А. Гераклитова, С.А. Клепикова, М.Н. Кукушкиной и др. (М.В. Кукушкина. Филиграни на бумаге русских фабрик XVIII – начала XIX века. М., 1958. С.А. Клепиков Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII – XX вв. М., 1959. А.А. Гераклитов. Филиграни XVII века на бумаге рукописных и печатных

документов. М., 1963).

Так, например, на бумаге конца XIII в. можно увидеть водяной знак креста с кольцами на концах линий, на бумаге XIV в. — два круга, пересеченные линией, кувшин, кораблик, олень, на бумаге XV в. — три горы с крестом, ножницы, папу в тиаре, два ключа, петуха, на бумаге XVI в. — перчатку, свинью, голову быка, на бумаге XVII в. — голову шута, герб Амстердама, орла, рожок, на бумаге XVIII в. — двуглавого орла, московский герб и т.д.

Определенные указания на время создания рукописей могут дать анализ чернил и красок, формат, переплет и застежки рукописей, характер графики письма, данные изучения печатей и гербов, данные грамматики и орфографии.

2) Установление места возникновения источника

При изучении источников важно установить место их возникновения. Это дает возможность выяснить конкретные условия его появления на свет и позволяет правильно оценить значение источника. На официальных документах чаще всего имеется указание на место их составления. Если этого нет, место составления источника определяется по косвенным признакам в результате изучения его содержания или сопоставлений с родственными ему источниками.

Установление местности в которой возник источник, в ряде случаев позволяет ответить на вопрос о дате его создания, точности прочтения текста и уяснения его смысла.

Вначале осуществляется анализ прямой пространственной информации. Этому помогает специальная дисциплина — историческая география.

Историческая география рассматривает имеющиеся в источнике прямые данные о месте их возникновения или совершении исторических событий, о местонахождении поселений, маршрутов, торговых путей, походов, путешествий.

Важнейшим прямым указанием места совершения исторического факта, являются *топонимы* — собственные имена географических объектов. Топонимы обладают в речи назывной функцией, однако имеют и смысловую нагрузку, которая нуждается в выявлении из-за своей закодированности.

Место возникновения источника определяют не по современным,

а по *историческим картам*. Историческая география, отражая изменения жизни, в разные исторические периоды меняется.

Географические названия создавались постепенно из разновременных и разноязыких элементов. Географические пункты меняли свои названия или имели различные названия на различных, даже родственных языках. Некоторые из них по несколько раз переходили из состава одной территориальной единицы или государства в состав другой. Известны случаи, когда географические пункты меняли местоположение, а поселения возникавшие через какой-то срок на старом месте получало новое наименование. Даже природа под влиянием времени и преобразовательной деятельности человека изменяла свой облик.

Для уточнения названий населенных пунктов и других топонимов стран Центральной и Восточной Европы (от Финляндии на севере, Чехии на западе и до Греции и Кипра на юге), может быть полезным «Словарь местных названий Центральной и Восточной Европы XIX и XX веков. (Современные и исторические названия городов и других наиболее важных местностей на двадцати четырех языках)» Х. Батовского, изданный в Варшаве в 1964г. Подавляющее большинство упомянутых в словаре географических названий относятся к территориям, входившим в состав Российской империи и СССР.

Иногда легко установить место появления источника, например, в заголовке Псковской судной грамоты сказано, что она принята «всем Псковом на вечи». Слово «Псков» — это так называемый *ойконим*, то есть название населенного пункта. Но если Псков легко найти на карте, не столь легко определить в каком городе была составлена грамота короля Сигизмунда Августа киевским мещанам, отправленная в 1567 г. с указанием: «писан у Петрыкове». Местечко Петриков находится в Белорусском Полесье (ныне в Гомельской области). Но точно так же украинцами и белорусами назывался польский город Петрыкув-Трыбунальский, в котором собирался ежегодно высший суд (коронный трибунал) для северо-западной части Польши или Великопольши. Украинская шляхта в 1576 г. представила свою челобитную королю Стефану Баторию о том, чтобы королевские указы к ней писались по-украински, а не по-польски. На челобитной есть помета: «составлена в Браславе» (Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1848. Т.3. С. 188.). Но есть два города со схожим названием: Брацлав на Украине, и Браслав в Беларуси.

Поэтому вопрос о локализации этих «Петрыкова» и «Браславля» требует уточнения. В первом случае, конечно же королевская грамота была составлена не в полесской глуши, а в польском городе, в который часто вынужден был приезжать король для решения государственных дел. А во втором случае, поскольку речь идет об Украине, имеется в виду не Браслав, находящийся на севере Беларуси на границе с этническими Латвией, Литвой и Великороссией, а воеводский центр Брацлав в нынешней Винницкой области Украины.

Из приведенных примеров видно, что ойконимы многократно повторяются. Одинаковые названия населенных пунктов есть во всех восточнославянских землях.

Повторяются на разных территориях и названия рек (*гидронимы*) — Двина, Буг. Есть Северная и Западная Двина, Западный и Южный Буг, но протекают они в разных землях.

Не полные указания в тексте затрудняют локализацию написания источника. На письмах Петра I второй половины августа есть пометы, что их отправляли из «Расна» (Расны), «ис Краснова», «из Веприна», «ис под Чирикова» (Черикова), «из Лобжи». Все эти селения и местности к востоку от белорусского города Могилева. Но чтобы локализовать эти ойконимы, надо знать в какой местности Петр I в это время находился.

Топонимы изучает специальная научная дисциплина *топонимика*. Она сформировалась на стыке языкознания, истории и географии.

На род или вид географического объекта, который предстоит локализовать указывают географические номенклатурные (нарицательные) термины (*индикаторы*). Они обозначают географические реалии: реку, озеро, степь, город, село, дубраву и т.д., (например: Новгород, Острог, Белая Вежа и т. д.). Всегда требуется представление о том, что скрывается за термином. Например, слово «город» означало в Древней Руси не то, что с XVI в. (ремесленное, торговое поселение), а огороженный населенный пункт или крепость. «Слобода» — пункт, жители которого пользовались льготами или свободами (например: «Красная Слобода»). Городищем называли запустевшее село, или город, или поселение на заброшенном месте. Отсюда происходит название «Погорелое Городище» и др.

Название сел имеют окончания среднего рода, городов — мужского рода (Курск, Минск, Шарукан, Рязань). Возникали по названию церквей и праздников так называемые *эклезионимы* (с.

Благовещеннское, Воскресенское, Покровское и т. д.). В честь святых давались так называемые *аннотононимы* (Варсонофьевское, Варфоломеевское и т. д.). Но их можно смешать с так называемыми *патронимическими* и *антротононимами* - названиями населенных пунктов от имени жителя данной местности («Осиповичи», «Дедовичи», «Пуховичи»). Чаще всего восточнославянские патронимические топонимы с окончанием «ичи» встречаются в Беларуси, но их можно обнаружить и в Псковской области. Больше для локализации таких географических названий дают *поссесионимы* — названия населенных пунктов или других географических объектов по фамилии или прозвищу их владельцев. Таковы подмосковные названия «Алабышево», «Стербеево», «Свиблово», «Челобитьево», или всем известные «Ярославль», или «Ярослав», «Радонеж», «Бориславль», «Брячиславль» (позже «Брацлав», «Брасла») и др.

Прямых пространственных указаний не всегда достаточно для определения места возникновения источника. Тогда приходится обращаться к *косвенным пространственным данным.* Среди них видное место занимают *этнонимы* — названия племен и народов. Летописцы употребляли названия этносов как пространственные ориентиры, например: «путь из Варяг в Греки», «прибежа в пустыню межю Ляхы и Чехы» (между «Поляками» и «Чехами»).

Этноним бывает устойчивее самой этнической группы, давшей ему название. Название той или иной области в Древней Руси было чисто историческим, а не языковым. Новое население получило этническое наименование занятой территории уже в готовом виде и не имело отношения к предшественникам (Ливония, Самоядь — не саами, а ненцы и канасаны; остяки — ханты, также кеты и селькупы, тунгусы — не только эвенки).

Встречается исследователь с *топоэтнонимами* — названиями этносов, полученных в результате переноса названия местности на этническую общность. Таковы названия: «полочане», «галичане», «египтяне». Встречаются и названия населения по месту жительства *катойнонимы*: «персиянин», «тверитин», «рязанец». Например, автор описания битвы между Дмитрием Донским и Мамаем Софроний «Рязанец» — вероятно, писал свою «Задонщину» не в Рязани, а в другом месте, иначе бы не подчеркивалось его происхождение.

Упомянутые в источнике *аллоэтнонимы* или *энзоэтнонимы* (названия этноса, данные ему соседними или иными этносами), также

дают ценную информацию. Они используются, если не совпадают с самоназванием народов или *автоэтнонимами* (*эндоэтнонимами*). Таковы приложенные к автору источника названия типа «немец», «финн», «самоед», свидетельствующие о том, что источник был создан за пределами проживания представителей данной этнической группы. Ведь финский или немецкий автор не будет сам себя называть «финном» или «немцем».

Автоэтноним тоже может быть локализующим признаком. В «Повести временных лет» упомянуты финские этнонимы «весь» и «сумь» то есть самоназвания определенных этнических групп «вепси» и «суоми». Их упоминание в источнике говорит, что текст создавался, переписывался или редактировался за пределами проживания этих этнических групп.

Локализующими признаками могут быть личные имена, образованные в результате перехода географических названий в определяющие личность названия. Часто они свидетельствуют о происхождении человека из определенной местности, например: «Иван Литвинцов», «Петр Мстиславец», «Семейка Ярославец», «Василий Тюменец».

Орфография источника может отражать фактические особенности говора автора, переписчика или редактора. В текстах, создававшихся в северных русских землях, «ц» смешивается с «ч» («чвет» вместо «цвет»), в псковских — смешиваются «с» и «ш» (Перши — башня в Псковском Кроме (Кремле) вместо принятого в других местностях «перси» («грудь»). В белорусских и волынских текстах смешиваются буквы «в» и «у», что характерно для украинского и белорусского языков.

Место возникновения источников помогают установить содержащиеся в их текстах данные метрологии и хронологии.

Локализации происхождения источника может помочь и *метрологическая терминология*, обозначающая местные единицы измерения. Так, в Новгороде земля измерялась «коробьями» и «обжами», в Вологде — «плугами», в Двинской земле — «веревками» и т. д.

В *орнаменте* рукописей можно заметить определенные территориальные различия. Изображения апокалиптических чудовищ — льва, медведя, барса, изображения человеческих фигур в сценах повседневной жизни, скоморохов имеют местные отличия.

Установлено, что балканский орнамент в рукописях проникал и на восточнославянские земли, в частности, на Беларусь.

Цвет фона *инициалов* в различных областях был различным. В Новгороде он был синим и голубым, в Пскове — зеленым или синим, в Рязани — зеленым: в зависимости от преобладания в той или иной местностях тех или иных красителей.

Изображения человека в новгородских рукописях давались в профиль, а в псковских в анфас. И даже переплеты книг изготовлялись по-разному: на севере — из сосновых досок, в средней полосе — из липы, березы, дуба.

Синтезировать пространственную информацию приходится, используя первоначальный вид географического названия, и объяснить его изменение и варианты, встречающиеся в источниках.

Следует учитывать не только графическое тождество, но и тот географический «контекст», в котором существует данный топоним и который был отражен в источнике. В таком случае выясняют как можно большее количество различных топонимов, в ряду которых упоминается искомый пункт, а также все возможные климатические, фенологические, топографические ориентиры, которые помогают установлению истины. Использование подобных сведений помогает отобрать из ряда одинаково звучащих, но соотнесенных с различными объектами названий тот топоним, который интересует исследователя. Только дополнительные данные позволили установить, что в «Поучении Владимира Мономаха» упоминается Остерская Белая Вежа на реке Остре, а не Двинская Белая Вежа Саркел.

Идентификации объектов по существующим топонимам помогают специальные разъяснения и уточнения авторов источника. В «Сказании об ослеплении Василька Теребовльского», включенном в «Повесть временных лет», автор «Сказания» галичанин Василий отметил: «Ведоша и (Васильке) Белугороду, иже град малъ у Киева яко десять верст в дале». Такое прямое указание давалось для читателей, которые были не знакомы с описываемой местностью. Наряду с уточнением, которое позволяет установить расположение Белгорода, в этом предложении содержится косвенное указание на то, что «Сказание» создавалось вне Киева. Топонимы исчезали вместе с носившими их населенными пунктами, покинутыми жителями, высохшими водоемами, заброшенными дорогами. Географические названия стирались из памяти людей вместе со следами объектов,

которые они обозначали. Географические пункты, водные и сухопутные пути могли продолжать существовать, но исчезали их старые имена, данные прежними жителями или господствующей верхушкой населения. Эти названия изменялись новыми поселенцами, пользовавшимися другим языком, или местными жителями, освободившимися от иноземного ига. В этих случаях старые, забытые названия географических объектов теряли свою адресную функцию, а вместе с тем и «привязку» к определенному месту.

При работе с такими топонимами возникает необходимость их *локализации*, то есть отнесения к определенному месту на исторической карте, установления, к какому известному географическому пункту относится данное географическое название. Локализовать топоним нужно и при отсутствии прямых указаний на место совершения событий или работы автора по созданию источника.

Основанием для локализации источника может служить упоминание места совершения событий, описываемых в нем. Это возможно, если автор упоминает о том, что он был их участником или очевидцем, если ему известны детали происходившего, если он может тщательно описать место, или если он особенно внимателен к описываемой территории и тому, что происходит на ней.

Авторские разъяснения, касающиеся местных обычаев, географических названий и др., могут судить о том, где находился предполагаемый читатель данного источника.

Приблизительно установив территорию, на которой происходили изучаемые события, исследователь получает дополнительные основания для окончательной локализации топонимического материала, утратившего свою адресность.

Более или менее точная пространственная “привязка” наименований к конкретным поселениям в приблизительно известных границах связана с дотошной работой по изучению истории населенных пунктов данного района.

Исследователь не редко получает информацию, без которой не может решить, с каким именно пунктом связано донесенное до него географическое название, уточняя вопросы, связанные с появление селения, его первичной владельческой принадлежностью, переходами от одного владельца к другому.

На заключительном этапе локализации исследователь уточняет свои выводы о причине выбора данного названия, его происхождении,

смысловом содержании и этимологии, имея пред собой географический объект. При локализации топонимов, связанных с объектами, прекратившими свое существование, лучшим подтверждением истинности полученных результатов может служить археологическое обследование местности.

Определению маршрутов торговых и военных путей (а их маршруты обычно совпадали) помогают топонимы, этимологически связанные с путевыми терминами. Обычно состав дрононима (собственного имени пути сообщения) входит название обоих или одного из пунктов, которые связывает данная дорога: путь из Варяг в Греки, Селигерский путь, Смоленская дорога и т. д. Это облегчает локализацию. Установив общее направление пути сообщения, исследователь должен попробовать выявить в источниках названия пунктов, через которые он проходил. Если такие прямые указания отсутствуют, приходится выявлять на исторических картах топонимы, в состав которых входили термины связанные с передвижениями.

Часто бывает необходимо установить не только направление движения, но и расстояние, которое было пройдено. Прямые указания такого рода переводятся в метрическую систему мер с помощью специальной исторической дисциплины — метрологии, изучающей системы измерений. Метрологам удалось лишь приблизительно установить метрическую величину верст и поприщ, употреблявшихся для изменения больших расстояний в русских источниках XI – XV вв. При переводе упоминающихся в источниках XVI – XVII вв. верст в километры, следует помнить, что речь могла идти о верстах и межевых (тысячесаженных), и путевых (в пятьсот сажей). Еще более затрудняет исследование текст, в котором приведены неопределенные меры расстояний (дни пути и др.).

В случаях, когда в источниках расстояния указаны в «днях пути», приходится учитывать не только маршрут, но и скорость движения. Среднюю величину суточного пешего хода рассчитывают в 25-30 км, по другим данным 40-45 км. Форсированный пеший переход мог составлять 75-80 км в сутки.

Сведения о среднем расстоянии, которое за день преодолевал всадник, рассчитывается от 50-60 км до 75-85 км (в исключительном случае до 100–125 км) в сутки.

Скорость передвижения по таким рекам, как Днепр и Дон, при спуске вниз составляла 70–90 км в день, при подъеме вверх — по 30

км в день. Средняя скорость передвижения по морю 35–60 км в день, а с конца XVII в. на крупных галерах до 100–150 км. При попутном ветре скорость крупных парусников достигала 300 км в сутки.

Границы владений крупных феодальных семей можно установить по посессивным ойконимам, отразившим имена владельцев поселений.

Границы между владениями можно определить по географическим терминам типа «Межа», «Рубеж», «Слобода».

Одного какого-то косвенного признака для решения задачи об определении места возникновения источника не достаточно.

3) Проблема авторства источника (атрибуция)

Специфика гуманитарного познания заключается в том, что в процессе «источниковедческого анализа» происходит «встреча двух индивидуальностей» (М.М. Бахтин) — творца и исследователя. При этом второй должен определить и понять тот смысл, который вкладывал в данное произведение создатель источника. Но прежде необходимо установить имя автора источника. Знание имени автора или составителя источника позволяет точнее установить место, время и обстоятельства возникновения источника, социальную среду, в которой он возник. Масштаб личности создателя произведения, степень завершенности произведения, цель его создания – все эти параметры определяют совокупность информации, которую можно почерпнуть из него. «Увидеть и понять автора произведения – значит увидеть и понять другое, чужое сознание и его мир, то есть другой субъект», — писал М.М. Бахтин.

Таким образом, как при датировке, локализации, так и при атрибуции (установление тождества личности) решаются две взаимосвязанные задачи:

1) установить, принадлежит ли данный источник тому автору, который прямо или косвенно указан в источнике

2) уточнить факторы, повлиявшие на степень соответствия информации источника реальным фактам действительности и определить формы и методы интерпретации источника.

Прямые указания на автора. Важным основанием для установления тождества личности (или атрибуции) является прямое

указание собственного имени человека или *антротопонима* (личного имени, прозвища, клички, отчества, фамилии, псевдонима).

В личном имени в древний период нашей истории различали *каноническое* (крестное, монашеское или схимническое) и *неканоническое* имя. Так, русские князья традиционно имели и христианские и языческие имена. Христианское (каноническое) имя определялось преимущественно православным календарем, славянское же чаще давалось от имени отца и деда. Соответственно, существовал довольно небольшой набор княжеских имен (на территории Полоцкой земли, например, это Владимир, Всеслав, Брячислав, Рогволод, Глеб). В результате, как отмечает Э.М. Загорульский, — временами складывается представление, что действуют разные князья, в то время как на самом деле это одна и та же личность.

Так великий князь черниговский Мстислав Владимирович Храбрый (1024-36) имел и другое имя – Константин Васильевич, князь Олег Святославович, прозванный Гориславичем (1078, 1094-96) в крещении Михаил Николаевич.

Если имена давались от рождения (отсюда даже магическое значение имени), то прозвища человек чаще приобретал при жизни (иногда в наследство). *Прозвище* отражает свойства или качества личности (Смелый, Белый, Темный), род занятий (Кузнец, бел. – Каваль), территориальное или этническое происхождение (Литвин, Чудин). Иногда они приобретали оскорбительный характер (Козел, Жаба) и довольно часто позже были положены в основу фамилий.

Фамилии – наследуемые официальные наименования, указывающие на принадлежность к одной семье, которые распространяются по отношению к феодалам примерно с конца XIV в. У белорусов и украинцев двойные фамилии. У шляхты — название герба. Таким образом, установление фамилий тесно связано с использованием методов геральдики и генеалогии.

Геральдика (от позднелатинского слова heraldus – глашатай, герольд) изучает гербы как специфические исторические источники. Герб – символический знак отличия отдельных лиц, фамилий, родов, государств, учреждений и т. д. Гербы также имели различные средневековые ремесленные корпорации (цехи, гильдии и др.) Говорить о распространении геральдики и складывании ее как

системы можно уже с XII в. Уже в 1320г. издается древнейший справочник по геральдике – «Цюрихский гербовник».

Генеалогия (от греч. слова genealogia – родословная) исследует происхождение и родственные связи исторических лиц, родов, фамилий. Очень тесно связана и со сфрагистикой (изучающей печати) и геральдикой. Так одним из лучших трудов по генеалогии Великого княжества Литовского считается гербовник В. Виюка-Кояловича, созданный во второй половине XVII в. (подготовленный и изданный в 1897г. Ф. Пекасинским. – Kojalowicz W.W. Herbarz zycestwa W.X. Litewskiego, tak zwany Conpendium… Krakow, 1897).

Генеалогия имеет тесную связь и с антротопонимикой (частью ономастики, изучающей имена собственные). Имена собственные служили, в том числе, отличию одной личности от других людей, поэтому приобретение имени рассматривается как составная часть в процессе видения рода и, безусловно, связана с начальным периодом любой генеалогии. (См.: Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. Спб, 1886).

Из прямых указаний на автора следует далее отметить *отчество* – патронимическое прозвище, которое указывало на принадлежность к роду, а позже на социальную принадлежность (в Российской империи употребление отчества зависело от титула).

Наибольшую сложность представляет атрибуция повествовательных источников средневековья, значительная часть которых анонимна. Это определялось, в первую очередь, своеобразием средневекового мировоззрения. По мнению М.И. Сухомлинского в основе «постоянного удержания своего имени в неизвестности лежит убеждение, ставившее мысль… выше личности автора» [См.: Сухомлинский М.И. О псевдонимах в древней русской словестности // Исследования по древнерусской литературе. Спб. 1908. Отделение русского языка и словесности Имп. Академии наук. Т. XXXV, №1. С. 441 - 443.]

С XVI – XVII вв. стали утверждаться иные представления об авторском праве. Тем не менее, авторы отдельных публикаций и рукописей скрывали свои имена по различным социальным, политическим и иным мотивам. Анонимность произведений – характерная черта произведений и более позднего периода. Ярким примером по отношению к белорусской литературе XIX в. всегда называли поэмы «Тарас на Парнасе» и «Энеида наизнанку».

Задача атрибуции во многом упрощается, если знать хотя бы псевдоним. Однако следует помнить, что одним псевдонимом могли пользоваться различные лица. Если говорить о литературе периода средневековья, то практика псевдонимов была следствием потребности апелляции к известным обществу авторитетам. В историографии широко известны своего рода издержки, связанные с необычайной популярностью таких имен как Василий Великий или Иоанн Златоуст, Кирилл Философ или Феодосий Печерский. А.Д. Седельников подчеркивал, что даже присутствие имени автора, встречаясь на общем анонимно-псевдонимном поле зрения, не только не спасает непременно от ошибок, но и самостоятельно способно вызвать ошибку. (Цит. по: От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства. М. 1994. С. 6.)

Часто чужой псевдоним использовался сознательно, чтобы ввести читателя в заблуждение, наделив владельца псевдонима теми взглядами, которые ему не были свойственны. При определении псевдонима исследователю помогает знание круга возможных авторов источника и тщательный отбор всех доводов за или против предлагаемого автора (см. Дмитриев В.Г. Скрывшие свое имя. М. 1980). К прямым данным, характеризующим автора можно отнести также указание его пола, возраста, происхождения, чина, сана, должности, его групповой принадлежности.

В случае отсутствия прямых указаний исследователь вынужден обращаться к косвенным данным. К косвенным данным можно отнести общепринятые обращения к тому или иному должностному лицу. Для идентификации могут быть привлечены данные фалеристики, которая изучает награды. В Российской империи, затем (со второй мировой войны) в СССР виды и степени орденов, которыми награждались представители различных светских и духовных лиц находились в строгом соотношении. Необходимые интересующие данные можно получить из косвенных данных, предоставляемых историей государственных учреждений, и специальной исторической дисциплиной сфрагистикой (изучающей печати).

Выявление авторских особенностей довольно часто осуществлялось путем фиксации внешних деталей авторского стиля, присущих тому или иному человеку, и, в частности, любимых слов,

терминов, а также фразеологических оборотов и выражений (авторского стиля).

Широкое распространение при установлении авторства получила теория стилей, значительный вклад в разработку которой внес В.В. Виноградов. Суть ее в выявлении стилистических особенностей произведений каждого автора (как художественных произведений, так и других видов исторических источников). Согласно системе В.В. Виноградова определяющими показателями общности стиля являются лексические и фразеологические признаки, а затем грамматические. При этом необходимо учитывать опасность принять социально-групповое или жанровое за индивидуальное. Ибо соответствующий набор слов может быть типичным не только для индивидуального писателя, но и для целой группы представителей того или другого жанра в литературе того времени [См.: Виноградов В.В. Лингвистические основы научной критики текста// Вопросы языкознания. 1958. № 3. С. 10; Он же. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961]

Использование такого подхода довольно часто осложняется тем, что довольно часто автор подражает, являясь обычными компилятором. Последнее, особенно характерно по отношению к литературе средневековья, когда многочисленные цитаты лишали текст индивидуальных черт и не способствовали осознанию собственного авторства. Очень многие авторы произведений данного времени строили повествование, опираясь на чужие мысли и высказывания, заимствованные преимущественно из канонических текстов христианского православия. Существовали даже своего рода «формулярники» – тексты, служившие образцами для сочинения произведений определенного жанра.

Кризис традиционных методов атрибуции исторических источников привел к тому, что в 1960 – 1970-е гг. постепенно стало нарастать число исследователей, разрабатывавших методы статистики применительно к лексикографии, а также к грамматике (См.: Статистика текста. Т.1. Мн., 1969; Арапов М.В., Херц М.М. Математические методы в исторической лингвистике. М., 1974 и др.) Затем постепенно развилось направление математико-статистического изучения синтаксиса языка речи и авторского стиля (с использованием корреляционного анализа и др. методов). Использование

компьютерной техники способствовало количественному росту таких исследований и расширению их географии.

В числе указанного рода разработок следует отметить работу по формализации текстов, проводимую коллективом исследователей МГУ (Л.В. Милов; Л.И. Бородкин и др.). В формализованном тексте выявлялись парные встречаемости (то есть соседства) тех или иных классов (форм). Затем на основе лишь связи «слева направо» (в направлении развертывания текста) создавалась общая статистика частот встречаемостей тех или иных грамматических классов слов. В дальнейшем эта статистика обретала форму матриц, на основе которых строились графы парных встречаемостей. [См.: От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства. М. 1994.]

Согласно теории графов, граф состоит из «вершин» и «дуг», где вершина есть грамматический класс, дуга сильная связь, то есть «ребро» графа, ориентированное стрелкой в направлении связи по тексту «слева направо». Слабые связи отсекаются при построении графа. В итоге, чем выше задаваемый порог парных встречаемостей грамматических классов слов (обычно он определяется экспериментально), тем меньше вершин и дуг в графе. Отсутствие монотонной повторяемости одних и тех же речевых конструкций у автора, отличающегося большим разнообразием их употребления, приводит к тому, что формальный граф связности парных встречаемостей грамматических классов слов будет весьма небольшой и его количество вершин, и по количеству ребер графа. И, наоборот, у авторов, стиль которых более однообразен, стандартизирован, число постоянно используемых речевых конструкций будет намного больше. В результате в графах парной встречаемости грамматических классов слов образуется очень большое количество вершин.

Таким образом, общее соотношение, так сказать, «живого» авторского стиля и созданной исследователем его формальной структуры (т. е. графы парных встречаемостей) носит как бы обратно пропорциональный характер: чем разнообразнее стиль автора, тем «беднее» «наш» формальный граф. И, наоборот, чем беднее, однообразнее настроение авторского речевого потока, тем «богаче» и сложнее его структурно-формальное отображение (то есть тот же граф парных встречаемостей).

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть общее правило:

1) преимущественное внимание определению прямых указаний (при наличии лишь косвенных можно утверждать лишь гипотетично);

2) учет намеренной и ненамеренной информации;

3) проверка, уточнение прямой информации косвенной.

2.3.2.з. Интерпретация исторического источника

Информация о прошлом не отражается, а преломляется в источнике (как луч света, проходя через призму). Прежде всего, она преломляется через сознание определённой эпохи. Источники – произведения культуры прошлого, часто отделены от нас не только значительным интервалом времени, но и разрывом в традиции, что часто усложняет их понимание. Источники отражают психологию определённых социальных групп, к которым принадлежали авторы исторических источников, и, наконец, представления каждого из авторов.

Основная задача интерпретации: установить (в той мере, в какой это возможно с учётом временной, культурной, любой другой дистанции, разделяющий автора произведения и его исследователя) тот смысл, который вкладывал в произведение его автор. Поэтому в первую очередь следует изучить эпоху, определить господствующие в обществе в целом и в конкретной среде мировоззрение, ментальные установки, возможную степень воздействия их на автора и информацию источника. Чтобы исследовать, например, «История» Геродота, надо знать, что древнегреческие учёные были энциклопедистами, поэтому для этого необходимо получить представление о древнегреческой философии, мифологии и т. д.

Российские и советские источники ссылались на известие о завоевании русско-литовских земель литовскими князьями. Однако при внимательном изучении психологии и права той эпохи можно заметить, что завоевание, право силы – было главным в обосновании прав на земли, вещи и т.д. Между тем, после того как инициатива в собирании русских земель была князьями ВКЛ в конце XV в. окончательно потеряна, общерусская часть Первого белорусско-литовского свода теряет своё значение. Необходимо было новое обоснование прав на территории с преимущественно белорусским населением. Так и возникла концепция завоевания. Кстати, в соответствующей части Первого белорусско-литовского свода

(«Летописец великих князей литовских») содержится схожее обоснование претензий на Подолье.

На этапе интерпретации источника исследователь движется в потоке сознания автора произведения: стремится лучше понять ситуацию, в которой тот находился, замысел произведения, способ, принятый автором для воплощения этого замысла. Искусство и теорию истолкования, имеющих целью выявить смысл, исходя из его объективных (значения слов и их исторически обусловленные вариации) и субъективных (намерения авторов) оснований называют *герменевтикой*.

Современная философская герменевтика далеко выходит за пределы традиционного истолкования смысла текста. От истолкования смысла текста источниковед переходит к более масштабной задаче – истолкованию источника как явления культуры. Необходимо подчеркнуть и единство, и различие этих подходов. На первом этапе исследователь выступает в качестве заинтересованного слушателя, интерпретатора, но затем его позиция исследователя меняется. Исследователь обязан чётко определять на каком из указанных этапов интерпретации он находится (т. е. стремится понять смысл, который вкладывал в его автор, или самостоятельно выстраивает свое, современное понимание реальности, опираясь на полученную информацию. Таким образом, исследуется один и тот же объект, один и тот же источник, но одновременно можно говорить о двух субъектах гуманитарного познания. [Подробнее см.: Источниковедение. Уч. Пособие. М. РГГУ., 1998. С. 138-140]

2.3.3. Понятие о подлинности и подделке

Одним из наиболее важных этапов работы с источниками является определение подлинности или поддельности исторического источника. ***Подлинным (аутентичным)*** *историческим источником называется такой исторический источник, который излагает знание о прошлом в его первоначальных, неизмененных, неискаженных виде и форме и с таким содержанием, которое ему придал действительный создатель источника.*

Возможны следующие состояния подлинности и поддельности источника: а) когда источник *подлинный полностью*, б) когда он

аутентичен только *частично,* и в) когда он *полностью подделан* (сфальсифицирован).

Подделкой (фальсификацией) *считается изготовление источника в подражание стилю какой-нибудь исторической эпохи или какого-то автора, и образцы подобной фабрикации или имитации.* Если источник создается *не тем лицом*, которому он приписан, и возник *не в том месте, не в то время и не в тех условиях*, в которых по своим признакам должен был появиться, *и* если к тому же он *не является копией* несохранившегося источника, его можно считать *подделкой*.

Рассмотрим случаи полной подделки источников. Они характерны для имитаторов любых исторических, в том числе и художественных источников. Фальсификаторы изобразительных источников достаточно известны, а их имитации хорошо изучены в литературе. В этих случаях лица, создающие подделку, детально следуют стилистике определенного времени или художественному почерку выбранного мастера и тщательно копируют его специфические приемы. Для большего правдоподобия они используют старые материалы, технические рецепты и приемы. Например, художественному источнику придается «старый» вид (патина, то есть пленка на поверхности изделия из металла при его окислении, повреждение живописи и т. д.). Производится создание механических изъянов, намеренная фрагментарность, будто бы вызванная временем.

2.3.3.а. Интеллектуальное искажение источника

Интеллектуальное искажение подлинного исторического источника производится в том случае, когда он исправляется или сокращается таким образом, чтобы дополнить реально отраженные в нем факты прошлого не существовавшими деталями или же изменить его действительный смысл.

Неполная аутентичность источника представляет собой сокращение текста письменного источника, которое меняет смысл его содержания, делает его фальсифицированным и приводит к катастрофическим в мировом масштабе последствиям. Примером может служить т. н. «эмская депеша».

Например, к концу 60-х годов XIX в. империя Наполеона III

искала повод к «удачной» войне, которая укрепила бы позиции императора. В широких кругах Франции росло недовольство политикой Бонапарта, которая выразилась в проведении репрессий, подавлении оппозиции, введении жесткой цензуры, преследований за убеждения, вмешательстве в учебный процесс на всех уровнях, попытке регулирования идеологии в области художественной литературы, в предоставлении полиции чрезмерных полномочий. Повод к войне скоро нашелся.

В 1867 г. произошло объединение северогерманских государств в союз во главе с прусским королем Вильгельмом I и заключение им военного соглашения с южно-германскими государствами, которые подготовил своей политикой прусский канцлер 0. Бисмарк.

Переоценивавший военную мощь Франции ее император в начале июля 1870 г. выразил протест против избрания на испанский престол представителя боковой линии прусской правящей династии Гогенцоллернов Леопольда. Наполеон III сослался на то, что этим создается угроза французской безопасности с востока и юга.

Этот протест был на руку 0. Бисмарку. Тот тоже стремился развязать войну, рассчитывая в случае успеха, в котором он был уверен, объединить Германию под прусским правлением. Если бы Пруссия стала жертвой агрессии, это обеспечивало бы в предстоящей войне нейтралитет России, которая была недовольна предшествовавшей экспансионистской политикой Франции. Оставалось ожидать дальнейшего развития событий.

Вопреки дипломатическому порядку французский посол в Пруссии В. Бенедетти был направлен в курортный городок Эмс, в котором тогда находился на лечении прусский король. Монарху было настойчиво предложено, чтобы тот заставил своего дальнего родственника отказаться от испанского престола. Король Пруссии очутился в трудной с точки зрения престижа ситуации. Он ответил уклончиво. Тем не менее, Вильгельм I порекомендовал Леопольду отказаться от короны, что тот незамедлительно и сделал.

В Париже сочли это недостаточным. Вильгельму I было предъявлено новое, явно провокационное требование, чтобы тот обязался в будущем не давать согласия на то, чтобы Гогенцоллерны выдвигали свою кандидатуру на испанский престол. Вполне естественно, что король ответил, что не вправе давать обязательства подобного рода.

Вечером того же дня В. Бенедетти потребовал письменных гарантий. Ему было отказано в просьбе. На следующий день король уезжал из Эмса и французский посол, вопреки этикету, прибыл на вокзал, где услышал от Вильгельма I, что тот считает дискуссию завершенной, но что переговоры будут продолжены в Берлине.

Соответствующая информация была переслана телеграфной депешей из Эмса 0. Бисмарку в прусскую столицу. Канцлер получил «Эмсскую депешу», обсудил с присутствовавшими при этом руководителями вооруженных сил положение дел и внимательно перечитал текст телеграммы.

Как 0.Бисмарк позже вспоминал, он «взял карандаш и смело зачеркнул все то место, где было сказано, что Бенедетти просил о новой аудиенции; от депеши я оставил только голову и хвост». В предназначенном для публикации депеши тексте совсем не упоминалось то, что коренным образом меняло характер события. Слова Вильгельма I о том, что переговоры будут продолжаться в Берлине в Министерстве иностранных дел, не вошли в окончательный текст. Выходило, что король указал французскому дипломату на дверь. «Это будет красный платок для галльского быка», — заявил 0.Бисмарк своим гостям, прочитав им сфальсифицированную депешу[1].

Канцлер передал этот текст для сообщения прессе. 0.Бисмарк, как и Наполеон III, получил то, к чему стремился. Война сделалась неизбежной. И правительственные, и оппозиционные депутаты парламентов Пруссии и Франции одобрили военные кредиты и объявление войны. В результате этой подделки и последовавшей за ней войны Франция потерпела поражение, а в XX веке еще два раза велись кровопролитные реваншистские войны между Францией и Германией, в которые были вовлечены многие государства мира.

И подделка источника, и интеллектуальное искажение подлинного источника рассматриваются как *подлог*, то есть овеществленное (материализованное) искажение истины с целью ввести кого-нибудь в заблуждение[2].

Примером меняющей смысл содержания вставки в текст может служить приписывание императору Нерону (54-68) приказа поджечь

---

[1] Цит. по: История дипломатии. М.: Огиз, 1941. Т.1. С. 516.

[2] Подделки // Энциклопедический словарь. Изд.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. - Спб., 1898. Полутом 47. С. 88; Подделка // Большая Советская энциклопедия. 1-е изд. М., 1940. Т.45. С. 778; Подлог // Там же: С. 794

Рим. Современник событий Тацит (55-120) не обвинял императора. Он писал: «Наступает пожар, вызванный или случаем, или из-за преступления цезаря, это не ясно, потому что авторы говорят и так, и эдак об этом»[1].

Жившие позже историки Светоний (69/70-140) и Диан Кассий (II в.) обвинили Нерона в организации пожара. Казалось бы, версию вины Нерона подтверждают слова современника событий Плиния Старшего (23/24–79) в его «Естествознании», когда тот пишет о дубах, «которые росли на римском форуме до времен цезаря Нерона, который повелел сжечь Рим». При исследовании оказалось, что слова «оторый повелел сжечь Рим» были позднейшей вставкой переписчика, который был уверен в вине Нерона[2].

Подобные вставки переписчиков в копируемые ими подлинные тексты получили название «*интерполяций*».

2.3.3.б. Поводы и причины подделок

Фальсификация источников — это явление, встречающееся в различные времена в различных странах. Поддельные источники возникают по ряду мотивов. Они создаются в расчете на общественное внимание. Фальсификаторами источников движут интересы, которые весьма разнообразны. *С. Косцялковский* (1954) различает следующие *поводы и причины подделок источников*:

1) личный интерес (фальсификатора или заказчика подделки);

2) групповой интерес в подделке;

3) пропаганда политических, религиозных, партийных идей, своеобразно понимаемого патриотизма;

4) материальный интерес;

5) собирательство старинных вещей;

6) авторские амбиции исследователя[3].

*В.П. Козлов (*1994) выделяет среди интересов, присутствующих на всех этапах бытования подделки, — возникновение замысла фальсификации, его реализацию и использование подлога в научной, художественной литературе, искусстве и обыденном сознании. Авторами фальсификации движут:

---

[1] Цит. по: Koscialkowski, S. Historyka. L., 1954. S. 85.

[2] Там же. С. 85

[3] Koscialkowski, S. Historyka. L., 1954. S. 86.

1) меркантильные соображения;

2) идеологические соображения;

3) стремление к стилизации под «древность» в ходе столкновения различных течений литературно-языкового процесса;

4) желание использовать подделки как аргумент в отстаивании собственной точки зрения в историографии[1].

Мотивы изготовления конкретной подделки не всегда можно свести лишь к достижению определенной цели. Группировка подлогов по мотивам их создания, по мнению В.П. Козлова, отражает восприятие исторического источника обществом, как:

1) раритета (остатка древней культуры, способного возбудить эмоции или припаса — обычного имущества, имеющего коллекционное значение);

2) свидетельства о якобы имевших место фактах прошлого;

3) доказательства — носителя сведений об исторических прецедентах, имеющих актуальное политическое, идеологическое художественно-экономическое значение в общественной борьбе современности[2].

2.3.3.в. Меркантильная мотивация подделок

Меркантильное стремление к получению корысти побуждает фальсификатора или (и) того лица, для которого создается подделка, исходя из личных интересов, изготовлять или пользоваться фальсификацией. В подобных случаях на первый план выступает пользование определенными льготами и привилегиями, которыми чаще всего эти лица не имеют права пользоваться (свидетельства об окончании учебного заведения, о дворянстве, завещание, документ на владение имуществом и т. д.). Иногда на создание и приобретение фальсифицированных документов людей толкает дискриминационная политика властей.

Так например, указом от 19 октября 1831 г. царское правительство постановило произвести «разбор» шляхты, выделило из состава дворянского сословия беднейшую часть шляхты Беларуси, Литвы, Польши и Украины и перевело их в новый разряд населения — однодворцев (проживавших в деревнях) и граждан (живших в городах)

---

[1] Козлов В.П. Тайны фальсификации. - М., 1994. С. 248-249.

[2] Там же. С. 250.

западных губерний.

Мотивом для разбора шляхты было то, что «люди сии по недостатку оседлости и собственности и по образу жизни многих из них, наиболее склонны были к восстанию и к преступным действиям против законной власти»[1].

Указ лишал часть шляхты ее традиционных прав не платить податей и не поставлять в царское войско рекрутов. Следовательно, он не мог погасить, а только усиливал стремление к «преступным действиям», что, скорее всего, правительство не волновало. Его интересовало лишь увеличение налогового обложения и количества солдат.

Для того чтобы сохранить «дворянское звание», требовалось предъявить документы о том, что любой предок ходатая обладал до разделов Речи Посполитой населенной землей или просто принадлежал к шляхетскому сословию, даже не владея землей. Поскольку у многих шляхтичей не было подтверждающих это документов, а также денег для оплаты разыскания в архивах, они нередко обращались к фальсификаторам. В Беларуси наибольших размеров подделки документов о шляхетском происхождении приняли в Минске. Этому содействовало не столько наличие здесь подготовленных специалистов, поскольку лучшие жили в Вильне, сколько более слабый полицейский надзор. 10 июня 1835 г., по доносу домовладелицы с окраины Минска Маньковской, полиция произвела обыск у ее квартиранта Чайковского. В сундуке жильца Маньковской было обнаружено множество бумаг, «в числе коих открыты бланки бывших польских королей, чистая, старинного клейма бумага, на некоторых листах коей начаты писать уже фальшивые документы»[2].

Было обнаружено, что по согласованию с другими чиновниками Чайковский вырывал из старых архивных дел чистые листы бумаги, а на них составлял поддельные документы. В свое время Чайковский обучался в минской гимназии и у полоцких иезуитов. Он умело подделывал почерки различных эпох. Для скрепления документов фальсификатор имел поддельные печати королей Яна-Казимира, Августа III и Станислава Августа. По свидетельству лица, которое

---

[1] Цит. по: Улащик Н.Н. Предпосылки крестьянской реформы 1961 г. в Литве и Западной Белоруссии. М.: Наука, 1965. С. 94.

[2] Цит. по: Улащик Н.Н. Предпосылки крестьянской реформы 1961 г. в Литве и Западной Белоруссии. М.: Наука, 1965. С. 91.

вело следствие, в Минском дворянском депутатском собрании было очень много фальшивых документов, «ибо почти нет чиновника, который бы в сем мало или много не участвовал»[1].

Меркантильными мотивами можно объяснить создание поддельных источников для их продажи в коллекции и музеи. Если изготовляется рукопись, то, как отмечает Д.С Лихачев, «возраст рукописи можно увеличить для того, чтобы увеличить ее продажную цену»[2].

2.3.3.г. Мотивация подделок в пользу групповых интересов

Подделки совершаются и в пользу интересов какой-нибудь группы социальной (сословной), религиозной, профессиональной, этнической, семейной группы, которая желает провоцированием создания неаутентичного источника получить будто бы принадлежащие им права.

С конца VIII в. в Каролингской державе, а позже в Священной Римской империи, подложные источники изготавливались в большом количестве для доказательства не существовавших прав на то или иное имущество, причем авторы подделок нередко искренне верили в обоснованность приписывания своей общности таких прав. По словам М. Блока: «как можно было устоять перед искушением воображать императоров древнего Рима абсолютно схожими с современными государями, если считалось, что Римская империя продолжает существовать и что саксонские или салические короли — прямые наследники Цезаря и Августа?»[3].

Монах, приписавший своему монастырю мнимые права на то или иное владение светского лица, был прямо уверен, что у церкви их больше, чем у того. М. Блок отмечает, что «именно уважение к прошлому парадоксально заставляло реконструировать его таким, каким оно должно быть»[4].

В это время появились «Лжеисидоровы декреталии» — сборник фальшивых документов, созданный как продукция мастерской периода Каролингского Ренессанса (периода подъема образованности

---

[1] Там же. С. 91
[2] Лихачев Д.С. Тестология. М., 1983. С. 352.
[3] Блок М. Апология истории. М., 1986. С. 153
[4] Там же. - С. 154

во Франкском государстве при Карле Великом и его преемниках) и приписываемый церковному деятелю VI–VII вв. севильскому епископу Исидору,. В состав сборника входили папские послания (декреталии), решения споров, так называемый «Константинов дар» и другие подложные акты, с помощью которых западная христианская церковь обосновывала папское верховенство. «Константинов дар» представлял собой подложную грамоту, согласно которой римский император Константин предоставил папе Сильвестру I светскую власть над западной частью Римской империи. Германский император Оттон III (983-1002) отказался признать законность «Константинова дара» и актом 1001 г. объявил его фальшивкой. В первой половине XVI в. независимо друг от друга гуманисты Лоренцо Валла, Николай Кузанский и Реджинальд Пикок окончательно доказали методом исторической критики поддельность «Константинова дара».

Массовое появление подделок, в которых предпринимались попытки «состарить» свой этнос, закрепить за ним определенные общие культурные и языковые ценности, относится к XVIII – XIX вв., в период формирования в Европе среди так называемых политических наций (которые объединяли правящие классы того или иного государства) наций этнических (которые объединяли различные сословия и классы одной общности по этническому признаку). Особенно часто составляются подобные подделки у представителей тех этносов, которые утратили свои государственную самостоятельность и подвергались культурной и языковой ассимиляции со стороны других этносов. Составители таких подделок стремились пробудить среди своих сородичей чувство этнической общности и идентичности.

В 1765 г. шотландский поэт Джеймс Макферсон опубликовал сочиненные им в сентиментальном ключе «Песни Оссиана». Они были приписаны кельтскому барду III в. Оссиану, а в стихотворных текстах сборника были использованы сюжеты, образы и имена, заимствованные из оригинальных кельтских легенд. В «Песнях» пропагандировалась древность, самобытность и свободолюбие предков тогдашних шотландцев. Сочинение привлекло к себе внимание в различных странах и вызвало подражания у многих (в том числе русских) поэтов конца XVIII – первой четверти XIX вв.[1]

---

[1] См.: Маслов В.И. Оссиан в России. Библиография. Л.: АН СССР, 1928.

Основательница первых приватных музеев в Польше Изабелла Чарторыская отстаивала подлинность «Песен Оссиана», исходя из своих романтических представлений о возможности «подправлять историю» для идеологических целей как в поэзии, так и в музейном деле. Основаниями для уверенности И. Чарторыской было то, что она сама слышала в горной Шотландии исполнение народных песен, подобных «Песням Оссиана»[1].

Другим примером создания подобной фальшивки могут служить якобы найденные чешским языковедом Вацлавом Ганкой, начиная с 1817 г., «Краледворская летопись» и другие древние чешские рукописи. Эти находки должны были доказывать давность традиций чешской государственности и культуры. В условиях тогдашней борьбы чешских «будителей» — пропагандистов родного языка и культуры среди остального чешского населения (против германизации), вызвали значительный общественный резонанс.

Тексты рукописей, «обнаруженных» В. Ганкой, были переведены на ряд языков. Сомнения в их подлинности возникли вскоре после этого[2], хотя сомневавшиеся чешские ученые подвергались незаслуженным обвинениям в том, что они «продались» немцам. Лишь в 1880-е гг. чешские исследователи в журнале «Атенеум» окончательно доказали поддельность рукописей, созданных с использованием славянских эпических песен.

Одним из тех, кто способствовал рациональной оценке фальсификаций В. Ганки, был выдающийся общественный национальный деятель (в будущем первый президент Чехословацкой республики) философ Томаш Масарик[3].

---

[1] Waniczkowna H. Czartoryska I. // Polski slownik biograficzny. Krakow, 1938. T.4. S. 244.

[2] Кораблев В.Н. В.Ганка и его «Краледворские рукописи» // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. 1932. № 6. С. 521-543.

[3] Вот что Т. Масарик говорил на склоне лет известному писателю Карелу Чапеку: «Для меня вопрос доказательства подлинности или неподлинности «Рукописей» (В. Ганки.) в первую очередь имел нравственный аспект, если это подделка, то мы обязаны признать это перед всем миром. Наша гордость, наше воспитание не должны основываться на лжи. И, кроме того: даже собственную историю мы не могли бы правильно оценить, если бы споткнулись о вымышленное прошлое. Это для меня разумелось само собой. Вот так началась баталия, которая растянулась на долгие годы. Филологи, историки, палеографы, химики подтвердили, что «Рукописи» - фальшивые, я, как эстетик и социолог старался

На рубеже 1940–50-х гг. по инициативе руководства в СССР началась пропаганда исключительности России и российской науки и техники, отрицания взаимной пользы и влияния этой страны с другими, борьбы с так называемым «низкопоклонством перед Западом» и «космополитизмом». В этой кампании использовались откровенные подделки. Так например, полярник К.С. Бадигин использовал ранее неизвестное «Хожение Иванова Олельковича сына Наугородца» в качестве обоснования мнимого открытия современного Шпицбергена (Груманта) русскими еще в XII веке. Эта и другие фальшивки были разоблачены авторитетной комиссией Института русской литературы Академии наук СССР[1].

В это же время были вновь привлечены для обоснования существующих отечественных приоритетов в науке подделки, созданные еще известным фальсификатором Александром Ивановичем Сулакадзевым (род.1771). В числе этих подделок были сведения о вымышленном первом в мировой практике полете на воздушном шаре в Рязани.

В 1910 г. в журнале «Летун» была издана рукопись А.И. Сулакадзева «О воздушном летании в России с 906 лета по Р.Х.». На одном из листов рукописи находились следующие строки: «1731 года в Рязани при воеводе подъячий нерехтец Крякутный фурвин (это слово было непонятным) сделал как мяч большой, надул дымом поганым и вонючим». А.И. Сулакадзев уверял читателя, что эти факты заимствованы из пропавшей рукописи своего деда — рязанского полицеймейстера Боголепова. Репутация А.И. Сулакадзева к тому времени была известной. Публикация прошла незаметно.

Пик известности приведенных здесь строк пришелся на время кампании «борьбы против низкопоклонства». «Подьячий Крякутный» оказался полезным. Появились статьи о нем. К 225-летию «первого в мире полета на аэростате русского изобретателя Крякутного» в 1956 г.

доказать, что «Рукописи» не могли быть средневековыми» (К. Чапек. Беседы с Масариком // Вопросы истории. 1997. № 12. С.91).

[1] см.: Мавродин В.В. Против фальсификации истории географических исследований // Известия Всесоюзного географического общества. - 1958. Т. С. 9-91; Лихачев Д.С. К вопросу о подделках литературных памятников и исторических источников // Исторический архив. - 1961. - № 6. - С. 144.

была выпущена почтовая марка СССР[1]. В городе Нерехте, откуда был родом Крякутный, у памятника подьячему принимали в пионеры. Его имя вошло во второе издание «Большой советской энциклопедии»[2].

Стоило политическому климату слегка потеплеть, ученые подали свой голос. В 1958 г. палеограф В.Ф. Покровская в статье на три страницы подвела итог существованию «подъячего Крякутного». Сделав фотоснимок рукописи А.И. Сулакадзева в инфракрасных лучах, она установила, что слово «нерехтец» было написано другими чернилами поверх зачеркнутого слова «немец», а «Крякутной» по слову «кр(е)щеной». Таинственное слово «Фурвин», над которым ломали голову сторонники приоритета России в воздухоплавании, не понимая его смысла, оказалось явно нерусской фамилией «Фурцель». Сходные исправления самого А.И. Сулакадзева имелись и в других местах рукописи.

Подобным образом понимаемый патриотизм проявился тогда и среди российских эмигрантов. Имеется в виду «Влесова книга», то есть записи мнимых языческих жрецов о подвигах династии князей правивших некогда Россией — за тысячу лет до нашей эры. Эти князья якобы сражались и с варягами, и с византийцами, но преимущественно с хазарами.

Впервые о «Влесовой книге» сообщил журнал «Жар-птица», выходивший в Сан-Франциско в 1953 г. Оригинал текста «Влесовой книги», согласно этой публикации, не сохранился, он принадлежал полковнику российской армии Изенбеку и был обнаружен в 1919 г. в одном имении под Харьковом. «Влесова книга» была составлена оригинальным алфавитом на деревянных досках. Один из знакомых владельца снял с подлинника копию до того, как тот исчез во время второй мировой войны.

Копия текста была переслана из Австралии одним эмигрантом в Академию наук СССР. Палеографы провели детальную экспертизу «Влесовой книги». Выводы экспертизы не оставляли сомнений в поддельности ее текста[3].

---

[1] Ее изображение приведено в кн.: Козлов В.П. Тайны фальсификации. М., 1994. С.184.

[2] Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т.23. С. 567.

[3] Покровская В.Ф. Еще об одной рукописи А.И. Сулакадзева. (К вопросу о поправках в рукописных текстах) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР.1958. Т.14. 0.634-636.

2.3.3.д. Пропагандистская мотивация подделок

Подделки могут создаваться в пропагандистских целях. Начиная с 1812 г., когда Наполеон I отступил из России, во французских изданиях регулярно стали появляться ссылки на потаенные записки Петра I, в которых его преемникам рекомендовалось использовать любые способы для расширения российских пределов на западе и юге. В 1836 г. в Париже были опубликованы записки шевалье д'Эона, авантюриста, побывавшего с разведывательными целями в России в 1755–1760 гг., а в «Записках» «копия с завещания, оставленного Петром Великим его потомкам и преемникам на троне»[1].

Текст «завещания» неоднократно переиздавался при обострениях политической ситуации в Европе, особенно при вторжении царских войск в чужие владения или при угрозе такого вторжения, при подавлении вооруженных выступлений в бывших землях Речи Посполитой. В последний раз этот текст был использован в гитлеровской прессе осенью 1941 года.

Как актуальный политический документ, «Завещание» использовалось за рубежом для доказательства исконной агрессивности Русского государства, правители которого последовательно претворяют в жизнь план господства в Европе. Так истолковывали текст «Завещания» и консервативные силы, и передовая общественность Европы.

Отсутствие подлинника «Завещания», неопределенность указаний первых публикаторов его текста на место его хранения, обстоятельства получения с него копии, явная переделка текста документа в зависимости от международного положения давали повод

Жуковская В.П. Поддельная докириллическая рукопись (к вопросу о методе определения подделок) // Вопросы языкознания. 1960. № 2. - С.141-144; Жуковская Л.П., Рыбаков Б.А. Мнимая «Древнейшая летопись» // Вопросы истории. 1977. № 6. С.202-205; Жуковская Л.П., Филин П.Н. «Влесова книга...» Почему не Велесова? // (Об одной подделке) // Русская речь. 1980. № 4. С.117; Творогов О.В. Когда была написана «Влесова книга»? // Философско-эстетические проблемы древнерусской культуры: Сб. ст. М., 1988. Ч.2. С.144-195.

[1] об этом см.: Данилова И.Н. «Завещание» Петра Великого // Труды Историко-архивного института. М., 1946. Т.2. С.214-269; глава 6 «Любимый проект Петра Великого», или разоблаченные предсказания прошлого в кн.: Козлов В.П. Тайны фальсификации. М., 1994. С.77-89.

для сомнений в его подлинности. Однако это не могло служить доказательством фальсификации этого источника.

Е.Н. Данилова в 1945 г. проанализировала «Завещание» и пришла к выводу, что данный документ представлял внешнеполитические интересы его автора в противоречии с его действительными планами и поступками. «Завещание» невольно раскрывало политические цели, в достижении которых больше всего была заинтересована не Россия, а Франция.

К письменной фиксации текста, скорее всего, был причастен шевалье д'Эон. Похоже было, что в основе «Завещания» лежали ответы на вопросы инструкции, которые ему были предложены при направлении французской миссии в Россию в 1755 г.

Среди прочего этой инструкцией предписывалось собирать сведения об отношении России к войне и миру, ее намерениях относительно Речи Посполитой, Швеции, Османской империи, Франции, Австрии, Великобритании. О «плане» Петра I в инструкции не говорится ни слова.

Д'Эон составил свои соображения о внешней политике России. Они очутились в распоряжении французского правительства. Неизвестно до сих пор как была оформлена записка д'Эона. Очевидно, неизвестное сочинение шевалье и легло в основу ряда редакций «Завещания». Таким образом, обыкновенный план-прогноз политической ситуации середины XVIII в. в Европе превратился в тайный геостратегический план начала XVIII в., но был приписан уже иному, чем его действительный автор, лицу. Он должен был служить формированию в глазах европейского общественного мнения образа врага — России.

Другим примером фальсификации, выполненной с пропагандистскими целями, могут служить «Протоколы сионских мудрецов» — фальшивка, содержащая вымышленный план установления «мирового господства» евреев (совместно с тайным обществом франкмасонов во главе с «царем из рода Сиона») на развалинах христианской цивилизации. «Протоколы» якобы содержали материалы заседаний заговорщиков в Базеле в 1897 г.

Подложность «Протоколов» была раскрыта британским журналистом Ф. Грейвзом в Константинополе в 1921 г. Журналист продемонстрировал текстуальное, стилевое и структурное совпадение текста «Протоколов» с сатирой Мориса Жали на Наполеона III

«Диалог в аду между Макиавелли и Монтескье», опубликованной еще в 1864 г.

Позже было обнаружено, что лица, переделавшие «Диалог в аду» в «Протоколы сионских мудрецов» текстуально использовали рукописный «Катехизис революционера» С. Нечаева, российского подпольщика, который пользовался методами провокаций и террора[1], а также заимствовали кое-что из антисемитских книг французских публицистов Шаботи и Дрюмона и из открытого вымысла — романа немецкого писателя Г. Гёдше (все они издали свои произведения во второй половине XIX века)[2].

По мнению исследовавшего «Протоколы» русского эмигранта В.Л. Бурцева, «Протоколы» — «бесталанный подлог и неумелый плагиат».

Польский историк Я. Тазбир считает, что всех тех, кто верит в подлинность «Протоколов» объединяет не только злая воля, но и страшная профессиональная недобросовестность, которая видна в способе, с помощью которого те были сфабрикованы. Составители текста «Протоколов» переписали с небольшими изменениями 1040 строку из 2560 строк «Диалога в аду» М. Жоли[3]. Они слепо повторяли

---

[1] и, кстати, послужил прототипом одного из персонажей «Бесов» Ф.М. Достоевского.

[2] Подробнее о «Протоколах сионских мудрецов» см.: Делевский Ю. Протоколы сионских мудрецов. (История одного подлога). Берлин, Эпоха, 1923. 157 с.; Бурцев В.Л. «Протоколы сионских мудрецов» - доказанный подлог, 1-е изд. Париж, 1938; Кон Н. Благословение на геноцид. Миф о всемирном заговоре евреев и «протоколах сионских мудрецов». М.: Прогресс, 1990. 245.(2) с.; Tazbir J. protocoly medrcow Syjonu. Autentyk czy falsyfikat. Warszawa, 1992; Ivanov, Miros1av. Utajene protokoly, aneb genialni podvod. Praha: MVCR, 1994. 224 s;

Известный русский богослов (в 1917 г. ведавший вероисповедными делами во Временном правительстве) А.В. Карташев, в эмиграции - глава монархического Русского национального комитета, высказался о «Протоколах сионских мудрецов» так: «Перед нами Факт поимки с поличным крупных политических и культурных мошенников, мнивших и мнящих неправдой, клеветой и чужой кровью «спасать Россию» Спаси нас, Господи, впредь от таких спасателей!» (Карташев А.В. Предисловие // Делевский Ю. Протоколы сионских мудрецов. (История одного подлога). - Берлин: Эпоха, 1923. - С.5-9.

[3] см. Приложение. Образцы параллельных мест в «Протоколах сионских мудрецов» и памфлете М. Жоли «Диалог в аду» // Кон Н. Благословение на геноцид. Миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколах сионских мудрецов». М.: Прогресс, 1990. С.195-201.

даже ошибки печати в «Диалоге в аду». Составители подделки допускали анахронизмы, например, когда в «Протоколах», отнесенных к 1897 году, поместили в текст рекомендации «мудрецов» подстраивать выборы таких президентов, в прошлом которых «есть какое-нибудь нераскрытое темное дело, какая-нибудь «панама»(...)[1].

Между тем, избранного президентом Франции Э. Лубе публика встречала криками: «Панама», как напоминание об афере компании Панамского канала, которая была раскрыта тогда, когда тот был премьер-министром. Только это происходило в 1899 году, т. е. спустя два года после той даты, к которой были отнесены «Протоколы».

В памфлете М. Жоли «Диалог в аду» французский император Наполеон III был выведен в виде итальянского политолога Н. Макиавелли, который проповедовал беспринципность для захвата власти над миром. Только в «Протоколах сионских мудрецов» — в отличие от их первоосновы — «Диалога в аду» высказывания Макиавелли-Наполеона III были приписаны не упоминавшимся там евреям.

Составители «Протоколов» приспособили сомнения М. Жоли для критики либерализма в то время, как тот написал памфлет против деспотизма. Сторонники авторитарной власти приписали замысел установления тоталитарного правления не самим силам реакции, а их антиподам, демократическим силам.

Авторы фальшивки приписали «чудовищам от Снопа» свою собственную охранительную программу, желая дискредитировать политику реформ. Изучение содержания «Протоколов» доказывает, что в них нет ничего напоминающего план, а их авторы невежественны в финансовых и организационных вопросах.

Несмотря на подозрения в неаутентичности с самого начала, «Протоколы» печатались во время революции 1905 г. в России, затем во всем мире, а теперь снова в месте их первого издания. Во время революций и гражданской войны их использовали с целью дискредитации общественных сил, которые выступали против самодержавия, и для организации еврейских погромов. Нацисты в Германии с подачи той их части, которая происходила из России, сразу использовали «Протоколы» для обоснования своих претензий на власть. Пассажи из «Протоколов» фигурировали в «Мифе XX

[1] Нилус С. Близ есть, при дверях. О том, чему не желают верить и что так близко. Сергиев Посад, 1917. С.123.

столетия» выходца из Российской империи А. Розенберга и в «Майн кампф» А. Гитлера. Нацистская пропаганда распространяла «Протоколы» огромными тиражами, чтобы обвинить евреев во всех бедах, оправдать свои завоевательные планы борьбой против попыток «сионских мудрецов» овладеть миром по принципу, «чем они, лучше нас» и найти повод для физического уничтожения представителей определённого народа, чтобы приучить людей к тому, что можно уничтожать другие народы вполне безнаказанно.

Подкрепленное «Протоколами сионских мудрецов» расовое учение нацистов должно было обосновать территориальные захваты, в первую очередь, славянских земель и истребление их коренного населения как людей «чужой», «низшей» расы, якобы оказавшейся под влиянием пропаганды другой «низшей» еврейской «расы». Расовое учение должно было оправдать нацистскую систему внутреннего и внешнего террора, в результате внедрения которой было уничтожено 6 млн. евреев и 30 млн. поляков, сербов, русских, украинцев, белорусов и других народов.

Впервые в истории потребителями подобных «Протоколам» подделок стали люди, слабо подготовленные к критическому восприятию такой концентрированной атаки демагогии, политической лжи, которая была обращена к эмоциям, комплексам, этническим предрассудкам.

К выводам о поддельности и плагиате «Протоколов» пришел суд над распространителями и издателями «Протоколов» в Берне в 1935 г. А в ноябре 1993 г. Черемушкинский суд Москвы пришел к выводу, что публикация «Протоколов» является проявлением антисемитизма. Подобными же фальшивками являются построенные на аргументации «Протоколов» сходные тексты типа «Катехизиса еврея», якобы изданного в Тель-Авиве, и распространяемые нацистскими кругами в странах бывшего Советского Союза.

Не меньшим, чем издание «Протоколов сионских мудрецов», мошенничеством была сочтена фабрикация журналистом В. Литовым его бесед с одним из руководителей сельского хозяйства в СССР И.А. Бенедиктовым (1902-1983)[1]. Беседы были напечатаны в журнале «Молодая гвардия» в 1989 г. и представляли апологию И.В. Сталина. Родственники А.И. Бенедиктова разоблачили подделку и добились у

---

[1] Бенедиктов И.А. О Сталине и Хрущеве // Молодая гвардия. 1989.-№ 4.-

публикатора признания в том, что «свой подлог» тот «пытался оправдать «высшими целями» — страстным желанием возродить некоторые прежние идеалы»[1].

С противоположными целями была создана другая подделка — письмо жандармского чиновника Еремина своему начальнику А.Ф. Железнякову, датированное 1913 годом. Однако в этом тексте неверно приведено название места службы Железнякова, неправильно обозначены инициалы последнего, его титулатура, дана неверная нумерация входящих и исходящих помет охранного отделения жандармерии. Сталин назван в тексте подделки не по своей настоящей фамилии («Джугашвили»), а по псевдониму, хотя в официальной переписке псевдонимы употреблялись только как дополнительные сведения к официальной фамилии. Подписавший документ офицер в то время, когда, по приводимым данным был составлен документ, находился в отпуске. Таким образом, данный источник не может подтвердить версии о сотрудничестве в 1913 году И.В. Сталина с охранным отделением[2].

2.3.3.е. Мотивация материальной заинтересованности антиквариев в подделке

При создании подделок нередко на первый план выступает материальный интерес антиквариев-торговцев, которые, зная запросы коллекционеров, фабрикуют (иногда очень похоже и умело) исторические источники, и продают их в качестве подлинников по высоким ценам.

Примером этому может служить деятельность московского мещанина Антона Ивановича Бардина (ум. 1841)[3]. Он владел антикварной лавкой, в которой приобретали ценные рукописи и редкие книги ведущие археографы и знатоки того времени. Современники остерегались подделок А.И. Бардина, потому что тот по свидетельству М.П. Погодина, был «мастер подписываться под

[1] Интервью, которого не было // Огонек. 1989. № 37. С. 8.

[2] Каптелов Б.И., Перегудова З.И. Был ли Сталин агентом охранки? // Вопросы истории КПСС. 1989. №4. С. 90-98.

[3] о нем см.: главу 8 («Московский палеограф А.И. Бардин») в кн.: Козлов В.П. Тайны фальсификации. М., 1994. С. 100-112.

древние почерки»[1].

А.И. Бардин развернул свою фальсификаторскую деятельность в условиях первооткрывательства и сенсационных находок древних источников в первые десятилетия XIX в. Именно в это время были введены в научный оборот «Слово о полку Игореве», «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище». В среде коллекционеров пользовались спросом различные источники, в том числе, и созданные А.И. Бардиным.

Фальсификатор создавал подделки, связанные с памятниками исторического содержания, как правило уникальными, представляющими собой большую ценность для науки. Он не сочинял тексты ранее неизвестных памятников, а изготовлял списки реально существовавших исторических источников, получивших известность в это время. Он не придумывал содержание своих изделий, не фальсифицировал новые источники, а передавал тексты уже известных памятников, сохраняя их содержание и правописание.

Внешними признаками А.И. Бардин старался сделать свои фабрикации более древними. Он подражал почеркам рукописей XIII – XIV вв., использовал вязь, а для выделения заголовков текстов и названий рукописей использовал киноварь и золото.

Подделки А.И. Бардина распознавались по тому, что он знал уставное письмо XI – XIV вв. лишь в общем виде. Но он был незнаком с различиями в письме по времени, установленными палеографами позже, во второй половине X1X в., не знал он и полуустава, появившегося в конце XIV в[2].

Имитатор снабжал свои изделия указаниями на имя писца и время переписки рукописей. Не вмешиваясь в подлинный текст источника, А.И. Бардин фальсифицировал его списки. В некоторых случаях он подписывался и ставил дату начала XIX в. В определенный момент своей работы фальсификатор перешел на легальное изготовление «под древность» списков различных источников. Он стремился к тому, чтобы снабдить свои издания признакам древности и подлинности, которые повышали их значение и льстили честолюбию богатых коллекционеров.

---

[1] Цит. по: Козлов В.П. Тайны фальсификации. М., 1994. С. 100.

[2] Об этом см.: Сперанский М.Н. Русские подделки рукописей в начале X1X в. (Бардин и Сулакадзев) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. 5. С. 44-101.

Легальность подобных изделий позволяет рассматривать А.И. Бардина между фальсификатором и художником, даже «копиистом» редких источников.

Однако изготовленные А.И. Бардиным рукописи обладали определенными промахами. Почерк подделок был механическим подражанием отдельным особенностям подлинных древних рукописей. В уставном почерке А.И. Бардина встречались скорописные начертания, и наоборот.

А.И. Бардин избегал сокращений в своих фабрикациях. Он распространял это на слова, которые писались в подлинных рукописях с сокращениями или под титлами (например, «Бог», «Господь», «человек» и т. д.). Одновременно фальсификатор вводил чуждые подлинным источниками сокращения, злоупотреблял начертаниями йотированного большого юса, не признавал юса малого, придавал «и» десятиричному начертание, принятое в XIX в., — с одной, а не с двумя точками наверху и т. д.

Следующая группа промахов А.И. Бардина касается внешнего вида и признаков рукописей. В древних рукописях установилась постоянная зависимость между форматом и числом листов в тетрадях, которые их составляли. Например, рукописям в четвертую долю листа соответствовали 8 или 16, а не 4 листа в тетради. Изготовитель же подделок составлял свои рукописи из тетрадей, насчитывавших именно 4 листа. Такие рукописи в действительности не писались в два столбца, а А.И. Бардин обычно писал их именно в два столбца. Имитатор также допускал многочисленные, не допустимые в подлинных текстах описки и ошибки в правописании.

Итак, подделки А.И. Бардина были мастерски выполнены как шутки, без притязаний на подлинность их текстов. Его деятельность была реакцией делового, энергичного и знающего антиквария на сложившуюся на книжном рынке, благодаря развитию частного коллекционирования конъюнктуру.

2.3.3.ж. Мотивация коллекционирования старинных вещей из желания обладать подлинниками

Еще одной мотивацией создания подделок было собирательство старинных вещей из желания обладать оригинальными произведениями. Эта мотивация неоднократно сочеталась с

невежеством и критической наивностью и становится побудительным поводом для создания фальсификаторами подделок.

Весьма часто в подлинность поддельного источника слепо верит круг лиц, на интересы которых фальсификация и рассчитана. Французский математик середины XIX в. М. Шаль верил в подлинность сфальсифицированных писцом Брей-Люка документов, подтверждавших мнимый приоритет Б. Паскаля в установлении принципа всемирного тяготения. И это несмотря на кропотливую работу экспертов в ходе судебного расследования, в результате которого фальсификатор был приговорен к тюремному заключению. Брей-Люка изготовлял фальшивые автографы Пифагора, Александра Македонского, Клеопатры, Марии Магдалины и других исторических и библейских персонажей. При этом оказалось, что авторы подделанных текстов писали на не принятом в их среде латинском языке.

С 1930 г. возникла мода на творчество голландского художника Я. Вермера Делфтского (1632-1675), и вскоре на художественном рынке появилось несколько неизвестных до этого полотен этого живописца. Круг поклонников этого творчества постигло разочарование, когда после второй мировой войны художник Х. Ван Меггерен, привлеченный к суду за сотрудничество с гитлеровцами (которым продавал изготовленные им поддельные полотна старинных мастеров), желая оправдаться, сообщил, что это именно он сбывал оккупантам сфальсифицированные им самим полотна.

В качестве доказательства Х. Ван Меггерен, находясь в заключении, исполнил еще одну картину «под Вермера». Намного более осмотрительным, чем доверчивые коллекционеры и искусствоведы, был один торговец произведениями искусства, который рисковал деньгами, если бы он приобрел подобные работы[1].

Другим примером подобной мотивации может служить

[1] Парижский представитель известной фирмы по торговле произведениями искусства Ч. Дювина отправил 4 октября 1937 г. главе фирмы в Нью-Йорк телеграмму следующего содержания: «Сегодня видели банке большого Вермера, примерно 1,50 х 0,90 м, «Трапеза Христа в Эммаусе» предполагаемая собственность семьи, подлинность установлена издавшим статью в «Берлингтон мэгэзин» (искусствоведческий журнал). 90 000 ливров. Вопиющая подделка» (Цит. по: Базен Ж. История истории искусств от Вазари до наших дней. М.: Культура, 1995. С.244).

деятельность упоминавшегося выше российского коллекционера и фальсификатора Александра Ивановича Сулакадзева (род. 1771)[1]. Он собрал большую коллекцию печатных и рукописных материалов, которую пополнял поддельными источниками, и исправлял подлинные источники.

А.И. Сулакадзев занимался подделками в пору подлинных и мнимых открытий неизвестных до того славянских письменных источников. Этот феномен объяснялся поисками идентичности среди представителей ряда европейских этносов. Около 1807 г. А.И. Сулакадзев сообщил Г.Р. Державину об имевшихся у него «новгородских рунах», а позже передал поэту выписки из якобы найденных им «Гимна Бояну» и некоторых других древних текстов.

В обнаруженном в 1960-е гг. Ю.М. Лотманом в архиве Г.Р. Державина тексте «Гимна Бояну», переданном поэту А.И. Сулакадзевым, помещен текст «руническими» письменами и его перевод на русский язык. «Рунический» текст написан изобретенными фальсификатором буквами и отразил примитивные представления А.И. Сулакадзева о признаках древности славянских письменных источников.

Перевод же «Гимна Бояну» пропагандировал идею высокого уровня развития славян, к числу которых принадлежал Боян, персонаж, единственный раз упомянутый в «Слове о полку Игореве» и не упоминаемый нигде больше. Своим изделием А.И. Сулакадзев преследовал цель пополнить доказательствами точку зрения, согласно которой славяне опережали по своему развитию другие группы этносов Европы. Фальсификатор следовал логике Дж. Макферсона, хотя и не столь умело.

Археограф Евгений Болховитинов в 1827 г. убедительно опроверг построения А.И. Сулакадзева, но это не остановило фальсификатора. Тот перешел на поиск иных форм и видов подачи и изготовления подделок, исторических источников и даже на поточную фабрикацию этих подделок.

Одной из них была пергаментная рукопись, датированная 999 годом. Она была выявлена в 1923 году. После ее анализа, проведенного в 1928 г. М.Н. Сперанским, оказалось, что этот

[1] Подробнее о нем см.: главу 11 («Хлестаков отечественной археологии» или три жизни А.И. Сулакадзева») в кн.: Козлов В.П. Тайны фальсификации. М..1994. С.155-185.

источник был подлинной рукописью XIV в. с поддельными приписками, сделанными в обычной манере А.И. Сулакадзева.

Подобных рукописей, фальсифицированных приписками А.И. Сулакадзева, сохранилось немало. Этот фальсификатор выработал свой особый почерк для приписок, похожий на устав, не отдавая себе отчета в том, каким было письмо того времени, к которому он относил приписки.

Изучение приписок А.И. Сулакадзева позволило выявить мотивы, которыми тот руководствовался. Это был стремление «состарить» рукописи, польстить самому себе как коллекционеру, а также продемонстрировать такие редкости, которые бы вызвали восхищение современников. Фальсификатором руководило обыкновенное честолюбие, но не только оно, а и меркантильные интересы, и убеждение в своих возможностях при помощи подделок убедить других в правоте своих взглядов на прошлое, которых фальсификатор придерживался, поскольку доказать это иными способами он не мог по причине своей невысокой квалификации.

В.П. Козлов справедливо отметил, что «деятельность А.И. Сулакадзева надо рассматривать в общем контексте исторических поисков, которые вели ученые начала XIX в. Как человек начитанный, Сулакадзев своими фальсификациями пытался вмешаться в такие споры и даже поставить в них точку «новыми историческими данными»[1].

К описываемой мотивации создания подделок в целях намеренной научной или литературной мистификации примыкает стремление подшутить над современниками. Так, французский писатель Проспер Мериме создал цикл пьес «Театр Клары Гасуль» от имени этой мнимой испанской актрисы, а на фронтисписе издания пьес поместил ее портрет, который был сделан с самого мистификатора. Он же цикл песен «Гузла», созданный им самим, приписал вымышленному далматинскому народному поэту Иакинфу Маглановичу, встречу с которым он описал в примечаниях к изданию песен. А.С. Пушкин и А. Мицкевич перевели часть этих песен, приняв их за народные, настолько велики были поэтические достоинства текстов П. Мериме.

Авторские амбиции исследователя, желающего обосновать свои

[1] Козлов В.П. Тайны фальсификации. М., 1994. С. 172.

взгляды, особенно, если они находятся в противоречии с взглядами иных исследователей, на новых, не исследованных до того источниках, становятся иногда фоном, на котором возникают подделки как результат злой шутки — подделки со стороны своих противников, научных оппонентов. Такое злое желание ввести в заблуждение одних ученых другими, каверзный розыгрыш, основанный на осмеянии обманутого легковерного оппонента, встречается гораздо чаще, чем это кажется. Подделкам такого рода посвящен раздел книги Эделя «Подделка» (1885)[1].

2.3.3.з. Главные признаки подделки

Среди главных признаков подделок можно назвать *искусственный способ находки источника*. Аутентичность такого источника маскируется обнаружением его в сундуке, находящемся на чердаке, спасением от употребления на обертку продуктов питания, случайной находкой у букиниста. Иногда ссылаются на передачу рукописи лицами, которые умерли, на копии, снятые с подлинника, который утрачен при неожиданных обстоятельствах. Обнаруживается близость источника к известным текстам со сходным сюжетом, находятся упоминания (как правило, глухие) в воспоминаниях современников или в других источниках. Вообще, как указывает С.А. Рейсер, «в подделке всячески стараются соблюсти максимум правдоподобия и достоверности»[2].

В подделке обычно обнаруживаются *следы работы ее создателя*: письменный материал иного, чем утверждается в тексте, времени, письменные знаки, слова, выражения, печати, признаки стирания определенных слов.

Встречаются *анахронизмы,* т. е. сообщение известий о фактах, которые произошли в более позднее время, чем то, которому приписывается источник, ссылки на правовые нормы, которые тогда еще не существовали, приведение фраз и слов лиц, которые еще не жили в то время, любое несоответствие времени между возникновением поддельного источника и его содержанием и фактами, о которых мы знаем из других источников и даты которых неоспоримо подтверждены.

---

[1] Eudel Le truquage. P., 1885; Eudel Bucher Falscherkuacte. 1909.
[2] Рейсер С.А. Основы текстологии. Л., 1978. С. 115.

В случае фальсификации отмечается *расхождение между характером, формой и содержанием данного источника и характером, формой и содержанием других источников этого вида и этого времени*, несомненно, аутентичных, но дисквалифицирующих этот источник. Форма и содержание источника должны соответствовать общему развитию событий. Источник должен укладываться в хронологические и фактические нормы, которые установлены бесспорно.

Можно привести следующий пример, подкрепляющий это положение. Краевед Теодор Нарбут (1784-1864) в своих «Небольших сочинениях» (Вильна, 1856) опубликовал «Дневник путешествия посла крестоносцев графа Кибурга», большого госпитальера Ордена крестоносцев, посетившего Вильну в 1397 г. для переговоров с великим князем Витовтом. Посол не застал великого князя и провел в Вильне несколько недель. К нему был приставлен великокняжеский придворный Оттокар Остикович, в обществе которого граф осматривал столицу Великого княжества Литовского, знакомился с особенностями местной жизни и фиксировал свои впечатления в дневнике.

Кибург был восхищен великолепием великокняжеского двора, высокоразвитой церковно-религиозной жизнью, роскошными храмами и домами. Он упоминал находящиеся под алтарем виленского кафедрального собора остатки языческого священного огня, костел св. Анны, хвалил улицы, обсаженные деревьями, интересовался, как любитель древностей XIX века, случайно обнаруженными среди раскопок образцами старинных монет и с живым интересом повествовал о народных обрядах в купальскую ночь как о пережитках языческого культа.

Сообщение Кибурга Т. Нарбут получил от историка, археографа и архивиста И. Онацевича (1780-1845), который исследовал архивы и библиотеки Петербурга, Риги, Дерпта (ныне Тарту), Кенигсберга, Варшавы, рукописные собрания частных лиц в Гродненской губернии. И. Онацевич был известен своей склонностью к каверзам и розыгрышам. Каким образом и от кого И. Онацевич получил дневник Кибурга, Т. Нарбут не указал.

Сообщения Кибурга признавал аутентичным писатель и историк Юзеф Игнаци Крашевский (1812-1887), который был родом из белорусской шляхты. Ю.И. Крашевский знал о дневнике Кибурга еще

до его публикации и использовал этот источник в своей «Истории Вильны» в 4 томах. «Дневник» Кибурга цитировали и на него ссылались историки А.Г. Киркор (1818-1886), Л. Кондратович (1823-1862) (известный под литературным псевдонимом В. Сырокомля), Я. Загорский, Я. Курчевский.

Первым усомнился в аутентичности «Дневника» Кибурга опытный критически настроенный исследователь, знаток источников Дунин-Козицкий из Львова..

В 1920 г. немецкий историк из Кенигсберга Карге снова поставил под сомнение подлинность «Дневника» Кибурга. Желание видеть в сообщении Кибурга подтверждение расцвета культуры в Вильне в конце XIV в. заслоняло бросающиеся в глаза признаки поддельности. Какие же основания были у Карге считать «Дневник» Кибурга поддельным? В первую очередь, странный способ обнаружения «Дневника». Его происхождение неясно. Т. Нарбут получил текст в переводе на польский язык от И. Онацевича. Но кто автор перевода? От кого и при каких обстоятельствах его получил И. Онацевич? Правда, этот вопрос не является решающим для дисквалификации источника, однако, он вызывает несомненные подозрения.

Сомнение вызывает отсутствие оригинала источника. Издатель «Дневника» не держал его в руках, он воспользовался копией текста, сделанной вдобавок не им самим. Не был обнаружен подлинный текст «Дневника» ни в семейном архиве Кибургов в Баварии, ни в архиве Ордена крестоносцев в Кенигсберге. Однако, если Кибург был послом Ордена, его отчет должен был бы быть в последнем архиве. И это еще не позволяет считать «дневник» поддельным, однако тоже подрывает к нему доверие.

Вызывало сомнения и то, что Ю.И. Крашевский датировал поездку Кибурга в Вильну летом 1397 г., хотя из других подлинных источников можно сделать вывод, что поездка состоялась позже.

Характер сообщения Кибурга в передаче Т. Нарбута и Ю.И. Крашевского необычен, он не встречается в аналогичных отчетах дипломатов Ордена крестоносцев. Они обычно носили более связной, деловой, краткий характер. Сообщение же Кибурга многословно, окрашено лирическим тоном повествования, в нем много личных впечатлений, что более типично для описания туриста, а не дипломата, и этим полностью отличается от других отчетов дипломатических агентов того времени. Этим «Дневник» отличается

от известных источников этого вида, составленных в описываемый период.

Интерес, который был проявлен Кибургом к археологическим находкам и этнографическим особенностям жителей Вильны, связанным с народными играми языческого характера, не полностью соответствовали духу времени, в которое произошла миссия Кибурга. Он полностью анахронистичен и свидетельствует о времени фабрикации источника, тем более, что Кибург, как монах, не только тогда, но в более поздние времена, вряд ли мог проявлять интерес к пережиткам язычества в таком плане, как это было представлено в его «Дневнике».

Вообще, тон «Дневника» и его язык более свойственны эпохе романтизма, первой половины XIX в., чем средневековью. Обращает на себя внимание описание в «Дневнике» полумрака, господствующего в виленском кафедральном соборе, пение «хористов», подчеркивание форм и линий готического стиля башен костела святой Анны, напоминающих автору сообщения «тонкий женский замысел». Все это очень деликатно прочувствовано, весьма романтично, но совершенно невозможно в отчете посла крестоносцев в XIV в., а следовательно, выдает подделку.

Относительно костела святой Анны в Вильне, упомянутого в тексте Кибурга, также возникают сомнения, поскольку он был заложен только в первой половине XV в.[1]

Упоминавшиеся в «Дневнике» деревья вдоль улиц Вильны XIV в. не согласуются с общепринятыми в то время нормами урбанистики.

«Вечный огонь» в языческой святыне, остатки которой Кибург будто бы видел в подземелье кафедрального собора, как священный огонь никогда не существовал. Это вымысел, который возник на основе недоразумения и ошибочной интерпретации хроник, хотя и Т. Нарбут, и Ю.И. Крашевский верили в существование такого огня, а церковные сторожа кафедрального собора показывали туристам закопченные будто бы дымом от этого огня стены храма.

Славист и историк культуры А. Брукнер (1856-1939) опроверг легенду о горящем пламени и показал в своей книге «Древняя Литва», что в языческой Литве никакого вечного огня не было, поскольку слово «зьнич», который применяли в отношении этого огня, было

[1] Луцкевіч Л. Вандроўкі по Вільні. Вільня: Рунь, 1998. С.25.

литовским «sinice» (от «sinoti»)[1], что означало место, в котором узнавалась воля богов. Рассказ о вечном огне в «Дневнике» Кибурга является одним из самых компрометирующих аутентичность текста аргументов.

Вызывает сомнения и личность учтивого гида Кибурга в прогулках по Вильне Оттокара Остиковича, если учесть, что род Нарбутов имел прозвище «Остик», а Т. Нарбут нередко подписывался как Остикович-Нарбут.

В результате анализа возникает предположение, что «Дневник» Кибурга — это остроумная и каверзная мистификация, соединенная с прозрачным намеком на родовое прозвище Нарбута, что еще раз доказывает поддельность источника.

Заслуживает внимания и то, что и другой источник, напечатанный в «Небольших сочинениях» Т. Нарбутом, касающийся возведения городских стен вокруг Вильни, был, как это доказал Х. Ловмяньский, подделкой[2].

Имеет ли ценность подделка? Несомненно. Любая подделка источника отражает исторические реалии. Она создается кем-то в определенное время, отражает потребность того или иного лица в самовыражении. Только в случае подделки источник отражает не те события, которые по своему содержанию должен был бы отразить, а те события и явления, в условиях которых он был создан. Подделка Бардина или Сулакадзева отражает реалии начала XIX века, а не события древних времен. Подделка, к созданию которой был причастен И. Онацевич, также отражает события того же времени. Содержание подделки же, созданной в давние времена и отражающей события того же времени, может свидетельствовать о той форме, которую в то время принимали подлинные источники, которым фальсификаторы подражали.

Подделки упорно возвращаются в общественный обиход даже после их разоблачения. Причина этого явления лежит в том, что подделки отражают существование в обществе не только научных, но и ненаучных представлений о прошлом. Подделки доказывают существование исторической мифологии, т. е. представлений, которые в своей описательной части относятся к определенному историческому явлению, но рассказывают не столько о том, что было,

---

[1] Koscialkowski, S. Historyka. L., 1954. S. 93-96.

[2] Lyberys A. Luetuviu-rusu kalbu zodynas. Vilnius: Mintis, 1971. Ps. 873.

сколько о том, что должно было быть, и что является предметом не исследования, а веры.

Литература

Подделкам произведений изобразительных искусств посвящены: Либман М., Островский Г. Поддельные шедевры. М., 1966;Friedlander M.J. Echt und Unecht. Berlin, 1929;Goll J. Kunstfalscher. Leipzig, 1962.

О подделках письменных источников см.: Пронштейн А.П. Методика исторических источников. 2-е изд. Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского университета, 1976. С.241-269; Блок М. Апология истории или ремесло историка. 2-е изд. М.: Наука, 1986. С.47-78; Козлов В.П. Тайны фальсификации. Анализ подделки исторических источников. М.: АО Аспект Пресс, 1994. 272 с.

О подделках литературных произведений см.: Hagen H. Litterarische palschungen. Hamburg, 1889; Parres J.A. Literary forgeries. L., 1907; Thiery A. Les grandes mystifications littepaires.P., 1911; Рейсер С.А. Основы текстологии. 2-е изд. М.: Просвещение, 1978. С.106-119;Лихачев Д.С. Текстология. На материале русской литературы X-XVII веков. 2-е изд. Л.: Наука, 1983. С.344-355;Уайтхед Д. Серьезные забавы. М., 1986.

См. также: Бурцев В.Л. «Протоколы сионских мудрецов» — доказанный подлог. 1-е изд. Париж, 1938; Данилова И.Н. «Завещание» Петра Великого // Труды Историко-архивного института. М., 1946. Т.2. С. 214-269; Делевский Ю. Протоколы сионских мудрецов. (История одного подлога). Берлин, Эпоха, 1923. 157 с.; Жуковская В.П. Поддельная докириллическая рукопись (к вопросу о методе определения подделок) // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С.141-144; Жуковская Л.П., Рыбаков Б.А. Мнимая «Древнейшая летопись» // Вопросы истории. 1977. № 6. С.202-205; Жуковская Л.П., Филин П.Н. «Влесова книга...» Почему не Велесова? (Об одной подделке) // Русская речь. 1980. № 4. С.117; Кон Н. Благословение на геноцид. Миф о всемирном заговоре евреев и «протоколах сионских мудрецов». М.: Прогресс, 1990. 245.(2) с.; Кораблев В.Н. В.Ганка и его «Краледворские рукописи» // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. 1932. № 6. С. 521-543; Лихачев Д.С. К вопросу о подделках литературных памятников и исторических источников // Исторический архив. 1961. № 6.; Мавродин В.В. Против

фальсификации истории географических исследований // Известия Всесоюзного географического общества. 1958. Т. С. 9-91; Маслов В.И. Оссиан в России. Библиография. Л.: АН СССР, 1928; Подделки // Энциклопедический словарь. Изд.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Спб., 1898. Полутом 47. С. 88; Подделка, Подлог // Большая Советская энциклопедия. 1-е изд. М., 1940. Т.45. С. 778, 794; Покровская В.Ф. Еще об одной рукописи А.И. Сулакадзева. (К вопросу о поправках в рукописных текстах) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. 1958. Т.14. С.634-636; Сперанский М.Н. Русские подделки рукописей в начале Х1Х в. (Бардин и Сулакадзев) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. 5. С. 44-101; Творогов 0.В. Когда была написана «Влесова книга» // Философско-эстетические проблемы древнерусской культуры: Сб. ст. М., 1988. Ч.2. С.144-195.; Ivanov, Miros1av. Utajene protokoly, aneb genialni podvod. Praha: MVCR, 1994. 224 s; Koscialkowski, S. Historyka. L., 1954; Tazbir J. Protocoly medrcow Syjonu. Autentyk czy falsyfikat. Warszawa, 1992;

2.3.4. Понятие достоверности исторического источника. Полнота и точность информации источника

От изучения внешних характеристик источника, обстоятельств его возникновения, интерпретации исследователь переходит к *внутренней критике*: анализу содержания.

Исследовательская практика представляет собой бесконечное движение ко всё более полному и глубокому познанию исторической действительности. Источник, если он даже является частью какого-то факта, не даёт нам представления о факте в целом. Ни один источник не может быть отождествлён с исторической действительностью. Поэтому, говоря о ***достоверности*** источника, мы говорим о ***степени*** *соответствия, информации, заложенной в нём, отображаемому явлению*. Само понятие «достоверность», предполагает, таким образом, не абсолютное (100%) соответствие, а относительное.

Если этап интерпретации источника предполагает создание психологически достоверного образа автора источника, использование наряду с логическими категориями познавательного процесса таких категорий как здравый смысл, интуиция, симпатия, сопереживание, то, в свою очередь, на этапе анализа содержания *превалируют*

логические суждения и доказательства, *сопоставление данных, анализ их согласованности друг с другом*. Такой подход помогает решить сложные вопросы объективности гуманитарного познания.

Исследователь может установить только степень соответствия факту-событию, но не их тождество. На основании источника исследователь лишь реконструирует, моделирует факт (объект) – вербально или с помощью других средств. И если сам по себе объект системен, то это ещё не говорит о системности наших знаний о нём. Общегуманитарный метод источниковедения позволяет в данном случае определить степень приближения к познанию реальной действительности прошлого. Помогают в этом также категории как *полнота и точность.*

Полнота источника – *это отображение в источнике определяющих характеристик, существенных черт изучаемого объекта, особенностей явления, главного содержания событий.* Иначе говоря, если на основании источника мы можем составить определенное представление о реальном факте прошлого, мы можем говорить о полноте источника. Кроме того, в исторических источниках мы довольно часто встречаем отображение огромного количества мелких факторов, деталей. Они не дают возможности составить впечатление об изучаемом явлении, событии, факте. Но их присутствие позволяет конкретизировать наше знание. В этом случае мы можем говорить о *точности* информации исторического источника, т. е. о том, в какой степени переданы в нем отдельные детали.

Полнота – характеристика качественная, она не находится в прямой зависимости от объема информации. Две страницы текста, маленький этюд (зарисовка) могут дать большее представление о происходившем, нежели увесистый том рукописи, огромная картина и т. д.

Точность, наоборот, *количественная характеристика: степень отражения в источнике отдельных деталей описываемого факта.* Она существенно зависит от объема информации. Поэтому очень тесной (как сказали бы математики, прямо пропорциональной) связи между точностью и полнотой не существует. Обилие информации, перечисление деталей, наоборот, может затруднить восприятие и понимание информации источника. Вместе с тем, на определенном этапе количество деталей позволяет существенно уточнить основное

содержание событий (переход количества в качество). Точно так как уточнение различных фрагментов отдельной картины способствует созданию представления о ней в целом.

2.3.4.а. Влияние условий возникновения информации источника на её достоверность

Определим основные этапы и примерную последовательность изучения влияния условий возникновения информации источника на её достоверность, используя также категории достоверности как полнота и точность.

Прежде всего, следует установить (временную, пространственную) близость источника к породившему его факту. При этом необходимо иметь ввиду, что это обстоятельство различным образом влияет на полноту и точность информации. Основное содержание событий может быть даже не отражено в источнике, при наличии множества деталей (как в известной басне И. Крылова: «Слона то я и не приметил»). Дневник, написанный по горячим следам, может содержать огромное количество деталей, но отнюдь не воссоздавать полную картину событий. Свидетель на месте аварии мог наблюдать определенные ее моменты, но не получить представление о ней в целом.

Следующим моментом является уточнение происхождения информации: имеем ли мы дело с информацией, основанной на личном наблюдении, или же эта информация заимствована. Естественно, мы интуитивно доверяем больше той информации, которую можем сами наблюдать («Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» – не в этом ли магический эффект кинохроники). Об этом факте знали и авторы источников. Поэтому первейшим условием является уточнение свидетельства о личном наблюдении, даже если это автор пытается доказать. Знание условий возникновения (места, времени, обстоятельств) и психологических характеристик творца источника позволяет на этом этапе существенно скорректировать его утверждения.

2.3.4.б. Анализ свидетельств, основанных на личном наблюдении

Итак, *первое условие – проверка того обстоятельства, в какой*

степени информация источника основана на личном впечатлении. Подтверждение такого факта не является подтверждением большей достоверности источника. Оно лишь определяет специфику дальнейшего изучения информации. Изучение должно следовать в направлении определения, тех личных качеств автора, которые могли способствовать искажению информации. При этом следует различать *сознательное и несознательное искажение информации*.

Довольно часто автор источника стремится к возможно более полному отображению происходящего, но *в силу особенностей своего восприятия* (подобно неумелому фотографу) фиксирует лишь огромное количество различных мелких деталей, на основании которых сложно восстановить суть происходившего.

Это же может быть вызвано и *неполным наблюдением события.* В большинстве случаев в источниках рассказывается о событиях сложных, охватить которые даже при благоприятных условиях свидетелям бывает нелегко. Условия же обстановки, в которых создавались источники, могут быть различными: от кабинетных, где имеется возможность спокойно осмыслить тот или иной вопрос и тщательно сформулировать каждую фразу создаваемого источника, до напряженных условий фронтовой обстановки, где источники создаются под огнем противника, при ограниченном времени, отсутствии элементарных удобств и даже средств для письма, под непосредственным впечатлением событий, которое может быть трезвым, правильным, но может быть и искаженным.

Поэтому следует учитывать особенности условий их создания, что, естественно, оказывает влияние на выбор методов их критики и оценки полноты и значимости содержащихся в них сведений. И при этом важен метод сопоставления различных документов. Поэтому, если источник является сообщением участника или свидетеля событий, *выясняется обстановка, в которой он находился при наблюдении*, и возможности, которыми он располагал для воспроизведения им действительности.

Помимо удачной позиции наблюдателю требуется достаточно времени, чтобы охватить все аспекты интересующего его события. Нередко более правильные суждения о том или ином событии можно высказать, посмотрев на него только по истечении определенного времени.

Но и при наличии указанных выше условий *события могут* быть

сложными и *развиваться так быстро, что свидетель не может охватить их во всей полноте и запечатлеть в своем сознании*. В таких случаях наблюдатель сосредотачивает свое внимание на тех явлениях, которые по каким-то причинам представляются ему более значительными, и описывает их подробно. Остальные фиксируются кратко, а иногда и вовсе остаются за пределами внимания наблюдателя. Между тем, лишь при учете этих событий, которые были известны автору и мимо которых он прошел, явление в целом становится более ясным.

Но, даже сумев понять существо происходивших на его глазах событий, автор источника не всегда мог удержать в памяти все важные детали до того момента, когда приступил к их изложению. Иногда наблюдение было полным, но автор неточно передал его, забыв со временем детали и подробности (явление, часто встречающееся в мемуарах), или оказался неспособным к правильному наблюдению и к точному истолкованию фактов.

В этом отношении меньше страдают дневники и другие повседневные записи, которые фиксируют впечатления по горячим следам. Иногда *заблуждения памяти* приводили к таким проблемам, при которых нарушалась элементарная логика в последовательности событий. В таких случаях автор источника стремился восполнить пробелы с помощью собственного воображения. В порыве увлечения он непроизвольно воссоздавал такие ситуации, которых в действительности не было, хотя они были близки тем, которые он наблюдал или в которых принимал участие, или же автор принимал одно лицо за другое. Например, военный врач И.Я. Шабунин в своих воспоминаниях «Моя трудовая жизнь» утверждал, будто в 1909 – 1912 гг. в Салониках встречался с В.И. Лениным, хотя по данным «Биохроники В.И. Ленина» тот никогда не был в этом городе.

Нередкими бывают случаи, когда внешнее *воздействие на автора* (пытки, угрозы, лишение свободы и др.) приводит к искажению им наблюдаемых фактов и их значения. Наиболее часто встречающимся случаем внешнего воздействия является *цензура,* которая нередко не дает автору возможности говорить то, что он хочет сказать. Цензура может быть государственной, издательской, автоцензурой, когда автор, предполагая возможность публикации своего труда, сообщает в нем только то, что может быть опубликовано в открытой печати.

На искажение рассказчиком исторических событий могли повлиять какие-нибудь навязчивые идеи, например, религиозный или политический фанатизм, или характерная для средневековья вера в непосредственное вмешательство бога, дьявола или других потусторонних сил в совершавшиеся события. При описании эпидемии 1092 года в Полоцке летописец приписал ее возникновение бесам, которых жители города якобы видели и слышали. Белорусская лекарка Саломея Русецкая, практиковавшая в середине XVIII столетия в Стамбуле, в своей рукописи воспоминаний «Эхо, представленное миру или описание путешествий и приключений моей жизни» привела рассказ о пережитой ею в турецкой столице эпидемии чумы и объяснение возникновения эпидемии со слов знакомого ей турка, который будто бы встретил по дороге в Стамбул молодого человека, который назвал себя «чумой» и вез список тех, кого он должен поразить смертью. Навстречу «чуме» выехало несколько тысяч всадников, которые ввели его в город. Той же ночью, по словам рассказчицы, двое жителей, живших в различных частях Стамбула, видели «чуму» и его спутников на улицах города. В эту ночь многие жители города умерли от чумы.

Подобными легендами со ссылками на якобы достоверных свидетелей жители различных стран пытались объяснить причину тяжелых эпидемических заболеваний.

Белорусский православный священник середины XVII века Афанасий Филиппович в своем сочинении «Диариуш албо список деев правдивых в справе помножения и объясненя веры православное голошеный» (1646) описывал небесные явления, которые будто бы сам видел «не през сон, але в день и наяве, только в захвиценю яком будучи (…) на небе хмуры барзо гневливые з войсками ушикованными, на каране готовыми, и на земли седм огнюв пекелных, на седм грехов смертельных зготованных, 3 тых огнюв, в пятом – жаристом гневи – трох особ выразне видилем: нунциуша легата в короне папежнской, Жигмонта кроля и Сапегу гетмана, за преслядоване церкви восточной барзо смутно седячих». Он же слышал голоса, исходящие от икон и призывающие его обратиться с жалобами на притеснение православной церкви к сейму Речи Посполитой. Проведенный нами анализ всего творчества этого писателя показывает, что он страдал нервно-психическим расстройством.

Благоприятные условия для наблюдения, умение разобраться в

фактах, отсутствие какого-нибудь влияния на рассказчика, его хорошая память не гарантируют абсолютной достоверности показаний свидетеля и даже участника событий, если он не умеет при изложении отобрать наиболее значительные факты. Перегружая рассказ несущественными деталями ими, наоборот, опуская важные, такой свидетель часто невольно создает впечатление о событиях, далекое от его собственного представления о них.

Главных в критике достоверности источника является определение в анализируемом источнике внутренних противоречий или противоречий с сообщениями других источников и причин этих противоречий. В ходе сопоставления источников у исследователя не всегда есть возможность использовать в качестве критерия те из них, достоверность которых сомнения не вызывает. Вследствие этого часто приходится прибегать к перекрестной проверке. При расхождениях приходится решать вопрос, какой из источников считать более достоверным. При этом необходимо руководствоваться результатами критики источников.

2.3.4.в. Критика сведений, взятых из вторых рук и их обобщений

Подавляющее большинство повествовательных источников основано не только на свидетельствах очевидцев. События, которые приходится описывать автору, бывают настолько сложными и многоплановыми, что ни один современник не в состоянии наблюдать их лично от начала до конца. Даже те авторы, которые рассказывали о прошлом, главным образом, на основе своих наблюдений, как правило, дополняли их другими материалами, часто приводили документы или факты, основанные на документальных данных, а также сообщения участников и очевидцев.

Во всех таких случаях приходится устанавливать, на основе каких источников сделано данное сообщение в исследуемом источнике. Иногда об источнике заимствования говорит ссылка у автора изучаемого нами источника. Так, автор воспоминаний «Такая долгая жизнь», хранящихся в Военно-медицинском музее в Петербурге, врач С.А. Сокольская приложила к соответствующим страницам своей машинописи справки, другие документы; вырезки газет, подтверждающие реальность описываемых ею событий.

Чаще подобной ссылки нет. Исследователю самому приходится

выяснять зависимость показаний одного источника от другого на основании генетической связи источников между собой, определять насколько точно переданы в изучаемом источнике сведения, заимствованные из другого источника. Иногда, даже точно переданное сообщение, но взятое из недостоверного источника, не может дать исследователю надежный материал о сообщаемых в нем фактах.

В источниках заключены факты, свидетелями которых были авторы документа, факты, заимствованные ими, и обобщения. Обобщения могут быть относительно простыми, например, в виде цифр, полученных путем подсчета данных, содержащихся в материалах, использованных автором документа. В летописях и хрониках нередко говорится о людских потерях от эпидемий, голода, в ходе сражения. К подобной численной оценке следует относиться критически. Если подобные исчисления приводятся в документах, составленных побывавшими в данной конкретной местности лицами, которые были заинтересованы в точности данных цифр, им, безусловно, можно доверять.

По материалам ревизии 1711 года Гродненского повета (уезда) (она осуществлялась властями для определения реальных возможностей жителей платить налоги и отбывать повинности) содержатся сведения о том, что в имениях Рачки и Щодруха умерло от чумы 540 человек, а в живых осталось 19; в имении Довспуда умерло 606 человек, а осталось 33 человека. Во многих деревнях уезда не осталось в живых ни одного человека. Инвентарь 1802 года, определявший повинности крепостных крестьян имения Бочейково Лепельского уезда Витебской губернии, свидетельствует, что после эпидемии 1801 года в восемнадцати деревнях имения осталось в живых всего 195 мужских душ против 616 в 1782 году. В одной из деревень вымерли все жители, в другой из семнадцати мужчин осталось только четыре. Когда же подобные исчисления приводились составителями летописей и хроник, эти сведения требуют проверки.

Монастырские хроники сообщали, что в 1600 – 1602 гг. в Полоцке от голода и эпидемий погибло пятнадцать тысяч человек, а в 1662 –1663 гг. четырнадцать тысяч человек; что в Бресте в 1657 – 1658 гг. от эпидемии скончалось две тысячи человек. По демографическим подсчетам в этих городах жило значительно меньше жителей, чем указано людских потерь.

2.3.4.г. Выяснение групповых политических и иных позиций автора и их влияние на информацию, заключенную в источнике

В источниках содержатся не только конкретные факты и их обобщение, но и выражается отношение автора к событиям и явлениям исторической действительности. Критика полноты, достоверности и точности сообщений источника – одно из средств установления исторического факта или явления. Основой для установления полноты и достоверности сообщений источника является всесторонний анализ общественно-социальных отношений и идеологии отдельных классов, т. е. понимание условий, в которых возникли источники.

Классовые и политические позиции автора, его личные симпатии и антипатии влияют на объективность свидетельства. Тенденциозность источника может проявляться открыто или завуалировано (общий тон, характеристики, умолчания об известных фактах и пр.). Классовые позиции авторов в ряде случаев прикрывались религиозной оболочкой. В отдельных случаях авторы даже не отдавали себе отчета в том, что за их религиозными взглядами стояли определенные классовые интересы.

Основным положением, которым руководствуются историки при установлении отношения автора источника к изображаемой им действительности, должно быть положение о том, что судить о взглядах людей нужно не только, а подчас не столько по их прямым заявлениям, декларациям, сколько по тем реальным целям, которые они перед собой ставят. Анализ может быть точным лишь тогда, когда он приводится совершенно трезво, независимо от симпатий и желаний исследователя.

Нельзя судить о групповой политической, идейной, научной направленности источника на основе одного или нескольких фактов или характеристик, приведенных в нем.

Выборочное использование данных, подтверждающих заранее сложившийся взгляд исследователя на исторический процесс, можно назвать потребительским. Доказывать его ошибочность вряд ли стоит, настолько оно очевидно.

Отношение автора к описываемым им событиям, его классовые, политические и другие групповые позиции косвенно отражают и

степень полноты, достоверности и точности содержащихся в источнике данных. Информация, заключенная в источнике, зависит не только от чувственного восприятия действительности ее наблюдателем, его умения передать в конкретной форме сведения, которыми он располагал, но и от стремления автора источника представить ее в определенном свете в зависимости от своего взгляда на нее.

Сознательное искажение действительности, вызываемое классовыми, религиозными, другими групповыми и сугубо личными мотивами, может иметь различные формы. Одной из этих форм является отбор фактов и явлений общественной жизни, которые авторы находили нужным отмечать в своих сочинениях. При этом умалчивались факты, которые были невыгодны авторам источника, а также благородные поступки представителей враждебного им лагеря.

Еще русский историк В.О. Ключевский предлагал историкам «из того, что говорят люди известного времени, подслушать то, о чем они умалчивали». Польский источниковед П. Бобиньска подробно разобрала вопрос о необходимости особенно внимательно относиться к таким «частным проблемам, которыми страдает каждый источник вследствие своей односторонности и естественных умолчаний», так же как и о необходимости подобного же отношения «к большим проблемам в источниковедческой базе, вследствие которых образуются белые пятна в наших знаниях».

На содержание источников оказывает влияние и то, с какой целью и кому адресован документ. Так, например, в заявках на получение имущества нередко занижалось их действительное наличие в частях и завышались потребности, чтобы получить больше от вышестоящей инстанции.

В кризисные периоды истории, как правило, учащалось описание в источниках сверхъестественных явлений. Примером этому служит и нарастающее сейчас появление сообщений о неопознанных летающих объектах, не объясняемых рационально передвижениях различных предметов, звуковых сигналов и тому подобных явлений в последние годы в нашей стране. Подобные явления фиксируются чаще всего в повествовательных источниках.

Изучая методом логически-смыслового анализа приводимые в повествовательных источниках факты, следует признать недостоверность сведений о сверхъестественных явлениях. При этом

приходится учитывать уровень знаний людей того времени, когда делались сообщения о подобных явлениях, и условия, в которых авторы этих сообщений находились. Явления, казавшиеся очевидцам чудом, на самом деле были реальными землетрясениями, кометами, затмением солнца, а о полетах ведьм на метлах, бесовских шабашах и т. д. люди говорили под очевидным влиянием религиозных и других групповых убеждений, а также массового психоза, галлюцинаций.

Критерием достоверности заключенной в источнике информации не может быть совпадение (или несовпадение) идей или оценок с идеями (или оценками) в других источниках. Они зависят от отношения автора к описываемым в источниках событиям и в большой степени определяются его классовыми, политическими и прочими групповыми позициями. В то же время совпадение сведений о самих событиях, содержащихся в не зависимых друг от друга источниках, может быть свидетельством их достоверности. Если упомянутые в источнике время и место события, его действующие лица, определенные детали или факт в целом подтверждаются источником, это может служить важным свидетельством их достоверности.

В независимых друг от друга источниках известия не совпадают слово в слово. Однако пользоваться ими для доказательства достоверности заключенных в источнике сведений можно. Такая возможность возникает тогда, когда известия в изучаемом источнике и в тех источниках, которые взяты для сравнения с ним, тождественны и согласуются друг с другом.

В «Хронике» пастора Конрада Буссова описан страшный голод в Москве в 1601–1603 гг. В это время «люди валялись по улицам и ели летом траву, а зимой сено подобно животным». От голода по сведениям Конрада Буссова погибло более пятисот тысяч человек. Подобные известия принимать без проверки рискованно. Поэтому А.П. Пронштейн обратился к сведениям «Сказания» келаря Троице-Сергиевой лавры Авраамия Палицына, в которых приводятся официальные данные о том, что за два года и четыре месяца указанных Буссовым лет только на трех московских кладбищах было захоронено сто двадцать семь тысяч человек. Исследователь привлек и запись, сделанную современником в «Кратком летописце», что в указанные годы в Москве «хоронили в день человек по 100, 90 и 300 и умерло за семь месяцев пятьдесят тысяч», и приписку, сделанную на

одном из списков «Повести о взятии Казани» современником, в которой говорится о страшном голоде и запустении в Москве в те же годы. Указанные источники генетически не связаны с «Хроникой» Конрада Буссова, не повторяют слово в слово его известия, но тождественны им и, несмотря на преувеличенные цифры погибших, в какой-то мере дополняют данные пастора. Это дает основание с доверием отнестись к показаниям Конрада Буссова, сделав поправку на то, что количество погибших им преувеличено из-за незнания настоящего числа жителей города.

Бывают, однако, случаи, когда показания источников тождественны, не расходятся в отдельных деталях, скажем, в указании на место и время событий, в перечне и участников, в описании хода событий, а прямых доказательств, свидетельств одного источника по сравнению с другим не имеется. Тогда отдается предпочтение тем авторам, которые, по мнению исследователя, находились в более благоприятных условиях для наблюдения, имели более надежные источники информации, могли более точно понять смысл событий или в силу классовых, политических и других групповых позиций могли бы осветить историческое явление более объективно.

Итак, первая задача исследователя состоит в выяснении условий, при которых в источнике возникла информация. Для свидетельских показаний таковыми будут возможности чувственного восприятия автора источника. Если известия получены из вторых рук, нужно выяснить их источники, полноту передачи содержащихся в них данных и правильный их подбор. При наличии обобщений изучается степень соответствия их отображенным в источнике явлениям.

В повествовательных источниках имеются не только факты и их обобщение, но и выражается отношение к ним автора. Поэтому исследователь вынужден раскрывать классовые, политические и прочие позиции автора источника и их влияние на информацию, заключенную в источнике.

Чтобы окончательно убедиться в полноте, достоверности и точности отображения действительности, приходится проверять каждое конкретное известие, содержащееся в нем, с учетом обстоятельств, при которых возникла данная информация. Достичь этого можно методом логически-смыслового анализа текста на основе изучения конкретной исторической обстановки. Если есть возможность, анализируемые явления сопоставляют со сведениями,

извлеченными из других источников не зависимых от подвергаемого анализа источника.

В итоге этой части анализа исследователь сможет признать показания источника достоверными, вероятными или отвергнуть их. Вышеизложенные общие принципы критики полноты, достоверности и точности источника могут быть дополнены и уточнены для различных видов и разновидностей источников, для которых существуют свои особые методы изучения и критики. Правильно прочтенный текст и предварительно установленная степень полноты, достоверности и точности сообщаемых источником сведений предшествуют правильному истолкованию источника, которое должно определить, есть ли в нем скрытое значение, не употреблены ли некоторые термины или образы источника в переносном смысле.

Приходится учитывать, что аллегорические и символические образы допускают различное их понимание. Поэтому неправильное толкование смысла содержания источника может привести к искажению его идейного вымысла. После того, как раскрыт истинный смысл содержания источника, нужно определить его назначение, которое получил источник после его создания. Одной из задач интерпретации (истолкования) источника является установление существенного в нем. Это должно содействовать объективному воспроизведению фактов прошлого. Поэтому при истолковании источников главное должно отделяться от второстепенного, закономерное от случайного, объективное от субъективного.

2.3.5. Источниковедческий синтез

Объективный отбор и анализ источников создает необходимые условия для синтеза источников. Господствовавший в прошлом метод изложения исторического процесса по событиям принимал за основу исследования отдельно взятые источники как свидетельства об единичных, однократных явлениях. Углубление теоретических представлений об историческом факте показало, что и так называемые элементарные исторические факты, которые были непререкаемыми для примитивной хроники и событийной истории, также могут быть поставлены под сомнение.

Синтез – завершающий этап изучения. На этом этапе создается возможность обобщить результаты анализа отдельных сторон

произведения, отдельных комплексов социальной информации, полученной при исследовании его структуры и содержания. Источниковедческий синтез предполагает вместе с тем синтез информации различных источников об одном и том же изучаемом объекте. Исторические источники «субъективны» в своей абстрактности, оторванности, но в массе, в системе, в синтезе они позволяют представить наиболее достоверное (для определенного этапа развития науки) объективное знание о прошлом.

Произведение рассматривается не только в эго эмпирической, непосредственной данности (как реально существующий объект или вещь), но более полно и более обобщенно – как явление культуры своего времени, определенной социокультурной общности, народа. Источник рассматривается в ряду других, близких к нему произведений, как по формам и способам отражения, так и по отношению к отображаемому факту. При этом устанавливается генеалогическая связь между источниками, сопоставляются источники по степени их достоверности и точности, происходит определение недостающих звеньев в цепи установленных фактов и т. д.

Имеется несколько видов генеалогической связи источников:

1) Совокупность документов, отражающих ход выработки окончательного решения. Если историк обратится лишь к последнему (резолюции партийного съезда, опубликованному законодательному документу и т. д.), то ему не только сложно будет избежать иллюстративности (цитирования), но и представить процесс принятия решения;

2) Совокупность источников, отражающих процесс авторской работы над текстом (эскиз, наброски, черновые материалы, «публикация», обнародование), позволяющие проникнуть в «лабораторию» автора;

3) Совокупность текстов различных авторов, связанных происхождения (фольклорные памятники; летописные тексты и т. д.). Представление о системе таких источников позволяет не только уточнять информацию, но и определять возможности существования неизвестных пока науке источников (примером чего послужили построения А.А. Шахматова);

4) Сводные, обобщающие документы, являющиеся результатом обработки первичных материалов.

Источниковедческий синтез, сосредоточивая внимание

исследователя на воссоздании целостности произведения как явления культуры, открывает возможность широких культурологических компаративных исследований, вовлекающих в поле изучения сходные (особенно по таким признакам, как структура, функции, цели создания и т. п.) явления культуры других времен и народов. В результате сравнительных исследований возникают возможности синтеза более высокого уровня – воспроизведение явлений общечеловеческой истории, феноменологии культуры. Ярким примером таких источников являются статистические материалы.

Довольно часто исследователи обращались к данным статистических таблиц без учета того на основании каких первичных данных осуществлялась обработка и как эти данные собирались. Именно это способствовало крайним оценкам статистики (для одних – всегда подтверждающие все цифры, для других существует ложь, большая ложь и статистика).

Именно источниковедческий синтез позволяет исследователям составить представление об изученном их круге, определить, достаточно ли собранных источников для решения избранной научной проблемы и в каком направлении следует предпринять усилия для поиска и влияния недостающих данных. Следовательно, в синтезе источников обнаруживается необходимость привлечения новых источников и создания основы для образования достоверных знаний или дополнения и уточнения старых.

На этапе источниковедческого синтеза уточняется *репрезентативность* источников – оценка ценности исторических источников, относительно некогда существовавшего их свода.

2.3.6. Изучение исторических источников на основе применения количественных методов и новых информационных технологий

Ограниченные возможности анализа источника традиционными методами внешней и внутренней критики проявились в конце XIX — начале XX вв. в связи с кризисом позитивистской парадигмы, ориентированной на иллюстративность в подаче исторических фактов. Для более глубокого изучения источников потребовались новые аналитические методы, которые были заимствованы историками из других гуманитарных наук, в первую очередь из социологии.

Другой причиной обращения к новым методам было смещение

интереса историков от описания индивидуальных явлений (идеографического подхода) к исследованию типичных явлений в истории (генерализирующему подходу). Это смещение было связано с проникновением в исторические исследования во второй половине XIX — начале XX вв. идей философских и политических направлений, которые были ориентированы на изучение деятельности макросоциальных групп (например, марксизм с интересом к классам и классовой борьбе). Уже в начале XX в. историки активно начали использовать методы дескриптивной (описательной) статистики при обработке исторических источников.

Новый этап активного использования количественных (математических) методов начался в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Количественные методы, по мнению И.Д. Ковальченко, представляют собой «обычный анализ явлений и процессов на основе системы количественных показателей», а математические – «это построение на основе системы численных данных формально-количественных, математических моделей этих процессов и явлений». Основной причиной, вызвавшей интерес историков к использованию количественных методов, было широкое введение в исследования массовых исторических источников, которые можно было эффективно обрабатывать только с помощью данных методов.

Массовыми, по мнению И.Д. Ковальченко, можно назвать «источники, характеризующие такие объекты действительности, которые образуют определенные общественные системы с соответствующими структурами». Наиболее распространенными видами массовых источников И.Д. Ковальченко считал: статистические материалы (переписи и обследования), материалы делопроизводства и личного учета, систематизированные справочные материалы, т. е. источники, которые позволяли изучать массовые процессы и явления, и в которых информация содержалась в агрегированной (обобщенной) форме. Б.Г. Литвак выделил иные признаки массовых источников (большое количество сохранившихся источников определенного вида, единый формуляр и др.), которые присущи преимущественно материалам делопроизводства.

Второй причиной активизации интереса к количественным методам было стремление исследователей повысить информативную отдачу источников. По мнению И.Д. Ковальченко, рассмотревшего источник в свете теории информации, извлекать данные из источника

можно бесконечно. Это вызвано тем, что в источнике наряду с открытыми (явными) сведениями присутствует скрытая (структурная) информация (взаимосвязи между показателями, группировка исторических объектов и др.), которую можно извлечь только с помощью количественных методов. Преимуществом скрытой информации является ее большая объективность, так как она формируется независимо от позиции автора источника.

Процесс использования количественных методов значительно упростился в связи применением электронно-вычислительных машин (компьютеров), позволивших автоматизировать процесс расчета количественных показателей. Начиная с конца 1950-х — начала 1960-х гг., в источниковедческих исследованиях количественные методы применяются в сочетании с информационными технологиями.

Новые информационные технологии представляют собой методы работы с информацией, основанные на применении современных технических средств (компьютеров, сканеров, модемов и др.) и программного обеспечения. На основании применения количественных методов и компьютеров в 1960-е – 1980-е гг. появились такие перспективные направления как «новая политическая история», «новая экономическая история» (эконометрия), «новая социальная история» в США, квантитативная история (клиометрика) в странах Европы, школа по использованию математико-статистических методов и ЭВМ в исторических исследованиях под руководством И.Д. Ковальченко в СССР.

Процесс комплексного применения количественных методов и информационных технологий при обработке исторических источников прошел в своем развитии два основных этапа. Первый этап охватил 1960-е - первую половину 1980-х гг., получив по определению Л.И. Бородкина название «Эра больших ЭВМ». Он характеризовался использование больших ЭВМ с ограниченным объемом памяти и программным обеспечением, которое требовало при работе историка с компьютером присутствия посредника-программиста. Второй этап – время «микрокомпьютерной революции» конца 1980-х - 1990-е гг., предоставившей историкам персональный компьютер с дружественным интерфейсом и коммерческим программным обеспечением, что позволило практически исключить из «цепи исследования» посредника-программиста.

На первом этапе количественные методы и компьютеры наиболее

интенсивно использовались при анализе письменных источников. Количественный анализ позволял:

1)Расшифровать источники, написанные на неизвестных «мертвых» языках. Подобные исследования в начале 60-х гг. провели новосибирские ученые В.А. Устинов, Э.В. Евреинов и Ю.Г. Косарев, проанализировавшие Дрезденскую и Мадридскую рукописи, а также книги «Чилам Балам», написанные на языке майя. С помощью метода подсчета частоты слогов и слов, близкого к контент-анализу, и компьютера им удалось подтвердить мнение крупнейшего знатока письменности майя Ю.В. Кнорозова об иероглифическом характере письма древних майя, установить соответствие между языком рукописей и языком майя начального периода колонизации XVI—XVII веков, отождествить более 90 % иероглифических комплексов Дрезденской и Мадридской рукописи со словами языка майя периода колонизации.

2)Провести атрибуцию, т. е. определить автора исторического источника. В середине 70-х гг. Л.В. Милов, Л.И. Бородкин при помощи формального анализа особенностей стиля устанавливали авторство анонимных произведений XV – XVI вв.

3)Выявить скрытую (структурную) информацию, заложенную в историческом источнике. Например, при помощи метода контент-анализа Л.М. Брагина в 1972 г. определила частоту встречаемости этических понятий в трактате «Об истинном благородстве» итальянского гуманиста XV века К. Ландино. А затем использовала в комплексе с контент-анализом метод корреляционного анализа для определения тесноты связи между этими этическими терминами.

4)Обработать большие массивы информации, содержащиеся в массовых исторических источниках (писцовых книгах, описаниях помещичьих имений, материалах статистики и др.).

5)Построить генеалогические стеммы (древа) рукописных источников. В середине 1970-х гг. Л.В. Милов и Л.И. Бородкин построили генеалогическую стемму рукописного законодательного источника – «Закона Судного людем», что позволило классифицировать все списки памятника.

6)Проводить историко-типологические исследования источников методами автоматической классификации (кластер-анализа и др.)

Конкретные формы анализа источников позволили разработать на теоретическом уровне методику их обработки на основе

количественных методов и информационных технологий. Для того, чтобы проанализировать источник на компьютере, его подвергали процедуре формализации и кодировки. При формализации весь текст источника структурировали, выделяя однородные исторические объекты (помещичьи имения, крестьянские хозяйства и др.) или одинаковые категории (этические понятия, социальные группы и др.). Затем на этапе кодировки выделенным объектам или категориям присваивали цифровые коды. Необходимость кодировки диктовалась тем, что «большие ЭВМ» обрабатывали информацию только в количественной форме.

На этапе «больших ЭВМ» возникали ограничения в применении количественных методов при анализе повествовательных источников, информация которых была слабо структурирована. При формализации подобных источников часть информации не удавалось перевести в количественную форму, и она терялась. Этот недостаток был устранен только в период «микрокомпьютерной революции», когда были разработаны полнотекстовые базы данных и основанный на их применении источнико-ориентированный подход. Эти новые компьютерные технологии позволили обрабатывать всю информацию повествовательного источника, проводить информационный поиск, и даже устанавливать лакуны (пропуски) и интерполяции (позднейшие вставки) в тексте источника.

Появление новых программных средств (мультимедийных систем, геоинформационных систем и др.) и технических средств (сканеров и др.) в период «микрокомпьютерной революции» позволило как найти новые методы анализа письменных источников, так и обрабатывать другие типы исторических источников (вещественные, изобразительные, картографические, кинофотодокументы, фонодокументы и др.). В настоящее время новые информационные технологии применяются при решении следующих источниковедческих проблем:

1.Представление письменных и изобразительных источников в виде графических файлов позволяет исследователю непосредственно работать с текстом или изображением источника и улучшить поврежденные страницы, иконы, картины.

2.Появление лазерных дисков (CD-ROMов) и использование информационных ресурсов глобальной компьютерной сети Internet предоставило исследователям прямой доступ к историческим

источникам в электронной форме, находящимся в архивах, библиотеках и музеях других стран.

3.Применение в обработке данных источника новых теоретических концепций, пришедших из других отраслей науки (например, методов синергетики, теории хаоса или нелинейной динамики, разработанных бельгийским ученым И. Пригожиным, методов искусственного интеллекта и др.).

В 1990-е гг. возникли новые отрасли источниковедения— компьютерное и информационное источниковедение. Компьютерное источниковедение – это дисциплина, ориентированная на разработку методов анализа исторических источников с помощью компьютера, принципов их формализации и представления в электронной форме, а также общих подходов использования информационных и компьютерных технологий в историческом исследовании. Информационное источниковедение основано на изучении источника в свете теории информации.

Использование компьютеров и компьютерных сетей привело к появлению нового типа источников – электронных документов. Многие из них становятся “мультимедийными”, объединяя текст, компьютерную графику, видео, анимацию, звук. Для обработки подобных “мультимедийных” источников необходимо использовать новые методы анализа, и даже специальный язык (HTML-язык и гиперссылки на цитируемые WWW сервера).

Различные виды программного обеспечения предоставили возможность историкам изучать источники по следующим направлениям:

- статистические пакеты (STATISTICA для Windows, Statgraphics, SPSS и др.) позволили анализировать как статистические источники, так и источники с неколичественной информацией с помощью широкого набора математико-статистических методов.

- электронные таблицы (Lotus 1-2-3, Quattro Pro, Excel и др.) дали возможность эффективно работать со статистическими источниками, которые представлены в форме таблиц.

- системы управления базами данных (DBASE, Fox Pro, Paradox и др.) позволили обрабатывать статистические источники, структурированные массовые источники, имеющие единый формуляр (метрические книги, личные дела, анкеты и др.), текстовые (нарративные) источники, изображения.

- текстовые редакторы и процессоры предоставили возможность проводить различные операции с текстами исторических источников.
- графические редакторы, а также новые компьютерные технологии (мультимедийные системы), основанные на использовании сканеров, видеотехники, оптических лазерных дисков (CD-ROM), позволили хранить и анализировать изобразительные источники.
- программы компьютерного картографирования и географические информационные системы (Atlas*GIS, ARC/INFO и др.) дали возможность воссоздавать и обрабатывать картографические источники.

«Микрокомпьютерная революция» также способствовала привлечению к анализу источников систем искусственного интеллекта (баз знаний, экспертных систем, когнитивных компьютерных моделей понимания текста, фреймовых систем и др.), в которых были смоделированы знания историков-профессионалов.

В 90-е годы в количественном и компьютерном анализе источников наметились следующие основные тенденции. Были продолжены, начатые с 1977 г. Л.В. Миловым и Л.И. Бородкиным, источниковедческие исследования, посвященные атрибуции повествовательных источников XII—XVIII вв. На основе анализа статистики парной встречаемости грамматических классов слов были предприняты попытки установить авторство «Повести временных лет», «Слова о полку Игореве», «Писем к Фалалею» (XVIII в.), определить «стилевые портреты» автора «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона, Кирилла Туровского, Ивана Пересветова, князя А. Курбского, царя Ивана Грозного.

С помощью пакета прикладных программ, разработанного Е.В. Злобиным, была произведена атрибуция «Записок» члена общества «Соединенных славян», декабриста И.И. Горбачевского. В результате статистического анализа, основанного на подсчете частоты встречаемости служебных слов в предложении, был сделан вывод, что автором «Записок» был другой, анонимный автор.

Такими же методами Е.В. Злобиным и А.В. Быстровым было проанализировано предсмертное письмо Б.В. Савинкова с целью установления его авторства. По версии А.И. Солженицына автором письма был агент ОГПУ Я. Блюмкин, бывший левый эсер, прославившийся участием в покушении на немецкого посла Мирбаха в 1918 году. Сравнительному анализу подверглись художественные

произведения «То, чего не было», «Конь вороной», статьи и письма Б. В. Савинкова, две записки Я. Блюмкина и предсмертное письмо. Использование количественных методов в сочетании с содержательным анализом источника, позволили сделать вывод, что Я. Блюмкин не мог написать за Б.В. Савинкова его предсмертное письмо.

Украинская исследовательница И.О. Тарнопольская методом диграммной энтропии, который позволяет определить статистические связи между буквами и частоту встречаемости каждого символа в тексте в процентном соотношении, а также парную встречаемость этих символов, исследовала исторический труд XVII века «Синопсис», созданный в Киево-Печерской Лавре и приписываемый И. Гизелю. Расхождения в коэффициентах диграммной энтропии позволили сделать вывод, что в создании «Синопсиса» принимали участие четыре автора.

Вторым направлением обработки текстовых источников стало использование метода контент-анализа для выявления скрытого смысла текста источника или характеристики мировоззрения, психологических черт и менталитета автора источника. Например, А.В. Быстров использовал компьютерный контент-анализ мемуаров о Б.В. Савинкове для составления его психологического портрета и характеристики его поведения в момент гибели. Подсчет частоты встречаемости в мемуарах современников психологических оценок Б.В. Савинкова (наиболее частые оценки «живой», «артистичный», «обаятельный») позволил сделать вывод о том, что Савинков принадлежал к истероидному (артистическому) психологическому типу. Поэтому он сам являлся организатором своей гибели, будучи «режиссером» и «исполнителем» самоубийства 7 мая 1925 года. Тем самым предположение А.И. Солженицына о том, что Савинков был выброшен охранниками в лестничный пролет внутренней Лубянской тюрьмы не нашло своего подтверждения. Работы А.В. Быстрова дают пример плодотворного сочетания количественных и психологических методов обработки исторических источников.

Метод контент-анализа был значительно усложнен В.И. Тихоновым при обработке личных дел граждан, лишенных избирательных и других социальных прав в 20-е гг., т. н. «лишенцев». С помощью специально разработанной методики статистической категоризации были выделены 80 категорий по таким направлениям,

как утверждение трудового и отрицание «нетрудового» статуса, сетования на нелегкую жизнь и оправдание «нетрудовой» деятельности. Затем при помощи статистического пакета SPSS была проведена автоматическая группировка и методом кластер-анализа были выделены 5 типов заявлений лишенцев, в которых группировались общие представления лишенцев о том, кто в СССР достоин избирательных прав (люди занимающиеся «общественно-полезным трудом», не использующие наемный труд, получавшие «нетрудовые доходы» в незначительном количестве и др.). Затем методом дискриминантного анализа заявлений лишенцев были выявлены общие и особенные черты принятия решений чиновниками избирательных комиссий Москвы об отказе или восстановлении гражданских прав. Был сделан вывод о том, что восстановление в правах проходило в силу хозяйственных причин, однако бывшим крупным торговцам, священникам и представителям эксплуататорских классов в восстановлении всегда отказывалось.

Третьим направлением применения количественных методов стала обработка массовых источников методами многомерного статистического анализа. Например, российский ученый С.Г. Кащенко с помощью методов анализа вариационных рядов, выборочного метода и корреляционного анализа исследовал массовые источники по реформе 1861 г. Санкт-Петербургской, Псковской и Новгородской губерний – уставные грамоты, выкупные акты и др. С.В. Воронкова применила корреляционный и кластерный анализ к массовым источникам по истории промышленности России начала XX века — промышленным переписям 1900, 1908 и 1910 — 1912 гг. Количественный анализ позволил исследователям уточнить выводы традиционной историографии по проведению реформы в северо-западных губерниях России в 1861 г. и развитию российской промышленности в 1900 — 1912 гг.

Белорусский историк А.Г. Кохановский на основании обработки методами многомерного статистического анализа опубликованных итогов переписи 1897 г., данных поземельных переписей 1877 и 1905 гг., военно-конских переписей 1888 и 1900 гг. и других статистических источников провел изучение социально-классовой структуры народонаселения Беларуси во второй половине XIX в. Исследователь выделил 20 количественных признаков, фиксирующих удельный вес основных социальных групп населения Беларуси, и

осуществил анализ взаимосвязей между ними методами корреляции и регрессии. Интерпретация матрицы коэффициентов корреляции позволила сделать вывод о слабости социальной мобильности сельскохозяйственного населения Беларуси в конце XIX века и незначительном уровне воздействия процесса капитализации на социальную структуру деревни. Анализ регрессионных моделей позволил выделить результирующие (зависимые) признаки: удельный вес занятого в промышленности населения, сельских жителей, занятых несельскохозяйственными промыслами, грамотного населения и др. С помощью метода главных компонент (разновидности факторного анализа) было проведено сравнительное изучение 35 белорусских уездов и выделено три основных фактора, влияющих на социальную структуру населения. На завершающем этапе работы был использован агломеративно-иерархический метод кластерного анализа, который позволил выделить 4 региональных типа уездов, близких между собой по социально-классовой структуре. Применение методов многомерного статистического анализа дало возможность проранжировать уезды по уровню их социального развития.

Обработка массовых источников методами многомерного статистического анализа в настоящее время все чаще проводится с использованием таких информационных технологий, как электронные таблицы и статистические пакеты.

Четвертым направлением в применении количественных методов и информационных технологий стала обработка источников с помощью реляционных и полнотекстовых баз данных. Белорусскими исследователями В.Е. Кудряшовым и О.Л. Липницкой были введены базы данных и обработаны массовые исторические источники – пописы войска Великого княжества Литовского 1528, 1565 и 1567 гг., материалы Литовской Метрики. В.Е. Кудряшов с помощью СУБД Acces 7.0 обработал реестр подымного налогообложения Оршанского повета Великого княжества Литовского 1667 г. Исследователю удалось выделить в высоко структурированном источнике три основных категории налогоплательщиков: шляхта, духовенство и «люди простого стану» – мещане и татары. Статистический анализ показал, что между титулом налогоплательщика, занимаемой им государственной должностью и размером его землевладения существует прямая корреляция. На основании расчета средних

статистических величин – моды и медианы исследователем было установлено, что типичный налогоплательщик Оршанского повета носил титул «пан» и имел всего 1 дым. Рассчитан был также коэффициент Джини, величина которого позволила сделать вывод о высокой степени концентрации недвижимости в руках небольшой группы крупных землевладельцев.

Е.Я. Павлова на основании списков личного состава отрядов и бригад за период 1942 — 1944 гг. составила базу данных по партизанам Минской и Бресткой областей, которую обработала с помощью электронных таблиц Excel и СУБД Access. На основании анализа был установлен удельный вес различных национальностей партизан, их образовательный уровень, партийность, удельный вес партизан-женщин и молодежи. М.А. Войтович составил базу данных по 6 инвентарям владения Тимковичи Новогрудского воеводства и проанализировал эволюцию денежных и натуральных повинностей крестьян за период с 1622 по 1761 гг.

На основании накопленного опыта по применению количественных методов и информационных технологий для анализа исторических источников, можно сделать вывод, что новые методы, дающие дополнительные возможности в изучении памятников прошлого, эффективнее всего использовать в сочетании с традиционными методами источниковедческого исследования.

Литература

Белова Е.Б., Бородкин Л.И., Гарскова И.М., Изместьева Т.Ф., Лазарев В.В. Историческая информатика. М., 1996.

Бородкин Л.И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986.

Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996.

История и компьютер: новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании / Отв. ред. Л. Бородкин и В. Леверманн. Goettingen, 1993.

Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации (к постановке проблемы) // История СССР, 1982, № 3.

Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Современные методы изучения исторических источников с использованием ЭВМ. М., 1987.

Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977.

Методы количественного анализа текстов нарративных источников. М., 1983.

От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства / Под ред. Л.В. Милова, М., 1994

Сидорцов В.Н., Балыкина Е.Н. и др. Историческая информатика. Мн., 1998.

Раздзел І. Прадмет і змест крыніцазнауства. Вызначэнне гістарычнай крыніцы.

Гістарычная навука і крыніцазнауства. Аб'ект і прадмет крыніцазнауства. Вызначэнне гістарычнай крыніцы. Гістарычная крыніца і гістарычны дапаможнік. Гістарычны факт і крыніца. Месца крыніцазнауства у сістэме навук: архівазнауства, музеязнауства, бібліяграфіі, інфарматыкі. Методыка і метадалогія крыніцазнауства. Тэарэтычнае і прыкладное крыніцазнауства. Крыніцазнаўства гісторыі і іншых навук, іх суадносіны.

Прырода гістарычнай крыніцы. Крыніца -- адзінства аб'ектыунага і суб'ектыунага. Геаграфічнае асяроддзе як спецыфічная крыніца аб мінулым. Пазнавальная функцыя гістарычнай крыніцы. Крыніца і гістарычная свядомасць грамадства. Вызначэнне «гістарыяграфічнай крыніцы». Гістарычная крыніца як аснова вызначэння міждысцыплінарнага сінтэзу.

Раздзел ІІ. Гісторыя крыніцазнауства.

Умовы зараджэння крыніцазнаўства як навукі. Асноўныя этапы развіцця крыніцазнаўства. Развіцце крыніцазнаўства ў Расійскай імперыі. Зараджэнне расійскай школы крыніцазнаўства.

Назапашванне практычнага вопыту работы з крыніцамі па гісторыі феадалізму. Неабходнасць у асэнсаванні гістарычных крыніц у кан.XIX - пач.XX ст.ст. Распрацоука тэорыі і методыкі гістарычнага

крыніцазнауства. Стварэнне першых навучальных дапаможнікау і манаграфій па пытаннях крыніцазнауства. Ш-В.Ланглуа, Ш.Сеньасабос. В.В.Ключэўскі. Распрацоука тэорыі і методыкі крыніцазнауства. А.С.Лаппо-Данілеўскі. Развіцце крыніцазнаўства ў навейшы час. Дыскусіі аб сутнасці гісторыі і ролі гістарычных крыніц. М.Блок. Распрацоўка тэорыі крыніцазнаўства савецкімі гісторыкамі. С.О.Шмідт, В.М.Медушэўская і інш. Колькасныя метады вывучэння крыніц І.Д.Кавальчанка. Распрацоўка крыніцазнаўства гісторыі Беларусі. З.І.Даўгяла, М.М.Улашчык.

Раздзел III. Класіфікацыя і сістэматызацыя крыніц

Класіфікацыя, яе сутнасць і мэты. Крытэрыі класіфікацыі. Класіфікацыя і сістэматызацыя. Віды сістэматызацыі. Спробы класіфікацыі гістарычных крыніц на "рэшткі" і "паданні". Фіксаваная і нефіксаваная сацыяльная інфармацыя. Падзел крыніц па способу фіксавання інфармацыі на рэчавыя, пісьмовыя, вусныя, этнаграфічныя, лінгвістычныя, фотакінадакументы, фонадакументы. Класіфікацыя крыніц па іх паходжанню і відах. Падзел крыніц па формах адлюстравання рэчаіснасці. Рэчавыя, пісьмовыя, фанічныя, выяуленчыя (выяуленча-графічныя, выяуленча-мастацкія, выяуленча-натуральныя) крыніцы. Адлюстраванне у крыніцы фіксаванай інфармацыі. «Вусная гісторыя» і яе крыніцы. Тыпалагічныя класіфікацыі ў залежнасці ад знешніх прыкмет крыніц. Класіфікацыя С.О.Шмідта. Падзел крыніц на рэчавыя, выяўленчыя, славесныя, канвенцыянальныя, крыніцы паводзін і гукавыя (аўдыяльныя). Пісьмовыя крыніцы, іх роля ў вывучэнні гісторыі. Класіфікацыя пісьмовых крыніц. Дакументальныя і апавядальныя крыніцы, іх асноўныя віды і асаблівасці вывучэння.

Раздзел IV. Выяуленне крыніц

Выяуленне гістарычных крыніц. Задачы эурыстыкі. Пошук апублікаваных крыніц. Звесткі аб публікацыях гістарычных крыніц. Перавагі і недахопы публікацыі. Гістарычная бібліяграфія.

Выяуленне крыніц у архівах. Элементы выпадковасці у іх пошуку. Падрыхтоучая работа да наведвання архівау. Складанне спісау архівау, фондау, фондаутваральнікау. Вывучэнне навукова-

даведачнага апарату архівау, вопісау фондау. Вывучэнне справу. Пошук і сістэматызацыя крыніц. Складанне і збор рабочых матэрыялау для афармлення работы.

Раздзел V. Знешняя крытыка крыніц

Знешняя крытыка пісьмовых крыніц. Прачытанне і асэнсаванне зместу тэкста. Значэнне кантэкста для разумення граматычных норм і лексічнага зместу крыніцы. Паняцце рэдакцыі, спісу, ізводу. Этапы стварэння дакументаў: чарнавікі, белавікі, копіі.

Аднауленне арыгінала па тэксту у некалькіх спісах, ізводах, рэдакцыях. Рэканструкцыя тэкстау.

Інтэрпрэтацыя гістарычнай крыніцы, яе адрозненне ад граматычнага прачытання тэкста. Тэрміналагічны аналіз. Вытлумачэнне заканадаучых крыніц. Выкарыстанне юрыдычнай тэрміналогіі. Вытлумачэнне актау. Склад актавага фармуляра. Вытлумачэнне апавядальных крыніц. Вывучэнне непасрэднага зместу тэкста, алегорый, іншаказанняу. Веданне канкрэтных гістарычных абставін стварэння крыніцы.

Вызначэнне часу узнікнення крыніцы. Паняцці «календар», «эра». Аналіз непасрэднай і ускоснай інфармацыі аб часе. Сінтэз інфармацыі аб часе. Адлік часу ад вядомай падзеі. Вывучэнне формы дакумента. Дапасаванне звестак з іншых крыніц.

Методыка лакалізацыі узнікнення крыніц. Выкарыстанне дадзеных гістарычнай геаграфіі. Спалучэнне звестак графічных і пісьмовых помнікаў. Аналіз непасрэднай і ўскоснай прасторавай інфармацыі, яе сінтэз. Тапонімы і мікратапонімы, этнонімы і інш.

Атрыбуцыя. Улік непасрэдных звестак. Прозвішча, імя, мянушка. Раскрыцце крыптонімаў, псеуданімаў. Ананімныя крыніцы і іх атрыбуцыя. Новыя метады ўстанаўлення аўтарства. Выкарыстанне ЭВМ.

Выяуленне падложных і падробных крыніц. Магчымыя мэты іх стварэння. Спосабы выяулення інтэлектуальнага падлогу.

Асаблівасці вызначэння рэчавых крыніц. Прымяненне метадаў іншых навук.

Раздзел VI. Унутраная крытыка крыніц

Мэты і задачы унутранай крытыкі крыніц. Паняцце аб даставернасці. Пауната і дакладнасць інфармацыі.

Вызначэнне навуковай каштоунасці інфармацыі ў адпаведных крыніцах. Метады выяулення навуковай каштоунасці розных відаў пісьмовых крыніц. Крыніца і гістарычны кантэкст.

Спосабы вывучэння актавага матэрыялу: канкрэтна-гістарычны і фармулярны аналіз. Вывучэнне уплыву умоу, у якіх узнікае інфармацыя, на яе паўнату і дакладнасць інфармацыі. Аналіз сведчанняу, заснаваных на асабістым назіранні. Крытыка звестак, атрыманых з другіх крыніц і абагульненняу. Вызначэнне сацыяльных, палітычных і групавых пазіцый аутара, іх уплыу на інфармацыю, змешчаную у крыніцы. Метады канчатковага устанаулення каштоунасці інфармацыі: праверка паўнаты, даставернасці і дакладнасці інфармацыі адпаведнай крыніцы.

Раздзел VII. Сінтэз гістарычнай інфармацыі. Паняцце рэпрэзентатыўнасці.

Паняцце сінтэзу інфармацыі. Сінтэз гістарычнай інфармацыі, яго сутнасць і мэты. Супастаўленне звестак, атрыманых на этапе унутранай і знешняй крытыкі. Вызначэнне ўзаемасувязі і ўзаемаўплываў. Пабудова генеалагічнага раду крыніц. Паняцце рэпрэзентатыўнасці. Гістарычная крыніца і музейны экспанат.

Раздзел VIII. Прымяненне камп'ютэрных тэхналогій і колькасных метадау у апрацоуцы крыніц

Абмежаванне магчымасці вывучэння крыніц традыцыйнымі метадамі. Неабходнасць у павышэнні інфарматыунасці крыніц. Крыніца у свеце тэорыі знакау. Выкарыстанне колькасных метадау. Прымяненне у крыніцазнаустве камп'ютэрных тэхналогій. Масавыя крыніцы і спосабы іх апрацоукі.

Працэдура падрыхтоукі тэкста крыніцы для колькаснага аналізу і структураванне, фармалізацыя і кадзіроука інфармацыі.

Асаблівае і падобнае у гістарычных крыніцах. Магчымасці і абмежаванні прымянення колькасных метадау і камп'ютэрных тэхналогій у апрацоуцы апавядальных крыніц. інфармацыйны пошук лакун, купюр, інкарпарацый, экстрапаляцый і пазнейшых уставак.

Літаратура

Да раздзелаў I, II, III:

Беленький И.Л. Разработка проблем теоретического источниковедения в исторической науке (1969-1983). М., 1983

Евграфов Е.М. Кинофотодокументы как исторический источник. М., 1973.

Иванов Г.М. Исторический источник и исторической познание. Томск, 1973.

Иванов Г.М. О социальной природе исторического источника // Тр. Томского гос.ун-та. Томск, т.11. с.73-85.

Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В. Методические проблемы исторического познания. М., 1981.

Клейн Л.С. Археологические источники. Л: ЛГУ, 1978.

Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

Медушевская О.М. Современное зарубежное источниковедение. М., Высш.школа, 1983.

Проблемы устной истории СССР (тезисы научной конференции). Киев, 1990.

Пронштейн А.П., Данилевский И.Н. Вопросы теории и методики исторического исследования. М., Высш.школа, 1986.

Пронштейн А.П., Задера А.Г. Методика работы над историческими источниками. Уч.-методич.пособие. Изд-во Моск.ун-та. 1977.

Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975.

Фарсобин В.В. О предмете дипломатики и ее соотношение с источниковедением // Вопросы истории, 1978. № 1.

Шкуратов И.А. Историческая психология. М.: «Смысл», 1997

Шмидт С.О. Путь историка: избр.труды по источниковедению и историографии. М., РГУ, 1997.

Да раздзела IV:

Пушкин В.Н. Эвристика – наука о творческом мышлении. М., 1967.

Суслова Е.Н. Поиск архивных документов. Лениздат. 1987.

Улащик Н.Н. Очерки по источниковедению и археографии истории Беларуси феодального периода. Мн., 1973

Федотов В.В. Техника и организация умственного труда. Мн., 1983.

Ходаковский И.И. Организация поиска источников и литературы в источниковедческом исследовании. Уч.пособие. М., МГИ АИ, 1976.

Да раздзелаў V-VI:

Бережков Н.Г. Хронология русского летоисчисления // Проблемы источниковедения. Вып. VI, 1958.

Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975.

Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные явления в русских летописях XI-XVII вв. Л., 1983.

Виноградов В.В. Проблемы авторства и теория стилей. М., 1961

Горбачевский Н. Краткія табліцы, необходимыя для историй, хронологии вообще для всякого рода археологических изследований. Вильна, 1867.

Ермолаев И.П. Историческая хронология. Казань, 1980.

Ефременков Э.Л. Раскрытие авторства на основе анализа идейного содержания произведений // Вопросы текстологии. Вып.2 М., 1960.

Каменцева Е.И. Хронология. М., 1982.

Климишин И.А., Календарь и хронология. М., Наука, 1985.

Лихачев Д.С. Вопросы атрибуции произведений древнерусской литературы // Труды Отдела древнерусской литературы АН СССР. Ин-т литературы. Т.17. М.-Л., 1961.

Носовский Г.В., Фоменко А.Г. Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии, Рима. Факты, гипотезы. Т.1. Русь. М., 1995

О принципе определения авторства в связи с общими проблемами теории и истории литературы. Л., 1960.

От Нестора до Фонвизина Новые методы определения авторства. Под ред. Л.В.Милова. М., 1994.

Пиотровский Р.Г. Анонимные произведения и их авторы (предисловие). Мн., 1988.

Пронштейн А.П. Кияшко В.Я. Хронология. М., 1981.

Святский Д.О. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. Пгр., 1915.

Статистика текста. Мн., 1969.

Хавский П.В. Взгляд на хронологию еврейскую, христианскую вообіе и русскую в особенности. Спб., 1849.

Хронология Российской истории. Энциклопедический справочник. М., 1994.

Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет», Барнаул, 1995.

Черепнин Л.В. Русская хронология. М., 1944.

Щербиновский Н.С. Сезонные явления в природе. М., 1966.

Літаратура:

Дакументы па гісторыі Беларусі, якія зберагаюцца ў Цэнтральных архівах СССР. -Мн., 1991.

Игнатенко А.П. Введение в историю БССР. -Мн.: Высшая школа, 1965. -с.19-22.

Историческое краеведение Белоруссии. -Мн.: Изд-во БГУ, 1980. -с.201-213.

Государственные архивы СССР: Справочник: В 2 ч. -М.: Мысль, 1989.

Центральный государственный исторический архив Белорусской ССР в г.Гродно: Путеводитель. -Мн., 1956. -80 с.

Центральный государственный исторический архив БССР в г.Минске: Путеводитель. -Мн.: Полымя, 1974. -336 с.

Леонтьева Т.Е. Документальные материалы фонда князей Радзивиллов как исторический источник // Вопросы архивоведения и источниковедения в БССР. -Мн.: Вышэйшая школа, 1971. -с.320-328.

Бібліяграфія па гісторыі Беларусі. Феадалізм і капіталізм. -Мн., 1969. - 437 с.

Игнатенко А.П. Введение в историю БСР. -Мн.: Высшая школа, 1965. - С.22-26.

Каралеў Г.І. Польскія публікацыі царкоўна-гістарычных крыніц у XIX -XX ст.// Наш радавод. Кн.4 /частка 3/. -Гродна, 1992. - С.184-190.

Каталог сборников документов, изданных архивными учреждениями СССР. 1917-1960. -М., 1961.

Сокольчик А.А. Дооктябрьская книга на русском языке о Белоруссии (1768-1917 гг.). Библиографический указатель. -Мн.,

/Государственная библиотека БССР/, 1976. -426 с.

Статут Вялікага княства Літоўскага. 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі. -Мн.: БелСЭ Імя П.Броўкі, 1989. -с.457-459, 462, 467, 469, 485-486.

Улащик Н.Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. -М.: Наука, 1973. -303 с.

Алексеев Л.П. Полоцкая земля /очерк истории Северной Белоруссии / в IX-XIII вв. -М.: Наука, 1966. -296 с.

Аповесць пра Міндоўга і Войшалка // Спадчына. 1990, -№ 3. -С.50-53.

Ермаловіч М.І. Па слядах аднаго міфа. -Мн.: Навука і тэхніка, 1991. -98 с.

Ермаловіч М.І. Старажытная Беларусь. -Мн.: Мастацкая літаратура, 1990. -366 с.

Ермаловіч М.І. Тацішчаўскія звесткі пра Беларусь // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1976. -№2. -С.33-35.

Заяц Ю.А. Заславль X-XVIII веков. -Мн.: Наука и техника, 1987. -С.8-30.

Кузьмин А.Г. Русские летописи как источники по истории Древней Руси. - Рязань, 1969. -240 с.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. -М.: Наука, 1982. -С.522.

Улащик Н.Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. -М.: Наука, 1985. -С.237.

Филист Г.М. История «преступлений» Святополка Окаянного. -Мн.: Беларусь, 1990. -156 с.

Чамерыцкі В.А. Да пытання аб раннім летапісанні Беларусі (XII-XIII ст.) //Весці АН СССР. Серыя грамадскіх навук. Вып.3. -Мн., 1965. -С.90-98.

Гсторыя беларускай літаратуры. Старажытны перыяд. -Мн.: Вышэйшая школа, 1985. -С.37-40, 45-49.

Древнерусская литература. Источниковедение. -Л.: Наука, 1984. -272 с.

Ермаловіч М. Сведчанні «Слова...» // Спадчына. 1990. -№ 2. -С.2-8.

Катэрлі А. «Немиги кровавые берега...» // Беларуская думка. 1992. -№ 10. -С.52-61.

Публікацыі крыніц:

Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов. В 4 т. Т.I. -Мн.: Изд-во АН БССР, 1959. -С.28-82.

Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов. -М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. -640 с.

Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. XI-начало XII вв. -М.: Художественная литература, 1978. -С.23-277.

Старажытная беларуская літаратура. Зборнік. -Мн.: Юнацтва, 1990. -С.17-43.

Старонкі Полацкага летапісу // Спадчына. 1990. -№ I. -С.42-45.

Хрестоматия по истории Белоруссии. С древнейших времен до 1917 г. -Мн.: Изд-во БГУ им.Ленина, 1977. -С.8-13, 14-17, 21-23.

Памятники литературы Древней Руси. XI-начало XII века. -М.: Художественная литература, 1978. -С. 393-416.

Памятники литературы Древней Руси. XII век. -М.: Художественная литература, 1980. -С.283-323, 373-387.

Творения святого отца нашего Кирилла, епископа Туровского. -Киев, 1880.

Старажытная беларуская літаратура. Зборнік. -Мн.: Юнацтва, 1990. -С.44-53, 75-83.

Аповесць жыцця і смерці святой і блажэнняй і найпадобнейшай Еўфрасінні... // Арлоў У. Еўфрасіння Полацкая. -Мн.: Мастацкая літаратура, 1992. -С.179-195.

Житие блаженыя Еуфросинии, игумении Вседрьжители Святаго Спаса во градь в填лодсць // Старажытная беларуская літаратура. Зборнік. -Мн.:Мастацтва, 1990. -С.54-66.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тесты

Вариант 1.

1.Локализация исторического источника – это:

а) определение места возникновения (создания);

б) определение времени возникновения;
в) установление автора;
г) это этап внешней критики.

2.Исторический источник – это:
а) материальный объект, фиксированная информация;
б) то, что изучается с определенной целью;
в) свидетельствует о реальной жизни общества, об историческом прошлом;
г) находится на поверхности земли или в ее недрах.

3.Установите примерную последовательность изучение исторического источника:
а) синтез исторической информации;
б) интерпретация исторического источника;
в) прочтение и восстановление текста исторического источника;
г) определение достоверности исторического источника;
д) определение места, времени и автора.

4.Теоретическое источниковедение – это:
а) методология источниковедения;
б) наука, которая изучает теоретические проблемы истории Беларуси;
в) наука о методах, об основных принципах источниковедческого познания;
г) наука, важнейшие задачи которой является исследование структуры и свойств источниковедческой информации, теории, методики, истории и организации способов этой информации, способов ее сохранения и изучения.

5.Археография – это:
а) наука о надписях на твердом материале;
б) наука о графических формах текста;
в) наука, которая разрабатывает методику поиска и сбора письменных памятников;
г) наука, которая определяет правила научного учета и описания рукописей и рукописных памятников;
д) наука, которая разрабатывает принципы создания

исторических источников.

6.Впервые термин “исторический источник” был введен:
а) немецким ученым Шлецером;
б) профессором Каченовским;
в) в работе “Опыт изучения русских летописей” (1768 .г.);
г) в труде “Об источниках для русской истории”.

7.Методика источниковедения – это:
а) наука о преподавании предмета “Источниковедение”;
б) совокупность определенных приемов и правил, их использования в работе источниковедения;
в) определенные технические приемы, употребляемые при изучении исторических источников.

8.Полнота исторического источника – это:
а) черта, в большей степени характерная для воспоминаний или для дневников;
б) качественная характеристика источника;
в) количественная характеристика источника;
г) степень передачи отдельных деталей;
д) отражение наиболее характерных черт, качеств предмета, сути изучаемого исторического факта.

9.Подлинность исторического источника определяется на этапе:
а) интерпретации исторического источника;
б) внешней критики;
в) внутренней критики;
г) синтез исторического источника.

10.Источниковедческая эвристика – это:
а) наука о поиске литературы по теме;
б) организация поиска источников в архиве;
в) организация поиска источников в библиотеках, коллекциях, собраниях;
г) определение темы.

Вариант 2.

1.Подделка – это:

а) текст с преднамеренно ложным указанием автора, места, времени создания источника;

б) текст, сфальсифицированной с определенной целью;

в) овеществленное (материализованное) искажение источника;

г) внесение ложных сведений в источник лицом, имевшим право составить его в качестве подлинного.

2.Протограф – это:

а) первоначальный текст;

б) окончательно установленный, наиболее точный текст источника;

в) ближайший текст, к которому восходит данный текст;

г) вариант, охватывающий относительно большой отрезок текста и содержащий важные смысловые отличия.

3.Классификация исторических источников – это:

а) деление на группы по внешним сходным признакам;

б) разделение на группы на основании общности свойств и содержания;

в) учет внутренних количественных, характерных для каждой группы источников черт.

4.Метрология – это:

а) раздел сфрагистики;

б) наука, изучающая единицы длины;

в) наука, изучающая единицы измерения, системы единиц измерения;

г) научная дисциплина, изучающая единицы площади, объема, массы.

5.В каких случаях историческое пособие может послужить в качестве исторического источника:

а) если тексты источников, воспроизводимые в пособии, не сохранились;

б) если пособие содержит перевод источников;

в) если пособие не содержит элементов научной критики;
г) если пособие содержит элементы личного впечатления автора;
д) если пособие является предметом изучения.

6.Каноническое имя – это:
а) прямое указание на автора;
б) имя, которое давалось при рождении;
в) имя, которое давалось при крещении в честь святого;
г) любое имя, которое записывалось в церковной книге.

7.Ультра мартовские датировки:
а) датировки, которые начинались до марта;
б) датировки, имевшие разницу в один год, с началом года у восточных славян;
в) датировки, имевшие разницу в один год с началом мартовского года;
г) опережали византийские датировки на год.
8.Коньюктура – это:
а) сличение одного или нескольких текстов;
б) научная проверка точности текста, его достоверности и подлинности;
в) восстановление утраченного текста по косвенным признакам;
г) исправление дефектного текста на основании обоснованных догадок.

9.Нумизматика – это:
а) научная дисциплина, изучающая историю монетной чеканки;
б) научная дисциплина, имеющая предметом изучения историю денежного обращения;
в) научная дисциплина, которая изучает клады;
г) раздел сфрагистики;
д) специальная историческая дисциплина.

10.Основной текст – это:
а) окончательно установленный текст источника;
б) наиболее точный текст источника;
в) первоначальный текст;
г) список протографа.